

Феминистка в гареме

Я - Хюррем!

Представьте, что вместо Александры Лисовской в гарем попадает наша современница, отъявленная феминистка, но при этом все еще верящая в любовь с первого взгляда. Что это будет? Она перевернет мир!:)

Часть 1. В неволе.

Пролог

Ветер звал. Пел песню, слова которой непонятны были простому человеку.

Ветер просил вернуться...

Кара Дениз — Черное море...Бескрайнее, прекрасное, не одну тайну скрывшее в своих глубоких волнах. Турецкий корабль, полный русских невольниц, направлялся в Стамбул. Уже начали показываться на небе первые звезды, когда сопровождавшего столь ценный груз Айяза-эфенди неожиданно охватило дурное предчувствие.

— Ин ша Аллах... — пробормотал толстый низенький турок, оглядывая своих зареванных пассажиров. — Ин ша Аллах, доплыть нам до султана с попутным ветром и без потерь!

Рыжеволосая невольница, которую планировали подарить новому великому визирю, неожиданно открыла глаза.

— На Бога надейся, а сам не плошай, — на чистейшем турецком языке произнесла она, хитро улыбаясь. — О чем задумался, болезный?

Айяз поперхнулся. Роксоланка еще утром не понимала и слова из того, что он пытался ей сказать, переводила ей одна из невольниц — а тут вдруг нате вам, пожалуйста! И не просто заговорила — речь льется, словно мед, плавная, прекрасная...

Только очень уж дерзкая.

— Русская рабыня, держи язык за зубами! — нервно утерев пот со лба, прикрикнул на девчонку Айяз. Рыжая передернула плечами и поинтересовалась:

— А где ты здесь увидел рабыню, пес?

Последнего слова ей лучше было не произносить...

Рыжая плакала, кричала, молила о пощаде и пыталась вырваться — но турки били умело. Чтобы кожу не попортить, но боль причинить. Этому учились долго.

— Я вам всем устрою... Варфоломеевскую ночь! — от души пнув своего мучителя, выплюнула рыжая, зло сверкая глазами. — Скоты, мало мы Вас били при Екатерине, нужно было не бить, а добивать!

— Айяз-эфенди, никак она шпионка...или блаженная — странные вещи говорит... — незаметно подкралась к турку черноволосая и черноглазая невольница Дарья с Крыма. — Вы уверены, что ее следует везти в подарок визирю?!

— Не твоего ума дело! — тоненько взвизгнул турок, отмахнувшись. — Иди к своим, роксоланка!

Неожиданно рыжая вздрогнула и уставилась на него огромными испуганными глазами.

— Как ты ее назвал...эфенди? — вежливость явно далась ей через силу.

— Роксоланкой, как и тебя, о непослушная дочь Иблиса! Что ты все вопросы задаешь?! — турок никак не мог смириться с тем, что вчера еще забитая и покорная девушка неожиданно осмелела, да еще и научилась говорить на турецком.

— Ой мать моя женщина, бабуля коммунистка! Ну я попала-а!! — неожиданно взвыла рыжая. — Какой сейчас год, епрст?!

Айяз тоненько застонал и быстро сбежал из каюты.

— Не было у бабы забот — купила баба огород... — печально констатировала рыжуха, отойдя в уголок и с ненавистью глядя на своих недавних мучителей, следивших за каждым ее движением. — И куда меня занесла нелегкая?!

ЧАСТЬ 1. В НЕВОЛЕ.

Глава 1.

За неделю до...

— Маленькая моя, прости, но мы должны расстаться, — утрюмо произнес симпатичный брюнет, стараясь не смотреть в глаза своей собеседницы. — Ты же понимаешь — работа...

— Именно, что работа, так как начать собственный бизнес у тебя до 32 лет просто мозга не хватило, — источая сладкий яд, ответила ему стройная высокая блондинка. И нервно схватила за стакан с безалкогольным мохито.

Эта блондинка — я. А чувак, который сейчас мне втирает что-то по поводу карьерного роста и его роли в пирамиде Маслоу — мой почти что муж, Антон, с которым мы благополучно прожили почти 2 года и ссорились по 15 раз на дню. Видимо, ссориться ему порядком надоело. Или я надоела. Один хрен...

Вот почему мне так не везет с мужиками?! Это третьи по счету серьезные отношения в моей жизни — и снова облом! Первого я застала в постели с лучшей подругой, будучи на пятом месяце беременности. Выкидыш на нервной почве и год нежелания видеть кого бы то ни было рядом с собой.

Второй — уехал в Турцию по горящему туру, и вернулся оттуда с какой-то смазливой хохлушкой. Счастлив в браке, уже третьего ребенка ждут. И теперь вот — Антон...

Стакан трещит под пальцами, до того мне хочется вцепиться ему в шею и как следует потрясти. Мне почти 25 лет, и до сих пор — никакой устроенности в личной жизни! Меня постоянно в чем-то обвиняют — то в излишней самодостаточности, то я слишком много секса хочу, то фригидная, то ревнивая очень, то готовлю плохо, то еще что-нибудь... Надоело!

Так, Саша, сделай морду кирпичом — в конце концов, это всего лишь мужчина! Таких в твоей жизни еще будет — связками носи! Но до чего ж обидно-о...

— Котенок, ты должна понимать, наши отношения мешают нам развиваться мы же деградируем на пару!

— За себя говори! — вызверилась я. — У меня свой бизнес и стабильный миллион в месяц, а деградируешь за 50 тысяч в месяц — ты!

Антон молча бахнул недопитую чашку с кофе об стол и строевым шагом направился к выходу из кафе. Поговорили, называется.

Ну и... лучший с ним.

Пытаюсь отдышаться, успокоиться и прийти в себя. Получается плохо. Можно сказать

— не получается вообще.

Неожиданно чья-то рука касается моего плеча.

— Позолоти ручку, красивая, всю правду тебе расскажу! — шепелявая цыганка с мордочкой старой обезьянки и колодой потрепанных карт в руках.

Приехали.

— Доказательство теоремы Ферма расскажешь? — помахав у нее перед носом тысячной купюрой, злобно поинтересовалась я. Цыганка вздрогнула.

— Шайтан, ее там весь Стамбул ищет, а она тут бродит!

С этими странными словами побирушка подхватила пестрые юбки и куда-то бодренько ускакала. Я осталась сидеть в полной прострации перед пустым стаканом.

С грехом пополам добравшись до дома, я первым делом отправилась в ванную — снимать стресс. Вещей Антона в доме было немного, и те, я думаю, он сможет прекрасно собрать сам. Не барин! А я ему — не прислуга.

В смысле — *больше* не прислуга.

Отогнав чисто бабские мысли на тему "ой да на кого ж ты меня покину-ул", я быстро разделась, как обычно разбросав вещи где попало, и по шею погрузилась в теплую воду, пахнущую лавандой и розовым маслом.

Мысли почему-то переключились на увиденную сегодня цыганку.

О чем она говорила? Почему Стамбул ищет? Ответов нет... Но интересно же! Может быть, она меня просто с кем-то перепутала?

Отогнав видение своей циничной физиономии на стендах "Их разыскивает милиция", расклеенной по всему Стамбулу, я нервно хихикнула.

И погрузилась в мечтания.

Глаза сами собой закрылись...я томно замурлыкала.

Какие-то неясные, но будоражающие кровь образы, ощущение чьих-то ласковых пальцев на обнаженной коже, теплое мужское дыхание касается шеи...

— Хюр...рем... — имя — или что это? — звучит как выдох на самом пике страсти. — Моя...Хюр...рем...

Очнулась только когда вода в ванной уже остыла. Ежась от неприятных ощущений, вылезла из ванной и, немного подумав — отправилась в постель. предаваться блаженным грезам, где невидимый любовник называет меня Хюррем.

Снился мне заснеженный Стамбул — величественные мечети, прекрасные сады, дворец падишаха, и вечный, прекрасный в своем величии Босфор...

Утром меня разбудило шуршание ключа в замочной скважине. С трудом залепив глаза и чувствуя себя разбитой, я подняла голову от подушки и с интересом воззрилась на смущенную девицу, неизвестную мне доселе.

— Ты кто? — церемониться я никогда особенно не любила. — Какого тебе здесь... надо? Ключи откуда?

— Антон...дал...за вещами... — проблеяла девка, меняя цвета как хамелеон. Сейчас она была чудесного пепельного оттенка — под цвет шторкам.

— Пусть сам забирает. Ключи отдай.

— Он не веле... — подавилась окончанием слова неизвестная засланка. Я встала. И выражение моего лица явно не сулило незадачливой полюбовнице (ну ты га-ад,

Антошенька!) ничего хорошего.

...Ключи я у нее быстро и без лишних эмоций изъела, саму спустила с лестницы и позвонила консьержу с просьбой как следует обшмонать на входе. Не со зла, а так — просто. Настроение с утра было никакое.

Да еще эта мадам его подгадила своим визитом...

Пока варился кофе, я наскоро привела себя в порядок и задумалась. Ехать в офис, проверять дела на фирме не хотелось совершенно. Незачем сотрудникам видеть меня в таком состоянии. Позвонить подругам, предложить смотаться в бар? Нет, не пойдет...

Грустно мне. Очень. От предательства, от очередного расставания, от того, что нет и не будет детей...

Немного поплавав над своей тяжелой женской долей, я решила ради интереса порыться в Интернете и поискать что-то о преследующем меня вот уже месяц имени Хюррем.

Включила ноутбук, вышла в Сеть, отправила запрос Яндекс. И обомлела.

Первыми высыпались картинки. Картины, точнее. Картинки — кадры из сериала, — были позже. Да и не они обратили на себя мое внимание.

Это был портрет прекрасной рыжеволосой женщины, как две капли воды похожей на меня.

Хюррем!

Нет, не так — Хасеки Хюррем Султан!

Кто бы она ни была, ей явно подходило это гордое имя — не имя, титул — не титул... Не пойми что, короче.

Открыв Википедию, я быстро пробежала глазами строчки статьи. Хм. Дочь священника, попала в рабство, стала любимой женой великого султана Османской империи, дала начало эпохе "женского султаната", бла-бла-бла...

Все это, конечно, интересно — вот только какое оно имеет отношение ко мне?!

Если бы я умела предвидеть будущее...

Но чего нет — того нет.

Глава 2.

Черное море, 1518 год

— А-ты-ты, а-ты-ты, до чего же мы толсты-ы... — умиленно разглядывая свою соседку по тюфяку, пропела я. — До чего румя-аны...

Девка и впрямь была ширины — необъятной! В ответ на мои слова густо покраснела, коровьи глаза налились слезами и она явно приготовилась зареветь, как вдруг...

— Вах, роксоланка, твой язык — как язык змеи, Ин Ша Аллах, его укоротят за дерзость! — невесть откуда нарисовался Айяз-эфенди (или как там его кличут). -Что ты все бродишь, ко всем пристаешь, почему спокойно не сидишь?!

— Почемушто... — огрызнулась я, и только потом поняла, что мои обороты речи средневекового скудоумца мягко говоря — шокируют. — Прости, эфенди, исправлюсь... *как смогу*.

Последние два слова я произнесла тихо-тихо и в сторону, чтобы толстый турок не услышал. И так он уже нервный какой-то... стал.

— Твоя каюта готова! — бросил мне Айяз. — Поднимайся, пойдем!

Поднялась, пошла. Надеюсь, не на корм рыбам ведут. Хотя, если не изменяет мне память, Роксолану-Хюррем в подарок султану прислали из Крыма, так что вряд ли меня ждет плавание с акулами...

Ну разве что уж очень своих пленителей из себя выведу. Правда, чем мне это поможет?

— Где мы? — сунув нос в маленькое окошко каюты, поинтересовалась я спустя пару минут. — Мы скоро приплывем?

— О, медноволосая дочь порока!.. — начал было турок, но я тут же возмущенно его перебила:

— Сам ты сын греха, на вопрос мой ответь?! И все эти свои "дочери порока" оставь для того живого товара, что у тебя в трюме отдыхает (чуть было "чалится" не сказала, т-т-т... меня бы точно не поняли!)

— О-о-о... — слова у него, видимо, кончились. Простонал, продышался, ответил:

— Завтра утром мы прибудем в Стамбул!

Отвернулся, кивнул невидимому слуге, чтобы меня покормили — и вышел. Нервишки расшалившиеся успокаивать — не иначе.

А я села на узкую корабельную койку и в ожидании кормежки глубоко задумалась.

Как я оказалась в теле Хюррем? Нет — я, конечно, могу и ошибаться... Но интуиция мне подсказывает — влетела я по самые уши...и отнюдь не в варенье!

Привезут меня в Стамбул, подарят султану — и что, дальше-то мне что делать прикажете? Соблазнять его своими знаниями о кредитной политике банков и основами андеррайтинга?! Смешно...

Бороться с многочисленными тетками гарема за внимание одного-единственного мужика? Тоже не мой вариант, я одной из стада никогда не была и быть не намерена. Да и султан мне этот...не сдался!

Ой, что ж я невезучая-то такая....С этими тяжкими мыслями я застонала и упала лицом в кровать. Спряталась, называется, от проблем. Минут десять поворочавшись, я сама не заметила, как уснула...

Открыла глаза и обнаружила, что мы причалили. Стамбул. Финита ля комедия, картина Репина "Приплыли".

Что-то мне подсказывает, что дальше будет хуже...

Нас почти сразу разделили — одних погнали на Сандал Бедестан, — открытый рынок. Вторую часть невольниц отправили в гарем на осмотр. Я тихонечко шла, зыря по сторонам в узкую прорезь яшмака — дурацкой тряпки, закрывающей все лицо. Как я поняла из разговоров нашего "хозяина" — сейчас нас должны будут осмотреть и отобрать наиболее перспективных в гарем султана. Куда денутся остальные — история скромно умалчивает... Скорее всего — все туда же, на Бедестан.

Как сказал мне Айяз — эфенди — моя задача УЛЫБАТЬСЯ и МОЛЧАТЬ. Большого о меня, право же, не требуется. После покупки я могу делать что угодно, но отборочный тур должна пройти без сучка и задоринки.

Собственно говоря, перспектива продажи на открытом рынке меня тоже не прельщала — поэтому в данном вопросе с Айязом мы были солидарны.

...дальнейшие события слились для меня в череду беспрестанного, ежесекундного унижения.

"Открой рот!", "Покажи зубы!", "Раздвинь ноги!", "Разденься!"... Нет, не хочу вспоминать.

Но цель была достигнута — меня купили. Никогда бы не подумала, что буду *так* этому радоваться...

Всего отобранных в гарем невольниц оказалось порядка дюжины — из начальных трех с половиной десятков человек. Негусто...

Мое внимание неожиданно привлекла черноглазая улыбчивая девица лет двадцати с небольшим. В полосатом платье, странной какой-то шапочке и откликающаяся на имя Нигяр.

— Ай, Аллах, — подойдя ко мне, искренне восхитилась она. — Хороша, как улыбка Аллаха! Откуда ты? Понимаешь по-нашему?

— Я с... Крыма, и я тебя понимаю, — спокойно ответила я, изучая ее. В наше время девочка запросто стала бы менеджером — все ухватки у нее были для этого. Честное слово, живи она в 21 веке — я не раздумывая взяла бы ее на работу! Неплохие у султана эйчары были, надо признать.

— Как тебя зовут, землячка? — вроде даже обрадовалась она.

— Александра, — настроение у меня резко поползло к нулевой отметке. Не знаю, почему именно, но знаю, что кому-то в этом гареме сегодня точно не поздоровится!

Мимо неожиданно прошуршало черное платье. Шуршание замерло в районе мой спины, послышалось тихое изучающее сопение. Нигяр застыла, словно аршин проглотив — только глазки верноподданически выпучились.

— С Крыма-а?! — хрипло прокаркало что-то сзади.

Я неспешно обернулась и, вздернув бровь, внаглую посмотрела на тетку в дорогом платье с какой-то сетчатой кастрюлей (не знаю, как еще обозвать это...) на голове. К кастрюле цеплялась длинная, черная же фата. Что ж это за Черная Вдова, простите?

Выражение моего лица тетке явно по вкусу не пришлось.

— На колени, я — мать султана!

— По мне — хоть троюродная племянница сестры его бабушки, — пожала я плечами. — А чтобы я перед Вами на колени падала — так это еще заслужить надо.

Стоявшая рядом с Черной Вдовой ака Мамой Султана субтильная девица еле заметно дернула уголками губ. То ли презрение, рвущееся ко мне, подавила, то ли улыбку подальше загнала.

— Александр-ра! — с трудом перешла на ломанный русский, подгаженный турецким акцентом, бабуля. — Не забыфайся! На колени!

— Бегу и падаю, спешу и надрываюсь... Вы тут только разговорами кормите? Я есть хочу, вообще-то! — нагло выдала я. Тетка опять вздрогнула. Махнула рукой куда-то в сторону Нигяр и меня, подхватив с двух сторон под белые ручки, поволокли следом за Большой Мамочкой.

Что я могу сказать? Язык мой — враг мой...

Султан Сулейман после сытного обеда маялся. Не находил себе места. Его томили смутные предчувствия — неясно было только, хорошие или плохие. Даже верный Ибрагим ничем помочь не мог — да и по правде сказать, не особо-то и пытался.

У него были дела поважнее. Не далее, как пару часов назад, в гарем привезли новых

рабынь, и невесть зачем его спешно позвала сама валидэ-султан. Ибрагим ломал голову, чем он мог провиниться перед матерью султана, но ответа на этот вопрос пока не нашел, и от того не находил себе места.

А тут еще Сулейман со своими предчувствиями, будь он неладен.

— Ибрагим! — донеслось с подушек томное.

— Да, мой Повелитель? — еле слышно скрипнув зубами, откликнулся тот.

— Пойдем к валидэ!

"Будь ты неладен! — злобно подумал Ибрагим. — Как... невовремя!"

— Как прикажете, мой Повелитель...

Минут через десять оба переминались у покоев валидэ, откуда доносились взрывы дикого хохота и женские голоса. Войти им почему-то было страшно.

— Как давно я не слышал из матушкиных уст... — начал было султан, но тут двери покоев распахнулись, чуть не съездив его по лбу.

— О, сорри, не заметила, не хотела, извините, что не больно! — выпалила...

Ибрагим выпучил глаза, разглядывая девицу, столь хамски разговаривавшая с султаном. Новая рабыня? Похоже на то... Только странная какая-то!

— Хюррем! Ты куда? — донеслось из покоев. — Вернись, непоседливая!

— Я на пять минуточек буквально, — выдохнула девица и обратилась к онемевшему султану. — Где у вас здесь туалет?

Ибрагим не выдержал и хрюкнул в кулак — до того его поразило личико Сулеймана, потерявшего дар речи. Потом спохватился и деликатно показал пальцем направление.

— Вот ты наш чел! — дружелюбно хлопнула его по плечу девица и смылась в указанном направлении. Теперь онемели уже оба...

— Сулейман?.. — боязливо донеслось из покоев валидэ.

Агитировали меня долго и душевно. Ибрагим — в прошлом обычный мальчик на побегушках у султана, а ныне его же Хранитель Покоев, — был у валидэ-султан, как бельмо на глазу. В связи с чем зрел в ее царственной головушке коварный план приставить к нему надежного осведомителя, желательно женского пола. То бишь — подарить красивую наложницу, которую Ибрагим от счастья великого тут же сделает своей женой, а наложница будет работать глазами и ушами Валидэ-Мамы.

Я смущалась, краснела и не очень-то старательно отнекивалась. Память о прочитанной в Википедии статье не давала мне сказать решительное «Да!», хотя идея выйти замуж без согласия супруга показалась мне весьма и весьма привлекательной — особенно после воспоминания о моей неудавшейся никаким боком личной жизни.

Валидэ подливала мне щербет, кормила лукумом и уговаривала, уговаривала... Соловьем разливалась прямо-таки.

Ход истории переломил несвоевременный позыв моего замученного циститом мочевого пузыря.

Пробурчав нечто вроде «Я сейчас, до ветру и обратно!», я резвей легкокрылой бабочки метнулась из покоев валидэ... и чуть не зашибла дверью какого-то типа.

Вообще, типов в коридоре было аж целых двое. Один — невинно ушибленный, — высокий, тощий, в белом тюрбане из псевдошелковой занавеси и с неизбывной тоской во взгляде.

Второй — крепенький, как гриб-боровичок, глазастый, смуглый и вообще полная няшка.

Няшка определенно заслуживал внимания, но позывы мочевого пузыря были в данный момент важнее.

Сделав свое грязное дело, я уже неторопливо вернулась к валидэ и с порога заметила изменения. Тощий томился и то и дело поглядывал на дверь, отмахиваясь от лукума, которым его норовила ткнуть в нос бледненькая султанская мама. Крепыш топтался в районе балкончика, где грела кости престарелая султанская сестрица Хатидже, и периодически бросал на нее пламенные взгляды. Сестрица бледнела, краснела, но ответно смотреть боялась.

— Хюррем! — возрадовалась мне султанская мама.

Я почтительно присела в реверансе, сделав вид, что хорошие манеры — это наше все, и даже немножко больше.

— Хюррем... — мечтательно произнес тощий, глядя куда-то в потолок.

И вот тут, что называется, меня накрыло. Потому что: а) голос его был точь в точь как голос невидимого любовника из моих снов категории 18+ б) до меня-таки с опозданием дошло, кто этот тип в тюрбане.

— Сулейма-ан? — недоуменно поинтересовалась я. Тощий ...султан кивнул, в ответ на что я дебильно хрюкнула...и сомлела.

И то, что кинулся меня ловить вовсе даже не «няшка» Ибрагим, а султан, — уже, естественно, не увидела.

— Нет!

— Почему?

— Она не готова!

— Сегодня же вечером я хочу ее видеть! — упрямылся султан. — И пусть танцует для меня! Хочу праздник! С музыкой!! И танцами!!

— А как же Махидевран? — ударила по больному месту валидэ. — Они с шехзаде приедут со дня на день!

— Махидевран — это Махидевран, — отмахнулся Сулейман, незаметно поглаживая сомлевшую девушку по бедру. — Хюррем...

На этом имени его буквально заклинило.

Валидэ не знала, что и делать. Дарить Ибрагиму попорченный султаном товарец? Можно, отказаться не имеет права, а вдруг Сулейман не отдаст?!

А в то, что не отдаст — поверить легче легко. Вон как смотрит и глаза алчные такие-е...

Еще минут десять всласть попрепивавшись, мама с сыном пришли к консенсусу. Хюррем танцует для Сулеймана, но в постель — ни-ни, так как правилам необучена, осмотр у местного гинеколога не пройден, и вообще...

Что «вообще», валидэ так и не смогла объяснить, но султану и этого было пока довольно. Вечером Хюррем будет танцевать для него!

С этими мыслями он и откланялся, предоставив обморочную зазнобу заботам матери.

— Ибрагим, останься, — негромко окликнула грека валидэ. Тот замер на пороге, глядя вслед улепетывающему Сулейману как побитая собачка.

— Д-да, валидэ?

— тебе понравилась русская рабыня?

— Что вы, валидэ, как можно!! — аж побледнел бедный грек, воочию увидев себя с

содранной шкурой и довольного Сулеймана в роли скорняка — рядом. — Я на нее и не смотрел даже..

— Ну так смотри! — с этими словами валидэ хамски сдернула с обморочной девушки платье, обнажив ее до талии.

Ибрагим сглотнул. Грудь у наложницы и впрямь была... ничего такая...

— А какие ноги! — продолжала искушать Айша Хафса, заметив плотоядный блеск в глазах грека. Бедная Хатидже мысленно заходила в истерике из-за маминых причуд, но квакнуть что-либо не осмеливалась. — Она изумительно сложена, будет хорошей матерью и родит много детей!

— Рад...за нее... — облизав взглядом показанные ноги наложницы. Отозвался Ибрагим.

— И после обучения в Школе Наложниц!! — многозначительно подвигала бровями мама султана. — Она доставит многие часы наслаждений тому мужчине!..Который!!.

— Ее вые*ет, — мрачно закончила за нее пришедшая в себя девушка. Валидэ пискнула. Последнего слова Хюррем она не поняла. — Ну у вас и нравы, Боже ты мой..

— Христианка... — покривилась валидэ.

— Нет Бога, кроме Аллаха, — пожалала плечами девушка. — Ну скажу я это, и что изменится? Бог един, перед ним все равны...

— Нет Бога, кроме Аллаха!! — мвозмущенно перебили ее три голоса — Ибрагима валидэ и Хатидже. — И Мохаммед ...

— Пророк его! — огрызнулась Хюррем. — Знаю, знаю, читала, слышала, понимаю и принимаю, успокойтесь только!

— Она произнесла слова шахады... — неожиданно дошло до валидэ.

Три абсолютно змеиных взгляда скрестились на бедной наложнице.

Глава 3.

Ибрагима мучили смутные предчувствия. После того как валидэ начала откровенно предлагать ему новую наложницу, бедному греку стало не по себе. Если и раньше он не подозревал в валидэ большой к себе любви, то теперь уверился в ее дурных намерениях окончательно.

Это же надо — додуматься?! Отнять новую игрушку у султана!

И ведь сама рыжая рабыня не стала и на секунду этого отрицать. Стоило султану, подслушивавшему у дверей, вломиться в покои валидэ в тот момент, когда они пытали Хюррем, откуда она знает слова шахады и кто ее им научил, как рыжая стерва моментально сдала всех и вся!

«Ой, Сулейман, а я думала — у вас так положено, попользовался султан, и сразу передаривают, типа чтобы никто не остался в обиде...»

Как султана перекосило-о!

Ибрагим вспомнил его лицо и содрогнулся. Лицо валидэ-султан тоже оптимизма не внушало.

Сейчас рабыню готовили к вечернему представлению для султана, хотя Ибрагим сильно сомневался, что она его переживет. Айше Хафса Султан была женщиной злопамятной...

Пара капель яда в лук — и нет больше русской рабыни, не умеющей держать язык за зубами. И проблем, которые от нее могут быть в будущем — тоже нет.

Со вздохом опустившись на подушки, Ибрагим потянулся к кальяну. Нервы бедного

Хранителя Покоев были на пределе.

И все из-за какой-то рыжей, не особо красивой девицы!

Хотя, надо признать — есть в ней какое-то совершенно особое очарование... Несвойственное привычным женщинам из гарема.

Свободная, вольная, непокорная! Бунтарка по натуре — ей тесно будет в гареме, среди покорных женщин под чадрой, одной из многих — она захочет власти над всем миром!

Ибрагим и не представлял себе, насколько он близок к истине, но даром прорицания бывший грек, к несчастью, не обладал.

Втянув в себя ароматный дым, Ибрагим погрузился в сладострастные фантазии, главной героиней которых была рыжеволосая бунтарка Хюррем.

Ну кто же виноват что у нее такая грудь? И ноги...

Меня погнали в хаммам, чему я была откровенно рада. Сладострастно-голодная хищная рожа Сулеймана мне будет снится в кошмарах. Такой блеск в глазах, разве что слюной не капает... Хочу — и баста!

А моего мнения почему-то никто не спрашивает.

Пока меня растирали жесткой мочалкой из люфы, я прикинулась спящей и попыталась всесторонне обдумать свое положение — мягко говоря, незавидное.

Язык мой — враг мой, как я уже поняла, а еще я поняла после сегодняшней стычки Сулеймана и валидэ, что для последней я теперь враг номер один. И жить мне после этого.... Ровно до того момента, пока султану не надоем.

Получается, что я сама толкнула себя в объятия этого Психа озабоченного. А что делать, если в руках этого психа сосредоточена реальная и, надо сказать, весьма нехилая власть?

Жалко, я в школе не особо историю любила, и поэтому масштабы данной власти могу себе представить в весьма общих очертаниях.

Чем больше я думала, тем больше мне хотелось завывать, спрятаться под лавку и не высовываться оттуда до окончания дней своих. Но кто бы мне дал это сделать?!

Наскоро отмыв и продепелировав все волосистые части тела, меня погнали одеваться. До вечера с танцами и музыкой оставалось каких-то несколько часов.

— Вах. Какой персик! — ущипнул меня за щечку низенький евнух с масляными карими глазками. — Чудо, улыбка Аллаха!

— Скорее — его же злорадный оскал, — под нос пробурчала я. — Вы кто?

— Я Сюмбюль-ага, старший евнух гарема, — гордо представился он. — А ты — будущая фаворитка султана, Хюррем-хатун!

Быстро у них тут работает система оповещения, как я погляжу. Ничего не сказав, я ожидала дальнейшего развития событий.

— Танец восточный танцевать умеешь? — перешел сходу к делу Сюмбюль. Я передернула плечами, толком не ответив. Кому какое дело, что в возрасте девятнадцати далеких лет я с дурна ума получила степень мастера-преподавателя по танцу живота? — Такой вот танец!

И не дожидаясь моего ответа, закружился в некоем жалком подобии танца живота. Я внимательно за ним наблюдала, подмечая ошибки и проколы.

Привычка, млин.

— Ну, повтори, Хюррем-хатун! — через пару минут предложил Сюмбюль, устав от бесплодных попыток произвести на меня впечатления своей пародией на танец. Я покорно кивнула и попросила музыку.

Застучали барабаны... А я окунулась в музыку и поплыла...

Отвисшие челюсти евнуха, калфы и немногочисленных наложниц, которым предстояло вместе со мной танцевать для султана, послужили бальзамом на душу.

— Хюр...рем...ха....хату-ун... — ошалело глядя на меня, проблеял Сюмбюль. — Да ты колдунья, Хюррем-хатун!

Вот поэтому я и не особо люблю танцевать — встает даже у пенсионеров и хронических импотентов! На евнухов, как я погляжу, тоже действует.

— Ну-ка... — толкнула меня плечом какая-то ревнивая девка. — Повтори свой танец, ведьма!

И тут меня, что называется, накрыло...

Визг, вопли, выдранные волосы и клубок сцепившихся в драке девиц можете сами себе представить.

Сулейман нервно бегал по своим покоям в ожидании вечера. Время тянулось отвратительно медленно... А его уже сжигало нетерпеливое желание увидеть Хюррем!

Султан, несмотря на свое достаточно эгоистичное поведение, отнюдь не был похотливым дурачком. Он сразу заметил главное достоинство рыжей славянки — в отличие от томных восточных гурий, которых в гареме было... мягко говоря, в избытке! — в глазах девушки светился ум. Ум и любопытство.

Те два качества. За которые он в свое время приблизил Ибрагима, не обращая внимания на слабые попытки матери отвлечь его от грека.

Когда-то и Гюльбахар, мать шехзаде Мустафы, поразила его своим живым умом, смешливостью и вниманием, которых султану так не хватало. Но теперь... Практически сразу после рождения Мустафы Махидевран-Гюльбахар успокоилась, и ей стало уже не до любопытства — она погрязла в дворцовых интригах и была озабочена только одним — как ей посадить в будущем на трон своего сына, минуя детей Сулеймана от наложниц Фюлане и Гюльфем, ныне не призывающихся на ложе, но от того не переставших быть матерями его наследников.

Сулейман наблюдал за этим со странной смесью горечи и гордости.

Он прекрасно понимал своих женщин, потому что тоже боялся жесткого закона Мехмеда Фатиха, приказывающего убивать всех соперников при восшествии одного из шехзаде на престол. Он был сыном отца, до дрожи в руках боявшегося за свою власть и пару раз чуть не убившего единственного сына. Останавливало Селима Явуза только одно — Сулейман был единственным его взрослым наследником, дети от других наложниц рождались маленькими, слабыми и в большинстве своем не доживали и до года, а султанские лекари уже обнаружили у него грозное заболевание — рак...

Каким бы эгоистичным деспотом не был Селим, оставлять страну без управления после своей смерти он не хотел.

Но пару попыток отравления со стороны отца Сулейман хорошо помнил. Спасла мать. А если бы не спасла?

Вернувшись мыслями из прошлого, Сулейман опять вздохнул, сетуя на то, как медленно

тянется время. Ему была нужна как воздух эта рыжая смешливая девчонка с умными не по возрасту глазами.

В последнее время султан страдал от беспричинной хандры и в лице Хюррем увидел возможность хотя бы на время отвлечься от дурных мыслей. Именно поэтому его сжигало такое нетерпение...

Ну и грудь у наложницы была...ничего себе такая.

Глава 4.

— Хюррем — хатун! Уймись! — меня все — таки оттащили от неплохо побитой и исцарапанной девки, но боевой запал еще не прошел. — Тебе через час перед нашим падишахом выступать!

А вот эта фраза привела меня в чувство получше, чем ведро ледяной воды, вылитой за шиворот спросонья.

— Кошка бешеная! — рыдая, отступила от меня девка, чья имя я узнать так и не успела.

— На себя посмотри, — снова завелась я с пол — оборота. — Ни кожи, ни рожи, один язык паршивый, который укоротить бы следовало! И это — наложница самого Падишаха?! Да не смей меня, тебе самое место — в конюшнях убираться! Приказывать она мне еще будет, курица ощипанная!!!

Сюмбюль только ладошки к щекам прижал, пораженный моими злыми речами. Нервные они тут все какие — то.

Я отошла от поверженной врагини, отряхнулась и затребовала зеркало. Евнух крикнул. Мои эмоциональные всплески явно его напрягали.

Но зеркало принес, и на том спасибо.

В зеркале отражалось взлохмаченное чудовище с расцарапанной щекой и подбитым в пылу сражения глазом. Ой, мать моя женщина!

...А с другой стороны... Ура, я спасена! Хотя бы на время. Как раз сумею привыкнуть к мысли о том, что мне придется ложиться в кровать с этим... Сулейманом.

(Для меня теперь это имя звучит как ругательство, честное слово!)

— Ой — ой... — неискренне запричитала я. — И как же я в таком виде — да к Повелителю...

— А я о чем тебе говорил, верблюдица упрямая!! — не выдержав, взорвался Сюмбюль. Нервы у бедняги ни к черту, как я погляжу. — Как мы Падишаху скажем?!

— А это уже не твоя печаль, — с коварной усмешечкой отозвалась я. — Найди мне лекаря, Сюмбюль — ага, и позови кого —нибудь, кто писать по — вашему умеет.

Евнух ничего не понял, но согласился.

Сгоравший от страсти султан судорожно шлифовал камень в кольцо с изумрудом, которое довольно давно начал делать в подарок Махидевран (это было еще до того, как он стал султаном). Мозг и руки срочно следовало чем-то занять, потому что чем больше времени проходило — тем больше Падишах Всего Мира понимал, что до вечера он банально не доживет. Взорвется от переполняющего его желания.

Перед глазами стояла прекрасная рыжая бунтарка. Султан неожиданно осознал, что он уже не может толком вспомнить черты ее лица, он запомнил только, что у нее удивительный

смех, искорки которого отражаются в зеленых, как этот изумруд, глазах...

Она вся словно бы излучает солнечный свет, сверкает и переливается, как драгоценный камень среди кучи булыжников, такая дерзкая и ни на кого не похожая Хюррем...

«Обойдется Махидевран без кольца. Другое сделаю. Потом, как-нибудь... Этот изумруд должен принадлежать не ей!», — мелькнула в сознании султана мысль. И он наконец смог сосредоточиться на процессе доводки ювелирного украшения до ума.

В этот момент в дверь скромно поскреблись.

— Войдите! — недовольно крикнул Сулейман, не желавший отвлекаться от работы.

В дверь просочился гаремный евнух со свитком в руках.

— Вам послание от госпожи Хюррем-хатун, Повелитель! — заикаясь от затопишнего его раболепия, проблеял евнух. Султан отбросил кольцо и вихрем подлетел к евнуху, вырвав драгоценное послание из его дрожащих лапёшек.

— Можешь идти! — кинув гонцу пару золотых монет, бросил он. Евнух послушно испарился, будто его и не было.

Султан нетерпеливо развернул свиток и ...

«О Султан моего сердца!

Бьет тебе челом Смеющаяся Госпожа, которой в данный час скорби и разлуки с тобой, о Падишах Моего Сердца, далеко не до смеха. (Как это ни прискорбно.)

Спешу сообщить, что злая воля и Провидение против нашей сегодняшней встречи — возвращаясь из хаммама, я споткнулась и разбила лицо, став похожей на янычара, побывавшего на поле брани и вернувшегося оттуда с потерями.

С таким ликом смущать твой небесный взор я решительно отказываюсь, посему прошу не гневаться и дождаться моего волшебного исцеления, да ниспошлет его Аллах Всемилоостивейший в кратчайшие сроки!

Обещаю писать тебе каждый день и тем скрасить часы и дни невольной разлуки.

Твоя Хюррем»

Гневный вопль султана слышал, наверное, весь дворец...

Глава 5.

В покоях Валидэ

Валидэ кушала лукум и любовалась физиономией своевольной рыжей девки. Та смущенно хмыкала, хихикала и делала вид, что еще пару часов назад между ними не произошла отвратительная сцена, когда негодяйка ухитрилась унизить Валидэ перед Сулейманом по самые гланды.

— Я же помню, Вы меня за Ибрагима сватаете! — вломившись в покои Хафсы минут десять назад, заявила Хюррем. — И вот, я решила Вам в этом помочь!

И сдернула с лица яшмак. Увидев то безобразие, что творилось с ее лицом, валидэ ощутила просто — таки непередаваемую благостность.

— Ты забываешься, я тебя не звала, — начала вяло отчитывать рыжую бестию Хафса, но потом махнула рукой и предложила ей выпить щербета и угоститься лукумом. А услышав о послании, отправленном султану с целью сгладить конфликт, и вовсе подобрела.

— Откуда ты, Александра? — неожиданно пришла в голову валидэ странная мысль. — Ты кажешься мне слишком разумной и образованной для обычной крестьянки...

Наложница передернула плечами и сделала вид, что не услышала вопроса.

— Говори.

Последняя фраза звучала уже отнюдь не вопросительно. Были в ней определенно нехорошие интонации.

— С Красной Руси, — неохотно ответила наложница. — Росла и воспитывалась в женском монастыре святой Матроны Московской, а так как являюсь внебрачной дочерью мелкого польского шляхтича и обычной русинки, то папенька изволили позаботиться о будущем внебрачного своего дитяти, в связи с чем и профинансировал моего обучение с проживанием, с целью дальнейшего моего продвижения на пост настоятельницы данного монастыря. Нужны ему были свои люди в верхушках церковной власти на Руси. Зачем — не спрашивайте, в подробности меня по малолетству не посвящали.

Валидэ с первого же слова не поверила ей ни на грош. Речь девчонки не вязалась с ее панибратскими манерами, но было ясно — польский князек готовил доченьку отнюдь не в Невесты Господни, а скорее на роль шпионки — засланки, а вот как именно попала она в гарем и с какими целями — это еще предстояло выяснить.

У рыжей было два выхода: либо к Ибрагиму в жены, либо в мешке в Босфор, причем второй вариант Хафсе нравился даже больше. К сыну, тем более такому слабому по части женского пола, она ее теперь и на пушечный выстрел не подпустит!

...Скорее бы, что ли, приехала Махидевран!

На полпути между Манисой и Стамбулом

— Мама, мы скоро приедем? — в сто двадцатый раз за последний час спросил маленький назойливый султаненок. Он же шехзаде Мустафа, пошедший характером во всех своих упертых предков из династии Али Осман.

Махидевран устало помассировала виски — голова раскалывалась от боли, — и только кивнула. Говорить сил уже не было. Переезд из Манисы в Стамбул был в самом процессе, а она уже устала так, будто неделю подряд не разгибая спины выметала мусор из гарема.

Сын был ее отрадой и опорой, в его глазенках она отчетливо видела золотую лестницу, способную вознести ее в будущем на самые вершины власти, но...

Но иногда она очень хотела бы отдать ему кому —нибудь до тех пор, пока сын не достигнет сознательного возраста.

Махидевран нахмурилась и отдернула шторку, закрывавшую окно кареты. Пейзаж за окном был незнакомым, и — ах, как же ей хотелось поскорее очутиться в Стамбуле!

Чтобы понять и поверить: это не сон, Сулейман действительно стал султаном, а она — его баш — кадина и мать наследника, — теперь обрела почти неограниченную власть в гареме. Она — Хасеки Махидевран Султан! Выше ее по статусу только Валидэ Султан и султанские сестры — Принцессы крови.

— Ничего, недалек тот день... — прошептала Махидевран, которой не хотелось ждать долгие годы и десятилетия, пока Сулейман освободит трон по естественным причинам. — Вскоре он наверняка отправится в поход... А там чего только не случится...

— Мама!!! — дернул ее за рукав феридже назойливый сынок.

— Да, мой львенок?! — злобный рык вырванной из сладких грез мамы был ему ответом.

— А мы скоро приедем?!

— Уже совсем скоро, сынок. Потерпи... — сквозь зубы, в сто двадцать первый раз ответила несчастная баш — кадина.

Глава 6.

Взбешенный до синих чертей в глаза Сулейман неся по коридорам Топ — Капы в покои сиятельной матушки. Почему — то ему показалось, что письмецо ему послала вовсе не Хюррем, а маменька. Почему? Интуиция, однако! А своей интуиции Сулик привык безоговорочно доверять.

Распахнув внушительным пинком дверь в покои валидэ, Сулейман ворвался внутрь и уже открыл рот для заготовленной гневной отповеди, как вдруг...

Как вдруг заметил сидящую скромную, как воробушек, рыжую зазнобу.

Лицо ее и правда больше всего походило на лицо янычара, которого вынесли с поля боя.

— Хюррем? ... — недоверчиво поинтересовался Сулейман, вплотную подойдя к рыжей скромняжке, и откровенно разглядывая нанесенные ей увечья.

— Сулейма — ан... — тихонько отозвалась рыжая, потупив глазки в пол.

Валидэ открыла было рот, чтобы что — то высказать —, но Сулейман повелительным жестом приказал маме молчать в тряпочку.

— Почему лекаря не позвали?! — закончив осмотр девицы, громовым голосом рявкнул Сулейман. — Почему здесь сидишь, а не ко мне сразу пришла?! Кто это сделал, Хюррем?! Не молчи, не покрывай, я казню любого, кто осмелился нанести вред твоему милому личику!

Последовала немая пауза на пару минут.

«Попадос!», — подумала я после тирады возмущенно фырчащего султана. Кого сдавать, кого не сдавать, блестящая ложь за секунду не придумается, валидэ еще смотрит, как крокодил на вегетарианской диете — лишнее слово, и не будет больше меня — Хюррем, буду рыбок кормить в Босфоре... Своим телом.

— Хюррем! — раненым бизоном взревел султан, которого угнетало мое молчание. А, мать твою, была не была!

И я, судорожно всхлипнув, закатали глазки и изобразила глубокий обморок.

— СТРАЖАААААААААААААААААААА!!! — раздался поистине нечеловеческий ропот ошалевшего Сулеймана. — Лекаря сюда, БЫСТРО!

Я еле нашла в себе силы не вздрогнуть от этого бешеного ора. Ничего себе голосочек у султана — трубы Иерихона пали бы, посрамленные!

Но мне было не до сторонних размышлений. Сейчас следовало очень быстро придумать правдоподобную ложь, которая никаким боком не задела бы сиятельную, мать ее за ногу, валидэ, и без того желающую сожрать меня без соли и специй, евнуха Сюмбюля — не люблю подставлять ни в чем не повинных людей...

А девку...хм...Вот ее — то как раз не жалко, в принципе, просто... Грязно как — то получается.

Моя внутренняя шизофрения проснулась в самый неподходящий момент. Остановка внутреннего диалога мне никогда хорошо не давалась — что есть, то есть.

"— Ты рассуждаешь, как слюнявая идиотка. Что тебе до какой — то совершенно посторонней девки? Свою шкуру спасать надо!

— Ее казнят.

— Дура!! Так казнят тебя, а не ее!

— Это еще бабушка надвое сказала.

— ДУРА! И еще бизнесом занималась, фу — ты, ну — ты! Лучше бы в соцработники пошла, раз так нравится спасать ценой своей шкуры всех сырых и убогих! А ведь она первая тебя зацепила! И даже не вступился никто!

— А никто и не обязан был вступаться.

— ДУРА...."

Закончив препираться со своим вторым «Я», злым и всем недовольным, я вновь вернулась в реальный мир и прислушалась. Вокруг меня уже активно кто — то суетился, ощупывая сухими старческими пальцами мое покоцанное личико, а в сторонке тихо рычал на маму злобный Сулик, которому явно хотелось крови и выпустить чьи —нибудь кишки.

Что ж... Пожалуй, я предоставляю ему такую возможность. Только не при всех. Пора менять планы, Саша — Хюррем! Нужно активно вербовать султана на свою сторону. Без его защиты меня утопят, даже «мяу!» сказать не успею. Этим и займемся.

— Сулейма — ан... — еле слышно простонала я, «через силу» разлепляя глаза.

Глава 7.

Я блаженствовала, лежа на огромной султанской кровати. Из покоев валидэ Сулейман вынес меня на руках и мужественно тащил не особо легкую тушку к себе через все длиннющие коридоры. Я не сопротивлялась.

В данный момент меня кормили с рук вкуснейшими лакомствами, которые со скоростью свиста приготовили по заказу султана повара. У них там что, пароконвектомат стоит? Хотя какая разница...

Мням... Вкусно!

— Хюррем... — нежно провел пальцами по моему лицу султан. — Маленькая, как птичка... Хрупкая...

Я чуть не замурлыкала. Потом напомнила себе о том, что моя задача — не султанов соблазнять. А какая, кстати?

Об этом я подумать еще не успела.

В идеале, вернуться домой, но честно говоря, мне даже в голову не приходит, как к решению этого вопроса подступиться. Стало быть, это отложенная задача, а не горящая.

— Как твое настоящее имя, Хюррем? Имя, которое при рождении тебе дал отец?

— У нас имена девочкам дает мать, а не отец, — сурово поправила я султана (не уточняя, что так было принято конкретно в моей семье). — Меня зовут Александра, Саша. Как...

— Как Александра Македонского?! — вытаращил глаза Сулик.

— Ну да, а что? У вас так не называют, но это вроде как греческое имя, и в Греции точно должны быть девушки с такими именами. Разве тебе не привозят наложниц из Греции?

Моя панибратская манера общения султана почему — то безумно радовала. На «ты» обращаться разрешил лично.

— Я не задумывался об их именах, и у меня лично не было постоянных фавориток из Греции. Ты знаешь про Александра Македонского? — неожиданно перескочил с темы на тему Сулейман. Я кивнула, сунув за щеку еще один кусочек лукама. Ну какая же вкуснятина! Все натуральное, никаких тебе ГМО!

Глаза султана стали какими — то непропорционально большими.

— А откуда ты о нем знаешь?

— Читала, — не задумываясь, откликнулась я.

Просиявшее лицо Падишаха Мира было мне ответом.

— Она еще и читает... — влюбленно, ни к кому не обращаясь, прошептал Кануни. — О Аллах, ты осчастливил своего раба!

Хотела я было вставить свои пять копеек, что за мое умение читать ему не Аллаха, а мою маму и учителей благодарить надо, но вовремя язык прикусила.

— А что еще читала?

А вот тут мне придется о — очень тщательно следить за трассой, чтобы не сболтнуть лишнего.

Или...

— Да ну тебя с книгами! — шутливо пихнула я его кулачком в плечо. — Давай танцевать!

Но я совершенно не ожидала, что он согласится!

За неделю до...

Я задумчиво грызла семечки, бездумно глядя в монитор. Сериал «Великолепный Век» поражал. Нет, все красиво, но... Почему никто не прибил рыжую нахалку, а няшкался с ней — я так и не поняла. Но, в целом, зрелище захватывало. Я искренне сочувствовало сериальной Махидевран — чисто по — женски мне было ее жаль. Сулейману хотелось устроить внеплановую кастрацию. Хюррем жалеть почему — то не хотелось.

Видимо, это расставание с Антоном давало себя знать. В своем нормальном состоянии, не депрессивном на почве любви, я бы прониклась к рыжей кукушке всей душой.

Правда, актриса подобрана на роль как — то.... Мда... Ну у режиссера свое видение, у меня свое, так что оставим рассуждения на эту тему за кадром.

В голове никак не желала складываться картинка — мои сны, которые начались до каких — либо моих столкновений с информацией о Роксолане, странное высказывание старой цыганки в кафе и вся эта муть, которая забивает мне голову уже больше месяца.

Я практичный человек, во всякие чудеса не верю, а период моего оголтелого увлечения фэнтези закончился одновременно с периодом второго пубертата и смертью родителей, после которой все надежды на чудо приказали долго жить. Банально, но факт — никаких Сил, магии и прочего нет. Бога нет. Когда у тебя происходит горе, все, что ты можешь — остаться с ним один на один и пытаться как — то выплыть. Без всяких там заговоров и заклинаний.

Вздыхнув, я закрыла крышку ноутбука и растянулась на кровати, бездумно разглядывая потолок.

Хюррем... Сериал меня не особо вдохновил, если честно, а вот скачанную в Ipad книгу Загребельного почитать было бы интересно. Как —нибудь потом, потому что в офисе своем я уже неделю с лишним не появлялась, и судя по подозрительному затишью и отсутствию звонков со стороны управляющего — меня в конкретный момент имеют на деньги собственные же сотрудники. Так что завтра встаю, умываюсь, в фитнес — клуб на танцы, а потом — в офис.

Напомнить о том, «кто в доме хозяин». А книжку все — таки начать читать надо...

С этими прозаичными мыслями я сама не заметила, как уснула.

И снился мне — в который уже раз, — заснеженный Стамбул и чьи — то пронзительные голубые глаза, глядевшие на меня с теплотой и любовью.

Глава 8.

— Нет, Хюррем! — сердился султан. — Ты отсюда никуда без моего разрешения не выйдешь, ясно тебе?!

— Сулейма-ан... — тоскливо простонала я. Спорили мы уже с час. И все никак не могли прийти к консенсусу. — Я ведь всего лишь хочу сделать тебе сюрприз!

— Нет, нет, и нет!! Позови сюда служанок, тут есть отдельные покои, соединенные с моими — и готовь свой сюрприз там, сколько влезет! А я пока слуге прикажу кальян приготовить.

Сибарит, гад, тиран и деспот!!

— Хорошо, — покорно склонила голову я, стараясь не поворачиваться к султану подбитым глазом. — Зови служанок. А кто там у тебя в этих покоях живет, э?

— Ибрагим жил, — на слове «жил» султан почему-то сделал четкое ударение. — Больше он там жить не будет.

— Ясно... — Ясно было только одно — что мне ничего не ясно. Но спорить с этим ослом упертым не было уже ни сил, ни желания.

Служанки прилетели по зову своего Повелителя быстрее легкокрылых бабочек. Ибрагима из покоев выкинули тем же реактивным темпом.

Я вошла в небольшую, но очень уютную комнатку и поняла одно — я буду здесь жить!

До того она милая, что просто жуть. На столе лежала книга, оставшаяся от предыдущего владельца.

Я подошла к столу и нежно провела пальцем по кожаной обложке. Боги, в мое время эту книгу бы только на аукционе «Сотбис» можно было найти, и то — не этих лет выпуска!

Данте Алигьери, «Божественная комедия». На итальянском. Неужели Ибрагим настолько образован? Знает несколько языков? А по нему и не скажешь...

Из задумчивости меня вывел тоненький голосок служанки, назвавшейся Мелек Хатун.

— Госпожа... Вы просили принести Вам ткани, цимбалы и саблю. Саблю Повелитель не разрешил давать. Ткани все готовы и ждут Вашего выбора!

— К тканям желательно приложить портниху, — криво усмехнулась я. — Сама шить не обучена, уж извините.

Видимо, статус «любимицы Падишаха» предполагал любые мои промахи и отсутствия умений превращать в «очаровательную изюминку».

Портниха прибыла по первому же свистку, и я углубилась в процесс подготовки костюма для танца с непонятным мне самой упоением.

Султан всего мира, десятый Падишах Османской Империи, возлежал на подушках и нервно курил кальян на фруктах. Хюррем запаздывала, но из-за двери смежных покоев доносился периодически нежный смех. И пока именно он сдерживал султана от необдуманных поступков.

— Дестуур! Хасеки Султан Махидевран! — послышался голос стражника из-за двери. Султан подавился дымом и раскашлялся...

Только Махидевран ему еще не хватало!

...Два события произошли одновременно. Распахнулась дверь смежных покоев, и оттуда показалась прелестнейшая гурия, закутанная в белый шифон и шелк. Лицо красавицы прикрывал короткий яшмах, живот был соблазнительно оголен, показывая

серезжку в пупке, а шальвары были настолько прозрачными-и... Но не успел Сулейман сглотнуть набежавшую слюну, как двери его покоев открылись и показалась Махидевран в мятом платье — видно, с дороги даже переодеться не зашла, сразу к нему понеслась.

А где вообще эти проклятые евнухи, которым он приказал охранять двери и передавать всем, чтобы его не беспокоили?!

— Повелитель?! — лицо Гюльбахар перекошилось при виде гурии в белом.

— Сулейма-ан... — нежным, невероятно эротичным голоском потребовала объяснений Хюррем. Глаза наложницы недобро засверкали из-под яшмака.

— СЮМБЮЛЬ-АГА!!! — не своим голосом взревел султан.

...Десять минут спустя.

— Она, по-моему, расстроилась, — недовольная Хюррем стаскивала с себя яшмак. Султан старался на нее не смотреть. — Неправильно это, Сулейман. Она мать наследника. Жена, можно сказать. А тут — такая встреча! Прямо «Добро пожаловать отсюда!». Не полюдски. Аллах не одобрит!

— Хюррем?! — пораженно воззрился на любимицу падишах. — Ты отчитываешь меня?!

— Не отчитываю, а указываю на стратегически важные неточности в общении с башкадиной. В этом мире ладно, вся вина загладится так или иначе, а перед Аллахом кто отвечать будет? М? — рыжая нахалка поставила Сулеймана в тупик.

— А как же мой танец?! — наконец, обиженно спросил он.

— Я у тебя во дворце состарюсь, у нас еще тысячи ночей будут!! А ты спрашиваешь — когда же танец, как же танец?! СУЛЕЙМАН!!!

Султан пораженно смотрел на разъяренную наложницу, посмевающую не просто повысить голос на Повелителя, а орать! Да еще и заставлять оправдываться?! И за что?!

— Иди к себе, Хюррем, — серидто приказал Падишах. Рыжая покорно кивнула и поинтересовалась нежным, невинным голоском:

— К себе — это куда?

Вот тут султан в очередной раз попал в тупик. По плану, к себе — это в смежные покои. Но раз сейчас Махидевран ублажать придется... В гареме — небезопасно. Так куда?!

— В темницу пока что!! — громко рыкнул султан. Притянув к себе округлившую глаза Хюррем, добавил очень тих ей на ушко: — Туда принесут теплые одеяла, еду и сладости. Будь так добра, сделай вид, что провинилась, и я тебя сослал... Небезопасно в гареме находиться. Мама... не в настроении.

— Слушаюсь и повинуюсь! — тихонько ответила ему Хюррем, тоже на ушко Подумала и нежно прикусила его за мочку. Султан чуть на Небесах не оказался раньше времени. — Главное — изъять меня оттуда вовремя не забудь... Повелитель...

С этими словами Хюррем гордо выпрямилась и направилась к выходу из покоев.

— КУДА?!! СТРАЖА!!!

Послав Сулейману лукавый взгляд, рыжая кокетка мигом приняла вид испуганный и затравленный, соответствующий случаю.

«Женюсь!», — искренне восхищенный, подумал султан.

"Придурок ...", — искренне улыбнувшись этой мысли, подумала Хюррем.

Глава 9.

В темнице было отнюдь не уютно. Но Сулейман и правда позаботился обо всем

необходимом — Сюмбюль — ага «под полой» принес мне кучу всяких вкусностей, теплые одеяла, горячий кофе (когда я узнала, что у них есть кофе, то обрадовалась до поросячьего визга!).

В данный момент я наслаждалась айвой под взбитыми сливками и слушала рассказ Нигяр — калфы о ее тяжелом детстве и не менее трудной юности.

— Тебе нравится в гареме, Нигяр? — когда калфа выдохлась, поинтересовалась я. — Ты не скучаешь по родине, по дому?

— Госпожа...

— Не называй меня так, я никакая не госпожа.

— Хюррем — хатун, тоска по родине мучает каждую наложницу. Кроме тех, кого родные продали — им дома была куда как хуже, чем в гареме у нашего Падишаха. А я по Руси скучаю... — мечтательная дымка появилась в глазах Нигяр. — Как можно не скучать? По золотым полям пшеницы? По яблоневоу саду на дворе у матушки? По любимой корове Пчелке, дававшей молока на всю большую семью? Мы бедно жили... Бедно, но счастливо!

— Когда — то и я жила бедно, но счастливо... — забывшись, тихо отозвалась я. — Сейчас я бы такую жизнь для себя не выбрала. Тех, по кому тоскуешь, тех, кто делал эту жизнь такой счастливой — их уже не вернуть. А мне — не вернуться...

В этот момент я неожиданно поняла, что плачу.

Не вернуться... Я и не хочу возвращаться в тот мир, но что делать, если именно там остались такие родные могилы? Я привыкла навещать своих хотя бы раз в месяц, а кто будет делать это теперь?! Как я вообще здесь оказалась?!

Калфа не могла понять причины моей неожиданной истерики, а я и не просила ее понимать. Я сама успокоюсь. Я сильная, я справлюсь. Раз оказалась тут — то это не просто так. Может быть, этим я изменю ход истории. Кто знает?

Не зря Росколану — Хюррем считали родоначальницей «женского султаната», разрушившего всю Османскую Империю.

С этой мыслью я в последний раз хлопнула носом, утерла глаза рукавом уже слегка поцощанного платья и деликатно попросила:

— Расскажи мне о Махидевран.

Нигяр вздрогнула, но что ей оставалось? Сам султан приказал выполнять любой мой каприз!

— Мой султан... — кошкой ластилась к нему удовлетворенная Махидевран. — Я так скучала, мой Повелитель...

— И я, — машинально теребя ее локон, отозвался Сулейман. Мысли его витали далеко — далеко от Гюльбахар и ее признаний. — Как сын? Как мой шехзаде?

— Он так скучал по отцу, — льстиво поведала баш — кадина. — Только и спрашивал, что о Вас, да о Валидэ Султан.

— Как его обучение?

Махидевран замялась. Ей стыдно было признаваться в том, что шехзаде невозможно заставить учиться. Он сбегает от учителей, он рвет книги, разливает чернила и вредит как только может. И она, мать, не может призвать его к порядку!

Но султан смотрел так пронзительно, что пришлось сознаться.

И грянула буря!

— Махидевран! — раненым бизоном ревел султан. — Да как ты можешь?! Он — наследник великой династии Османли, а ты не уделяешь внимания его образованию и воспитанию. Что значит — заставить не можешь?!

Махидевран не выдержала столь бешеного напора и разрыдалась. Султан немного остыл и махнул рукой на плачущую баш — кадину.

— Иди к себе. Завтра мы продолжим этот разговор.

— Повелитель?! — пораженно подняла на него заплаканные глаза Махидевран.

— Иди к себе! — стало понятно, что это приказ. А приказы султана не обсуждаются.

— Как скажете, мой Падишах, — с застывшим лицом баш — кадина поднялась с постели и, пятясь, покинула покои султана. Ее трясло от гнева, но она старалась этого не показывать. Пусть!

Султан не просидит долго на троне, вскоре она станет регентом маленького Мустафы, а ее любимый — истинная любовь, не то, что Сулейман! — ей в этом поможет!

От этих мыслей на лице Махидевран появилась торжествующая улыбка. Столь подходящая по статусу баш — кадине.

— Уже скоро... — забывшись, мечтательно прошептала она.

Ибрагим лежал в полной темноте и ждал. Ждал, когда в его покои (новые покои, взамен украденных султаном для мерзкой русской рабыни!) придет та, без которой он скучал долгие месяцы.

— Моя госпожа... — мечтательно прошептал грек.

— Ибрагим... — нежный сладкий голос донесся от порога. — Я здесь, любимый мой...

— О, моя Лунолика! — грек, не помня себя, подхватился с ложа и кинулся на встречу закутанной в покрывала женщине. — О...

— Не надо слов... — прошептала она, приложив палец к его губам. — Просто люби меня... Я так долго тосковала вдали от тебя!

Влюбленные старались сдерживаться, старались не привлекать внимания застывших под дверьми покоев служанок, но им плохо это удавалось. С долей зависти уставшие за день девушки слушали тихие довольные вскрики мужчины и сладострастный взвизг женщины, пришедшей к пику страсти раньше своего возлюбленного.

— Госпожа завтра будет в хорошем настроении, — тихо прошептала белокурая рабыня на ушко своей подруге. — Еще бы, ее так сладко любят!

— Интересно, кто он, — тихонько хихикнула вторая.

— Ну не евнух, это точно! — с этими словами девчушки еле слышно рассмеялись. Слово снова взяла белокурая:

— Почему не евнух? Говорят, Сюмбюль умеет делать наложницам *такое*, после чего они на обычных мужчин и смотреть не хотят!

— Правда? — заинтересованно посмотрела на нее подруга. — Не врешь, Айбиге Хатун?

— Фирузе, когда бы я тебе врала?! Самой охота попробовать ... Но он все-таки главный евнух...

— Ох, Айбиге, какая разница — главный или не главный... Не с нашей Госпожой евнухов совращать! У нас нет на это времени, мы рабыни! Это только ей можно наслаждаться... — с горечью сказала шатенка. — О! Молчи. Они затихли, скоро она придет!

В покоях женщина последний раз содрогнулась под греком и устало поцеловала возлюбленного в губы.

— Мне пора, мой лев... — печально сказала она.

— О моя госпожа... — столько боли, столько страсти было в этих словах Паргалы!

Глава 10.

Я сидела на мягких подушках и кушала лукум, размышляя над рассказом калфы. И чем больше я размышляла, тем больше мне не нравилась ситуация в целом. Судя по всему, Махи решила стать самой главной и снести валидэ с ее поста при первой же возможности. А это означает что? Это означает то, что Сулик может в скором времени трагически отправиться следом за умершим от рака папиком. Не то чтобы я сильно переживала за него, как-то пока мало дела до султана, но вот до себя самой дело мне определенно есть.

И планы Махидевраши придется слегка так подпортить. Не нравится мне идея оказаться в Босфоре с мешком на голове. Ну вот никак.

Была я как-то лет пять назад на отдыхе в Стамбуле, любовалась видами и обжиралась вкусностями, коих там предостаточно. Гуляла по мосту над Босфором рядом с Топ-Капы, не помню, как он называется. Гуляла-гуляла, а день солнечный был. И в воду глянула случайно.

Ой, мать моя, лучше бы не глядела. Скелеты с мешками рядком стоят. Развеваются в такт течению. И как им не страшно жить рядом с таким п...цом?

Куча неупокоенных душ рядом с султанским местом обитания — это плохо. Можете считать меня суеверной дурой, но энергетика от этого там не улучшилась.

Так вот, пополнить собой ряды тех скелетов я совершенно не горю желанием. Поэтому будем думать.

С этими мыслями я растянулась на подушках и прикрыла глаза, делая вид, что крепко сплю.

Минут через десять дверь моей камеры тихонечко скрипнула. Так-так, и кто ко мне в гости пожаловал?

Под кроватью я заныкала удобный медный горшок с ручкой и теперь ждала возможности схватить его и дубасить, куда попаду, при первой же попытке нападения. За свою жизнь я постоять умею, благо, на самбо с восьми до шестнадцати лет ходила, все мечтала в полицию пойти работать! Так что мало убивцам моим не покажется.

— Хатун... — тихо прошептал незнакомый голос. — Пойдем, тебя ждут.

Я молчала, как партизан на допросе.

— Повелитель ждет.

Пусть весь мир подождет! Никуда не пойду.

— ХАТУН! — повысил голос неизвестный. — Идем!!! Не заставляй Повелителя ждать!

Тут моя терпелка лопнула, и горшок с отчетливым «БУМ-М!» впечатался в лоб служанки, которую я мельком видела в покоях валидэ-султан. Ага-а!

— СУЛТАН, ЗНАЧИТ, ЖДЕТ?!!! — грозно заорала я, склоняясь над поверженной противницей. Дав ей душевного пинка под зад, я завернула хнычущей служанке руки за спину профессиональным ментовским захватом, и задушевно поинтересовалась:

— И кто же тебя послал, голуба? А главное — куда ты меня выманить должна была, крыса?

Да, доброта из меня так и прет, сама поражаюсь. Как говорилось в моем любимом

мультике — «Это все от нервов!».

В покаях Ибрагима

Ибрагим брезгливо вытирался после «случки», как он мысленно окрестил недавно произошедшее с ним приключение. Приключения эти начались с момента их с султаном приезда в Топ-Капы и успели изрядно греку поднадоесть. Но разве этой женщине можно отказывать?!

— Жить захочешь — не так раскорячишься... — невольно произнес он вслух.

— Ибрагим, ты о чем? — незаметно подошедший со спины Сулейман чуть не довел друга до сердечного приступа.

— Я... услышал эти слова от одной славянской наложницы в гареме, и теперь пытаюсь осознать, в чем суть. Но звучит красиво, — неловко вывернулся Хранитель Покоев.

— Дурачок... — ласково потрепал его по голове султан. — На нашем языке это означает «Захочешь жить — и анус подставишь...»

«Как точно сказано, мать-перемать!», — краснея, словно свеколка, подумал Ибрагим. Их знакомство с Сулейманом когда-то из простой дружбы... Но вспоминать об этом грек не хотел. Для турок это было абсолютно нормально, да и Сулейман особой слабости к такому виду любви не питал. Но было... противно. И воспоминания о давних их приключениях Ибрагим обычно старался загнать в самый дальний угол своей памяти.

— Это выражение, — назидательно продолжил султан, усаживаясь на кровать друга и невольно отмечая, что простыни на ней смяты, словно после любовной игры. Но ничего не сказал. — Появилось после правления Мехмеда Фатиха. Прадед, говорят, грешил... Но с покойных либо хорошо, либо ничего, так что ответь-ка мне вот на какой вопрос...

Ибрагим сжался в куриную попку, тоже заметив беспорядок на кровати. Весьма характерный.

— Не пора ли жениться тебе, мой друг?

— Аааа...ээээ...Я-а?!

Глава 11.

Мне отчаянно хотелось снять скальп с поверженной врагини, но пока что я сдерживалась. Просто тащила ее за косу, нимало не смущаясь, в покои султана. А так как при деве был найден и кинжал, и удавка — разговор с ней пойдет о-очень занимательный.

Или я не я.

Она, конечно, за поступки Валидэ-мамы не ответчик, но если не она — то кто?

А я скорее поверю в казнь служанки, чем валидэ.

— Хатуу-у-уун! — О, меня заметила Нигярка. — Ты что-о?!

Глаза у калфы стали как у бешеной трески, когда я продемонстрировала ей спрятанную у ревущей девки за пазухой удавку.

— К султану меня звала.

— Понятно...

— Повелитель у себя? — мое напускное спокойствие всех пугает, как я смотрю. Что ж, отлично, будем создавать себе славу страшной ведьмы, которой на лопату лучше не попадаться — сразу в печь посадит! Иные здесь и не выживут, по всей видимости.

Лохов нигде не любят, это логично. В чем еще раз убеждаюсь.

— Идем, стража скажет, у себя он или нет.

Наша скорбная процессия двинулась дальше по извилистым коридорам. Путь лежал через ташлык рабынь, куда я вошла с моментально надетой на лицо масочкой злобной ведьмы.

Глядя мне в лицо, наложницы даже перешептываться побоялись. Я внимательно посмотрела в глаза каждой особо подозрительной и демонстративно подергала предательницу за косу. С намеком так. Мол, на ее месте может быть каждая из вас, кто хоть слово лишнее квакнет в мой адрес!

Намек мой поняли правильно, особенно уписывалась Нигяр, старательно скрывающая улыбку.

— Ох и сурова ты, Хюррем-хатун, — когда мы вышли из ташлыка, сказала калфа мне на ухо.

— А как с ними иначе? — пожала плечами я. — Можно, конечно, сетовать на времена и нравы, но толку с этого, Нигяр?

Нигяр не поняла и половины, но умно покивала. Философские беседы мне лучше вести с кем-то более образованным, как мне кажется.

В покоях султана не оказалось, но стражи любезно предложили подождать его в коридоре. От такой «любезности» я слегка опешила, и попросила стул. На меня воззрились шесть пар удивленных глаз.

— Хюррем, у нас нет ...стульев, — вздохнув, просветила меня Нигяр.

— Поняла, — грустно отозвалась я, представив себе многочасовое сидение под дверью с намотанными на кулаки волосами неудавшейся убийцы. А она еще вырываться пытается, и орет, как ослица в период спаривания!

В общем, можете мне посочувствовать.

Но тут из-за поворота показался султан, при виде меня удивленно заморгавший.

— Это что? Хюррем!

А что — чуть что, сразу я?

— Повелитель... — низенько поклонилась ему Нигяр, подметая шапочкой пол. — На Хюррем-хатун покушались...

Девка заревела еще пронзительнее. Я согласно дернула ее за волосы, чтобы сильно не ерзала. Султан слегка ошалело предложил нам войти.

В покоях султана

Хюррем вызывала некий страх даже у повидавшего виды султана. Обычных истеричных женщин в своей жизни он насмотрелся предостаточно. А эта... Как будто и не на нее покушались. Ведет себя, словно опытный воин — вон какими пинками загнала служанку в покои, с размаху добавив кулаком по шее, чтобы та упала на колени перед султаном.

Ее, конечно, можно понять — покушение все-таки. Явно без участия валидэ не обошлось — служанка-то ее. Феридэ-хатун. Сам не раз ее у матери видел, вроде как даже любимая. Сама удавку взяла и пошла к неизвестной ей наложнице в темницу?

В такой бред султан бы никогда не поверил.

Но поведение Хюррем его откровенно смущало. Откуда она, эта наложница, которая так хладнокровна и расчетлива? Которая, видимо, привыкла драться за свою жизнь?

Слишком умна, слишком... опасна.

Ум свой Хюррем подтвердила еще раз, ни словом о валидэ и ее участии в этой истории не обмолвившись. Только служанку попросила наказать по всей строгости закона.

Султан пообещал. Подумал и предложил располагаться на ночь в соседних покоях под

охраной немых стражей.

И она целее будет, и он — спокойнее.

Хюррем подумала с минуту и милостиво согласилась.

В покаях валидэ

— Хатидже!!!! ДУРА!!! — ревела раненным бизоном валидэ, нервно бегая по комнатам. — Зачем?!!!

— Мама!!! — рыдала нежная дева, заламывая руки. — Не подумала!

— ДУРА!!!!!!!!!!!!

Все эти крики были связаны с одной небольшой проблемкой, о которой валидэ узнала буквально полчаса назад, не дозвавшись своей верной служанки Феридэ-хатун. Ее напарница Айбигэ слила конкурентку, сообщив, что та ушла к Хатидже-султан по ее персональному приглашению и до сих пор не вернулась. Айше Хафса моментально вызвала в свои покои доченьку, где и выяснилось, что служанка была отправлена на «мокрое дело» с целью зарезать или удавить нахальную рыжую невольницу.

— Чем тебе помешала эта славянка?!

Хатидже сжала губки в куриную попку. Говорить о том, что к Ибрагиму приревновала? Мама не то что не поймет, а устроит ад на земле и сладкого лишит на месяц! А сладости Хати очень уважала, от того и прыщики многочисленные на лбу старалась скрывать при помощи разных украшений на голову.

— Так чем, Хатидже?! Или в тебе проснулись дурные наклонности отца и его родственников по мужской линии?! — злобно схватив дочь за косу, поинтересовалась Хафса. Хатидже снова пронзительно заревела. — Овца! Служанка — моя, подумает Сулейман на меня!

— Мама, простите....- сообразила Хатидже, упав на колени и пытаясь поймать подол платья гневающейся матушки. — Не подумала...

Гнев Хафсы начал понемногу утихать. Хатидже отлично знала, как управлять матушкой при помощи мнимой покорности.

— Чтобы пальцем рыжую не трогала больше! Поняла?

— Поняла, валидэ...

— Она подарит сыну сыновей, продолжит род! Сильная и здоровая, крепкая духом и телом! А наглость ... спустя пару месяцев жизни в гареме пройдет. Выучим.

— Но... вы же хотели ее в дар Ибрагиму, валидэ... — не выдержав, чуть не сдала себя с потрохами Хатидже.

— Перебьется Ибрагим. Такие рабыни на дороге не валяются. Тем более сын ею очарован, а она сильна, и сумеет поставить на место Махидевран. Но об этом я с тобой разговаривать не стану.

С этими словами валидэ сделала жест рукой, намекая дочери, что пора на выход. Хатидже понуро поклонилась и удалилась.

— ДУРА... — в последний раз, еле слышно выдохнула уставшая валидэ, массируя грудь в районе сердца. — И в кого она такая?

Глава 12.

Хатидже не спалось. После недолгой встречи с возлюбленным ее нервы были на пределе, и она додумалась отправить к рыжей рабыне убийцу. Но, судя по всему, покушение

провалилось, а валидэ обо всем узнала. Хорошо, что еще не догадалась об их отношениях с Ибрагимом!

Чистая и невинная на словах Хатидже чистой и невинной отнюдь не была. Бывший ее муж не выдержал непомерного сексуального аппетита молодой жены и тихо скончался на бедняжке буквально за минуту до ее оргазма. Этого Хатидже ему простить просто не могла.

А тут — Ибрагим. Когда Хатидже увидела его полгода назад во дворце в Манисе, приехав повидаться с братом, она не смогла сдержать голодные слюни. Выглядел грек, как породистый скаковой жеребец. Хотелось кусать его, царапать и визжать, как течной сучке, нашедшей своего кобеля.

И Хатидже решилась на тайный роман. Ну зудело у девы между ног, так и что? Кто в этом виноват? Годами сидеть в гареме и вянуть, как цветок без солнца, опытной женщине нелегко. Здоровье не то станет, и умрет она, никому не нужная.

А Хатидже хотела жить! Желательно — долго и счастливо. С Ибрагимом.

«Ах, Ибрагим...», — томно подумала Хати, укрываясь одеялом до подбородка. Встреча была короткой и должного удовлетворения не принесла, а когда будет следующая — совершенно неизвестно. Шаловливые ручки скользнули между полами дорогого шелкового халатика, добираясь до самых потаенных местечек. — «Ибрагим...»

Эта непомерная сексуальная ненасытность была унаследована всеми детьми Хафсы Султан от нее самой, так как султан Селим был ярым сторонником «иной веры» и последние годы проводил исключительно в объятиях юных мальчиков.

Сама же Хафса страдала без мужской ласки и периодически находила себе умных любовников среди пашей, умевших держать язык за зубами.

Так что виноватой перед кем бы то ни было за свою связь с Ибрагимом из Парги Хатидже себя не чувствовала ни в коей мере.

Вот только рыжая наложница...

Неожиданно Хатидже ощутила при мысли о нахалке жаркий спазм в низу живота. И тут же стыдливо покраснела. Да, иногда ей нравились девушки, пару раз с рабынями они даже ласкали друг друга в хаммаме, но дальше этого дело обычно не заходило. А тут...

— Хюр...рем... — еле слышно выдохнула Хатидже, вконец обессилив от страсти и дав волю рукам. — Хюррем...

Ее брат в этот момент шептал примерно то же самое, представляя себе всевозможные сладкие вольности, которые вскоре он позволит себе с русской рабыней. Сама же русская рабыня в этот момент сладко спала и слезно просила ее не беспокоить. Даже дверь отнятой у стражников секирой подперла, сославшись на то, что у нее нечистые дни. Султан повздыхал, но после недавнего свидания с Махидевран силы у него были только на то, чтобы мечтать.

Рыжая покорила его своей дерзостью и огнем, горевшим в ее глазах. Этот огонь был сладостным обещанием греховной страсти, так как только у любвеобильных женщин он горел в глазах. По крайней мере, так считал султан, и в чем-то он не ошибался.

Только вот огонь этот вызван был желанием жить и к его персоне отношения никакого не имел, но о таких банальностях Сулейман предпочитал не задумываться.

В его мыслях Хюррем, обнаженная и покорная, раскинулась перед ним на зеленых шелковых простынях, ожидая, когда до нее снизойдет ее Господин и Повелитель...

Если бы сама «Хюррем» слышала мысли султана — смеялась бы до колик. Но она навыками телепатии, к сожалению, не владела.

Сна не было ни в одном глазу, хотя усталость уже накопилась. Но прежде чем отправится на заслуженный отдых, мне было необходимо добраться до одного человека в этом дворце и душевно с ним побеседовать. А вот как это сделать...

Выглянув в плотно зарешеченное окошко, от идеи спуститься по простыням я с содроганием отказалась. Через дверь от меня сладко хрюкает во сне Сулейман, мимо которого явно не проберешься. Еще и стражники за дверью.

Нарезая круги по выделенным мне покоем, я судорожно размышляла, пока взгляд мой не остановился на странной, ни к месту расположенной занавеске на стене.

Занавески. На стенах. Занавески...

Сперва я решила, что это местный дизайнерский изыск, и отмахнулся от подозрений, но затем все-таки решила проверить свои домыслы. И неожиданно обнаружила за занавеской дверь. Запертую.

— Где наша не пропадала... — прошептала я, доставая шпильку из прически. С замком мы сражались часа полтора, под конец я уже хотела отгрызть его зубами, но тут внутри что-то глухо щелкнуло, и дверь открылась.

Победа!

Дверь вела в покои... Ха-ха! И далеко ходить не надо.

Тихонечко притворив за собой дверь в покои, я подошла к кровати, на которой раскинулся обнаженный мужчина с...

Мгм...

Мда-а...

А фигура-то ничего, надо признать.

Одеялом бы прикрылся, что ли, а то лежит тут, смущает целомудренную меня своим видом.

Но вид, надо признать, замечательный...

Присев на краешек кровати, я деликатно потрясла спящего за плечо.

— Хюррем?! — в ужасе воззрился на меня проснувшийся грек. — Что тебе тут нужно?! Как ты сюда попала?! Вы что, сговорились?!

— Молчи уже, крикун, — тихо посоветовала я ему на ушко. — Поговорить мне с тобой надо. А ты что подумал?

Ибрагим внимательно посмотрел на мое неглиже и задумчиво хмыкнул. Видимо, не верилось мачо средневековому, что я к нему ради пятиминутной беседы заглянула.

— Красивое платье, хатун... — неожиданно заметил он, проведя рукой по моему плечу. Я отшатнулась в легком ужасе. — Извини. Я не буду тебя трогать. Но находиться здесь тебе небезопасно.

— Я в курсе. Поэтому времени у нас в обрез, — обрубил я грека и поплотнее запахнулась в халат. А то его хищный взгляд меня как-то начал настораживать. Слишком хорошо я знаю эти взгляды, мне-то, в отличие от Роксоланы, уже давно не пятнадцать и не шестнадцать лет!

Но до чего горяч, сволочь. Попробуй тут удержишься от соблазна.

Глава 13.

Открыв глаза, я ужаснулась. Рядом лежал и сонно посапывал Хранитель Покоев — обнаженный и прекрасный. Рядом с широким, почти султанским ложем, валялось мое платье.

Я осторожно приподнялась на локтях и огляделась. За окном еще было темно, да и шума во дворце никто не поднял — стало быть, меня не ищут. Но как я могла?!

О чем я думала?!

И почему так раскалывается голова... Я ничего не помню...

В ужасе я подхватила с кровати, ухитрившись каким-то чудом не разбудить Ибрагима, и накинула слегка порванное платье. Юркой змейкой скользнула к потайной двери между нашими покаями и постаралась надежно ее запереть.

В моих покаях было тихо и темно. Огромные свечи, заменявшие здесь энергосберегающие лампы нашего века, уже давно потухли. Я в изнеможении стянула с себя платье и рухнула в кровать, все еще пребывая в полнейшей прострации.

Что же произошло в покаях Ибрагима?!

Но в памяти была откровенная черная дыра, которую никак не удавалось заполнить образами или воспоминаниями. Да что ж такое. Вроде бы потерей памяти никогда не страдала, амнезия в перечне моих многочисленных болячек точно не значится. И на тебе, пожалуйста.

Осторожно приподнявшись, оглядела себя. Бедра были чистыми, без признаков насилия, укусов и компрометирующих царапин. Кровавых потеков, которые должны были быть после нарушения девственности, тоже не наблюдалось. Ничего не болело, не ныло и не тянуло, смазки (пардон!) и следов мужского семени так же не было. Либо он меня чистенько помыл после, либо... он меня не трогал.

Но что же тогда произошло?!

Дверь в мои покои неожиданно распахнулась, и на пороге показалась...

Ого-го!

— Русская рабыня, — покривив губы, позвала меня Махидевран Султан. — Султан ждет тебя на ложе.

Я забыла добавить, что Махи была абсолютно обнаженной?!

Мои глаза медленно вылезали из орбит. Слов я тоже никаких найти не могла. Все кончились. Это еще что за свинг-пати по-османски?!

— Хюррем! — донесся до меня зычный голос Сулика из покоев. — Иди же!

С трудом поднялась и на негнущихся ногах поплелась следом за Махидевран. Султан, одетый и спокойный, сидел в своем любимом кресле за столом. Одетый?

События развивались как-то совершенно не по плану.

— Я хочу, чтобы вы любили друг друга у меня на глазах! — деспотично приказал он. Наши с Махи глаза стали одинаково круглыми. — Валидэ сказала, что Хюррем пока нельзя трогать, она не проверена (Вот коза старая! Вилы ей в бочину!), а Махидевран...

— Мой Повелитель, — проскрипела баш-кадина, — сегодня уже оросил мою жемчужину любви своим божественным нектаром.

Как я не загнулась на месте от хохота — я не знаю. Мигом забыто было все, кроме этого перла!

Ж-жемчужину, мать ее! НЕКТАРОМ!!! БОЖЕСТВЕННЫМ!! Ну у Сулика и самомнении

как я погляжу...

— И поэтому, чтобы не огорчать и не обделять тебя, Хюррем, я наслажусь вами, а вы — друг другом.

С этими словами он откинулся на спинку и потянулся губами к мундштуку кальяна. О как.

Запашок, висевший в воздухе, был приторно-сладким и почему-то знакомым. Так пахло обычно в самых разудалых ночных клубах, которые я наскоками посещала в бытность свою in Moscow.

О как. Да султанчик тут плюшками балуется...

То бишь гашиком. Или анашой.

— Сулейман... — ласковой обнаженной кошечкой притерлась я к нему, не обращая внимания на возмущенное сопение Махидевран. — Дай курнуть?

И нежно, эротично вытянула у него мундштук кальяна из пальцев.

Пару затяжек. Иначе этого бреда я просто не переживу.

— Что за самосад ты куришь? — раскашлявшись, отдала я ему кальян. Султан ничего не понял и нежно спихнул меня с колен, навстречу рычащей отнюдь не от страсти Махи.

Маха. Обнаженная Маха.

Просто Маха. Очень приятно, Маха. Нет, ей определенно идет так зваться...

С этими словами я дурацки хихикнула и отправилась в глубокий обморок.

Хе-хе, Сулик, ты же не в курсе, что у меня полная и абсолютная непереносимость любых наркотических веществ! А вот на тебе, каской!

С этими коварными мыслями сознание окончательно меня покинуло.

...И я проснулась. В своей постели в выделенных мне покоях. Рядом сидел обеспокоенный Сулейман.

— Что тебе снилось, Хюррем? Ты так кричала... Потом смеялась...И снова кричала. И говорила про какой-то «самосад».

Я хихикнула, но пересказывать сюжет своего сна наотрез отказалась. Это ж надо было такому пригрезиться. Надеюсь, что сон — не пророческий!

Глава 14.

Москва. Наши дни.

Я — Александра, русская рабыня, жившая в Рогатине. Я помню каждую яблоню в нашем саду, розовощеких сестреночек и братьев, бегавших по летнему лугу... Я была предана этой земле, вскормившей меня своими плодами, свои молоком и своим хлебом, чье ласковое солнце подарило золотистый цвет моим волосам., Потерявшая своих мать и отца в жестокой сече, устроенной нападшими на родную деревню татарами, своими глазами видевшая гибель возлюбленного, всех моих близких, теток и дядьев, собравшихся отпраздновать мою свадьбу с Лукой....

Меня захватили в плен, сочтя красивой и пригодной для служения крымским господам. Неверные любили таких, как я — целомудренных невест, еще не знавших мужского тела.

Я — Александра...

Наш корабль, полный русинок-невольниц, плыл в далекий Стамбул, где нас ждал гарем старого Повелителя турок-осман, Селима Явуза, но по пути мы узнали, что он отправился в ад, и на его место пришел молодой сын.

Это вселило в меня надежду.

Пока длилось плавание, мы с девушками дурачились и хихикали, когда нас не видели грозные стражи, в остальное же время я или пела жалобным голосом песни на родном языке, или плакала. Лука всегда говорил, что я настоящая красавица, когда плачу.

Лука... Сердце сжимается от боли, а душа стонет, просит помощи и защиты у Господа, Отца Небесного.

Прими и упокой души моих отца, братьев, сестры и матушки, а так же новопреставленного Луки, Господи!

Я — Александра. Та, что смеется, невзирая на горе и боль, охватывающую ее при каждом воспоминании. Боль, которая терзает сердце и душу, рвет ее на куски.

Я — Александра, желавшая стать наложницей молодого Повелителя османов, родить ему детей и получить власть над миром. Власть, которая позволила бы мне хоть как-то помочь своим соотечественникам, измученным жестокими нападениями и набегами османских псов- татар.

Я — Александра. Я стою перед окном с видом прекрасного города, заснеженного и величественного, в котором великое множество людей, и сердце мое рвется от тоски и непонимания.

Где я и как я тут оказалась?!

Стамбул. 16 век.

Утро было не то чтобы безрадостным, скорее — никаким. Когда я открыла глаза, Сулеймана уже давно не было рядом, видимо, ушел по своим султанским делам. Дверь в покои Ибрагима снова была на замке, который я вчера не сумела повесить на место.

Я содрогнулась. Этого мне еще не хватало. Обвинит в измене — и все, Сашка, отправишься на корм рыбкам.

Пора срочно что-то предпринимать.

Голова спросонья думать отказывалась совершенно, поэтому я огляделась в поисках кувшина холодной водички. И обнаружила в углу какую-то скромную деваху.

— Ты кто? — грозно поинтересовалась я, нашаривая спасительный горшок под кроватью.

— Меня приставили Вам в услужение, Госпожа, — низенько поклонилась девица. Невзрачная, бледная, ни рожи ни кожи. Одета тоже будто с чужого плеча, до того мосластая. Ну да, такую — только в служанки. — Чего Вы желаете?

— Госпожа желает кофе, завтрак и ведро воды для умывания, — капризно протянула я, решив получить хоть немного удовольствия от жизни. Госпожа да Госпожа, заело их на этом слове. Ну, пусть так. Со временем я привыкну и начну получать от этого обращения удовольствие.

— Слушаюсь, — все так же с поклоном, пятясь задом, девушка покинула мои покои. Чудесно. Выпью кофе и за работу. Пора продумать детальный план дальнейших действий.

Не успела я додумать, как в покои ворвалась Хатидже Султан с непередаваемо перекошенной рожей.

И, не успела я опомниться, как с размаху меня ударили по лицу.

— ТВАРЬ!!!

— А ну ручки свои убрала, пока я тебе в задницу их по локоть на засунула!!! — перехватив занесенную снова лапку, рыкнула я. — Совсем с катушек съехала, или ПМС замучил?!

— ВЕДЬМА!!!!

— Переклинило тебя, овца драная?! Какого е...ного х...ра тебе тут понадобилось?! Кто тебе, собаке, руки распускать право давал?!

От моих речей Хати просто остолбенела. Видимо, с султанскими сестрами так разговаривать было не принято, но мне было... мягко говоря, уже положить с прибором.

— Ты...!!! Мой брат казнит тебя, дрянь!!

С размаху влепленная ей по морде пощечина послужила мне небольшим утешением. Хатидже всхлипнула и схватилась за покрасневшую щечку. Удар у меня хороший, тяжелый, мне бы еще нагаечку! Настоящую, казацкую, с утяжелителем в хвосте! Вот тут-то мы бы и посмотрели, кто из нас ведьма, а кто — собака османская!

Опять моя дурная казачья кровь вскипела, не обращайтесь внимания.

Подумав о том, что мне уже совершенно нечего терять, я решила действовать в соответствии со своими желаниями. Схватив ревущую Хатидже за волосы, я любовно стукнула ее лбом в обшитую шелком стеночку и поинтересовалась (злобно, чуть не слюнями капая):

— Ну, теперь дошло, на кого ты грабли свои подняла?

— Ты... — рыдая в голос, верещала султанская сестричка. — Мой брат тебе этого не простит! Он тебя четвертует!!

— В масле сварит и орально поимеет, а если совсем допеку — то и анально! — злобно фыркнула я, дернув ее от души за жиденькие волосенки. — Какого тебе.... Твари... от меня надо?! Что я тебе сделала, крыса ты чумная?!

Сравнение с «чумной крысой» Хати ну совсем никак не понравилось. Она извернулась и попыталась меня пнуть.

И в этот момент...А-а-а-а!! Этому-то что здесь надо?!

— Госпожа...Хюррем?!!

Мы мигом отшатнулись друг от друга и заулыбались, как две голодные крокодилицы.

— А я тут... султанше приемы самообороны показываю, — нашла я, шаркая ножкой и не глядя на Ибрагима.

— Угу... — пропыхтела краснеющая, зареванная Хатидже, потирая набухающую на лбу шишечку.

Ибрагим та-ак влюблено смотрел на эту шишку... Потом перевел взгляд на меня и подмигнул. Незаметно.

— Госпожа, позвольте, я останусь наедине со своей... невестой.

Хати вспыхнула и рысью унеслась в неведомые дали, оставив меня хлопать ртом, словно выброшенная на берег рыба.

— Нас хотят поженить, Хюррем, — печально сообщил мне Хранитель Покоев.

— Что-о?! — откровенно охренела я.

— Завтра состоится наш никях.

— ...?!

— Султан так решил.

— ?!!!!!!!!!!

— Нам подарят дворец.

—

— А мне еще и статус Великого визиря дали.

—!!!

— Вот, — с этими словами Ибрагим подошел и неловко меня обнял. Я подумала секунду и с удовольствием потеряла сознание.

Глава 15.

Настроение у меня было, мягко говоря, ужасающим. Идея свадьбы с Ибрагимом рушила все мои планы просто на корню, а Сулейман был упертым, как баран. Я уже успела сбегать к нему и полчаса прождала под дверью, пока его Величество соизволило натянуть портки и выйти ко мне. Удостоившись двухминутной беседы, я поняла одно — либо у Сулика с головушкой неладно, либо ... Второго варианта, как ни старалась, так и не придумала.

Вернувшись в выделенные мне покои, я погрузилась в печальные мысли с головой. Депрессия нарастала, как снежный ком, и хотелось только одного — чтобы кто —нибудь наконец — то ушипнул меня, и я проснулась. Достал этот бред. Колоссально достал. Почему все это творится именно со мной?! И где, в таком случае, делась настоящая Александра?!

Понять, что происходит, мне в ближайшее время определено не светило. Но то, что все не сон, а самая что ни на есть явь, к тому же ужасающая своей циничностью — я уже поняла. От этого хотелось зареветь в голос.

В покои поскреблись, и после моего грубого «Да!» появилась служанка. Та самая, что была ко мне приставлена. Где ж ты шлялась — то, радость моя? Неужто кофе так долго варится?

— Госпожа... — неловко помявшись, пробормотала она. — На кухне мне ничего для Вас не дали.

Я молча офигела.

— Хатидже Султан запретила. Сказала, что пусть Вас теперь муж кормит... — еще тише пролепетала девица, мечтая слиться цветом со стенкой.

Ну, кто бы сомневался. Хати, судя по всему, та еще скотинка маленькая, но не на ту напала.

— Ибрагима позови, — сумрачно буркнула я. — Кстати..

— Да, Госпожа? — преданно вытянулась в струнку служанка.

— Как тебя звать — величать?

— Катя я, Катерина...

— Замечательно, Катенька. Теперь можешь идти.

С этими словами я упала на кровать без сил и постаралась справиться с удушающей меня волной черного гнева. Хатидже теперь перешла в разряд моих личных врагов, а у меня на пути лучше не становиться. В порошок сотру!

С подленькой усмешкой я вспомнила все уже испробованные методы изничтожения врагов, и довольно улыбнулась. Моя фантазия и фантазия средневековой скудоумицы — это две большие разницы, знаете ли!

Спустя полчаса в мои покои соизволил явиться Ибрагим, теперь уже паша. Крайне недовольный тем, что я оторвала его от важных государственных дел.

— Ты что — то хотела, Хюррем? — с откровенно скучающей миной процедил он.

— Приструни свою течную суку, — мягко посоветовала я, с улыбочкой наблюдая за тем, как бледнеет его лицо. — Да, по глазам вижу, ты понял, о ком я. Она запретила меня кормить, и по ее мнению, до свадьбы я должна подыхать тут с голода. Как ты мне предлагаешь себя вести, паша?

Последнее слово вышло на удивление презрительным.

— Хатун... — сглотнув, отозвался Ибрагим. — Ты забываешься...

— Это ВЫ забываетесь здесь все! — у меня сорвало краны в прямом и переносном смысле. Орала я на Ибрагима в голос, не стесняясь в выражениях. — Я тебе не «хатун», мать твою! И не Хюррем! Я — Александра!!! Ты прекрасно понимаешь, визирь, что от меня хотят избавиться, выдав за тебя замуж, так вот я мечтаю избавиться от вас всех и снова вернуться ДОМОЙ!!! Мне не нужны ваши гребаные интриги, озабоченные хуже портовых шлюх девицы благородных кровей, служанки, которые грезят о том, как их вы...ет Сулейман!!! На хрен вы мне все не уперлись, ясно?!!!

— ХЮРРЕМ!!! — бешено сверкая глазами, визирь попытался схватить меня за рукав платья, но я вывернулась и от души пнула его в колено. — Ты с ума сошла совсем?! Успокойся!

— Оставь ее, Ибрагим, — в покои неслышно вошел... ну бл...дь, тебя тут только не хватало!! — Выйди!

Новый Великий визирь не посмел ослушаться своего господина и Повелителя.

Я отвернулась от сурового Сулеймана и постаралась сдержать наворачнувшиеся на глаза слезы.

— Хюррем...

— Я — не Хюррем, Сулейман. Мое имя Александра Роксолана. Я — рабыня, проданная во дворец османского правителя! Не принявшая ислама, потерявшая мать и отца, всех, кого любила! Всех, понятно тебе это или нет?! Я — Александра, которая всегда ненавидела тех, кто злоупотреблял своей властью!! — из меня полился поток слов, который нельзя было остановить. Но султан почему — то и не пытался. — Я ненавижу лицемерных и мнимо целомудренных, не соблюдающих завета своего Господа, кто бы им не был! Играющих чужой жизнью, будто кто — то дал им на это право!

— Хюррем... — на мои плечи опустились теплые и тяжелые руки. — Кто тебя обидел, девочка? Скажи, и я казнь его сию же секунду! Кто не соблюдает здесь воли Аллаха?! Кто в этом дворце осмелился забыть волю нашего единственного Господина и Повелителя?!

— Одна прелюбодейка, которую ты прекрасно знаешь, — злобно бросила я, пытаюсь вывернуться из его рук.

— Кто, Хюррем?! Махидевран?!!

Вот кого он больше всех подозревает.

— Нет, баш — кадина чиста перед Богом.

— Тогда кто?!!

— Я не скажу тебе этого, Сулейман. Потому что в данном случае ты скорее казнишь меня, чем ее, — с кривой улыбочкой отозвалась я. Сулейман тяжело задышал, сжимая мои плечи все сильнее.

— Хюррем...Александра... Что же ты за наказание Аллаха? Или ты — его милость посланная мне за какие — то будущие светлые деяния?!

— И от этого всего ты искренне стремишься избавиться, — выплюнула я со злостью.

— Хюррем...

— Замолчи, — с этими словами я развернулась к султану и сама его поцеловала.

Упс. Вот этого от меня точно не ждали.

КОНЕЦ I ЧАСТИ

Часть 2. Султанша.

Глава 1.

Прошел год с момента описанных событий. На дворе стояла чудесная ранняя весна. Я стояла у окна в своих покоях и нежно поглаживала живот. Скоро, по моим ощущениям, должны быть роды, и я смогу наконец — то взять на руки своего сына!

Сына султана Сулеймана, Повелителя мира, десятого султана династии Осман Ли!

Широкая улыбка помимо воли появилась на моем лице. Я привыкла к местным нравам и правилам. Я почти не скучаю по дому. Даже моим призраки перестали меня терзать с того самого мига, когда я узнала, что жду ребенка.

Дома... Там, где у меня когда — то был дом... Мне ставили диагноз «бесплодие» и советовали воспользоваться услугами суррогатной матери, если я захочу иметь детей. Я думала об этом, но до последнего надеялась на чудо. На то, что смогу когда — нибудь забеременеть сама.

Оказавшись в Стамбуле, в 16 веке, эта проблема отпала сама собой. Тело Александры — Хюррем было телом юной здоровой девушки, не знавшей таких слов, как «поликистоз яичников» и «детская матка». Именно беременность примирила меня с тем, что я попала в гарем султана, как и с самим султаном.

А так же с его склочными женами Фюлане, Гюльфем и Махидевран, последняя из которых была моей не проходящей головной болью.

Махи вела себя, как полная и конченная дура. Каковой и была, по сути дела. Она не подпускала ко мне Мустафу, который был милым и очень живым сорванцом, напоминавшим мне моего погибшего младшего брата.

Когда она видела меня издалека — начинала плевать через плечо и показывать какие — то кукиши, якобы отводящие сглаз и порчу. Регулярно насыпала мне землю под порог, как рассказала позже вездесущая Нигяр — земля эта была с могилы покойника. Я только хихикала, чем бесила баш — кадину еще больше.

В общем, ударилась Махи в черную магию, чем явно подводила свою голову под топор, так как Сулик подобных экзерсисов не уважал. Если бы я все — таки соизволила пожаловаться на ее не совсем адекватное поведение — ехать бы кадине в Старый Дворец, и не видать больше сына как своих ушей.

И именно по этой причине я молчала. Мне не хотелось лишать Мустафу матери, потому что это было подло. Так подло, что хуже не придумаешь. Поэтому я избрала иную тактику, за что и огребла.

Забрав Нигяр и Сюмбюля в свое полное услужение с наглой улыбочкой, я получила практически неограниченную власть во дворце. И моим плюсом было то, что я не кинулась использовать свои новые возможности на каждом шагу, а просто затаилась.

Вела себя максимально тихо и старалась не попадаться никому на глаза. Не гоняла слуг и не старалась ставить себя выше всех в гареме. Только есть просила раз по пять на дню, и в библиотеке сутками пропадала, но это как раз никого не напрягало.

Валидэ прониклась моим скромным поведением и почти каждый день заходила в гости, помогая (хих!) мне в изучении Корана. По настоянию Сулика я приняла ислам и теперь носила имя Хюррем, хотя очень настаивала на возможности самой выбрать себе имя. Потому что Хюррем... Ну не Хюррем я!

При очередном заседании в библиотеке я наткнулась на имя Турхан в каких — то свитках, и очаровалась им по самое не балуй, но...

Но раз Сулейман решил, что меня будут звать Хюррем, значит — я буду Хюррем. И тут мое мнение никого не волновало.

За время моей беременности Сулейман успел сходить в поход на Венгрию и слегка попугать короля Лайоша, который имел наглость прислать ему в меду голову османского посла, отправленного для истребования задолженности по налогам. Сулейман при виде «подарочка» взревел белугой и кинулся собирать войско, в чем я его горячо поддержала.

Вообще, идеи по поводу того, каким должен быть идеальный и сильный правитель, Сулейман стал чаще слушать мои, чем своих пашей и Великого Визиря. Последний на меня вообще старался лишний раз не смотреть, продолжая крутить шашни с Хати. Та была довольна, словно слон после купания, и даже попыталась наладить со мной псевдо — дружеские отношения. Пришлось делать вид, что мы с ней и не ссорились.

Я, конечно, периодически вздыхала, глядя на смазливового визиря, потому что половая жизнь с султаном была достойна скорее фильма ужасов, чем любовного романа. Его мужская мощь и любовные умения были сильно преувеличены хорошо «подмазанными» подарочками и украшениями женами и наложницами, в связи с чем, оказавшись с ним в постели, я испытала глубокое разочарование и не испытала оргазм.

Впрочем, до темы оргазмов мы еще дойдем. Как —нибудь позже.

Но... Два раза в месяц?! По 10–15 минут?! Лучше бы я застрелилась...

А идею научиться делать куннилингус султан с негодованием отвергал, с чем я пыталась бороться, но пока еще безуспешно. Приходилось стискивать зубки, напоминать себе, что власть порой бывает привлекательнее... И периодически хотеть выломать дверь к Ибрагиму в покои, поимев его в хвост и в гриву.

Но не будем о грустном.

Будем о смешном. То есть о повернувшейся на колдовстве Махидевран.

Однажды, будучи месяце на шестом, я озлилась (гормоны разыграли), и принесла к ней под порог надоевшую мне до икоты землю. На следующий день по всему гарему понеслись слухи о «славянской ведьме».

Я разозлилась еще больше, и заказала Нигяр дохлую кошку. Кошку не дали (священное животное!), дали маленькую собачку, насмерть подавившуюся косточкой. Я поплакала над собачкой и приказала Сюмбюлю положить ее трупик под порог к Махидевран.

Утром был дикий визг, вопли и обвинения во всех грехах. Я только моргала, на вопросы Сулеймана делая недоуменные глаза. Потом не выдержала нудных расспросов, и попросила не лезть в наши женские дела. Сулейман все понял и дал мне полную свободу действий, про себя посмеиваясь.

Через день баш — кадина обнаружила под порогом дохлую же овцу, потом — ворону, потом — крысу... Потом я поняла, что у меня появился подражатель, и озадачилась. Потому что с утра баш — кадина начала находить у себя на пороге кучу всевозможной дохлятины, в число которых однажды попала и задушенная кем — то наложница Повелителя Айше, и немой евнух Аббас, и даже хорошо полежавшая в Босфоре подруга Махидевран по Манисе — Амина Хатун!

Вот тут я и заподозрила Сулеймана — большого шутника с неограниченными возможностями. Баш — кадина попросилась от греха в Старый Дворец, при каждой встрече теперь глядя на меня круглыми от ужаса глазами. Видимо, труп подружки ее изрядно доконал.

Сулик же будто только этого и ждал, так что в данный момент Махидевран пребывала в Старом дворце, а я спокойно носила ребенка и ни о чем не думала. За что и поплатилась.

Но обо всем по порядку...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава 2.

— Госпожа! — в покои просочился Сюмбюль, согнутый в три погибели. Тысячу раз пыталась объяснить, что передо мной кланяться не надо — так и не дошло. Субординация, мать ее. Я с трудом, придерживая живот рукой, поднялась с диванчика и подошла к евнуху. — Повелитель ждет Вас у себя!

— Как срочно? — недовольно поморщилась я. Идти к Сулейману на ковер не хотелось. Опять начнет тряпки навешивать сундуками и нудить, что нарядов у меня мало и вообще одеваюсь не по — царски. Надоело. Как хочу — так и хожу. Мне и в моем «беременном» платье удобно.

— Приказано сопровождать, — вздохнув, отозвался Сюмбюль. Под глазами у евнуха залегали темные круги от бесконечного недосыпа.

— Сама дойду. Иди поспи лучше, весь серый уже, — похлопав евнуха по плечу, посоветовала я. — Надорвешься же.

— Спасибо, госпожа! — опять пытается полу платя целовать. Да за что ж мне это, Аллах — Аллах!

К слову, быть мусульманкой я привыкла быстро. Как будто подсознательно всегда к этому тянулась, и это было моим. Но разбираться в собственном подсознании сейчас было не в приоритете, и поэтому я особо на данную тему не задумывалась. Просто была Хюррем — правоверной мусульманкой, по несколько раз на дню встававшей на молельный коврик, слышав крик муэдзина.

Что ж. Человек быстро ко всему привыкает.

Сулейман ждал меня в кабинете — это была большая комната, отделенная от его спальни чем — то вроде театрального занавеса. Я с поклоном вошла и вопросительно воззрилась на своего господина и Повелителя.

— Мне нужен твой совет, Хюррем.

А вот это уже неожиданно.

— Я слушаю?

Моя наглость пока что еще его очаровывала. Но это пока что. Поэтому я все больше старалась брать в общении уважительный и слегка покорный тон, чтобы не обижать всемогущего Повелителя мира. Это он еще про США с их политикой захвата власти не слышал, тоже мне, Повелитель...

Однако я отвлеклась.

Следующий вопрос Сулеймана застал меня врасплох.

— Подскажи, как лучше поступить с Лайошем.

Вот, блин!

Я сделала большие круглые глаза.

— Сулейман... я же женщина. Откуда мне разбираться в военных делах?!

— Хюррем, — с мягким нажимом отозвался гражданский супруг. — Я знаю, что ты очень необычная женщина. И поэтому спрашиваю совета именно у тебя.

Приплыли. Небось мама никак со своей шпионской теорией не уймется, теперь и его накрутила. Ну, что ж...

— Тогда введи меня в курс дела, — присаживаясь в кресло, попросила я.

Довольная, как у обожравшегося сметаной кота, улыбка Сулика была мне ответом.

— Хюррем... — спустя час султан смотрел на меня еще более влюбленными глазами, чем после первого минета. — Ты мой гений, посланный самим Аллахом!

Не знаю, причем тут Аллах, но за то, что я выросла в семье военных, благодарить надо отнюдь не его.

— Ты меня смущаешь, — мило улыбнувшись, отозвалась я. — Эта стратегия собьет венгра с толку, благо, что он с такими еще не сталкивался. Поэтому эффект неожиданности, на котором все и построено, должен быть в приоритете.

Как обычно, понял меня Сулик с трудом.

— Ох, Хюррем, твоя ученость скоро превзойдет любого улема, — привлекая меня к себе и кладя руку на живот, любовно произнес Сулейман. — И что мне тогда с тобой делать?

— Хм... — сделала я вид, что задумалась. — Может быть, назначить своим тайным советником?

Султан окаменел. Я поняла, что сболтнула лишнего.

— Женщины такого у меня еще точно не просили.

— Ты сам говорил, что я необычная женщина, — окрысилась я. В душе всколыхнулось забытое чувство страха. Теперь я боялась не только за себя, но и за ребенка, которого убили бы вместе с матерью, не раздумывая, сочти меня султан шпионкой.

— Хюррем... Я понимаю, что прошу слишком многого... — неожиданно сменил тон Повелитель. — Но ... расскажи мне тайну своей жизни. Ты и вправду необычная женщина, и эта необычность порождает Много неприятных вопросов. И подозрений. Я обещаю, что эта тайна не пойдет дальше меня.

— Ты все равно не поверишь, — тихо отозвалась я. — В такое я и сама до сих пор не поверила.

— Расскажи.

Голос султана приобрел стальные нотки. Вот, черт!

Делать было нечего — пришлось рассказать.

... — И Турция в вашем мире теперь маленькая страна?!!!

— да, Сулейман. Она в дружеских отношениях с Россией. Но только пока мы поставляем туда газ.

— Невозможно!!

— Тебя прозвали в истории Законодателем.

— ?

— И очень уважали.

— ...

— А после того, как о тебе и исторической Роксолане сняли сериал «Великолепный век». Вас полюбил весь мир.

Улыбка.

— И у Вас было пятеро детей. Шестого Александра потеряла во младенчестве.

— Упокой его душу Аллах... — султан как — то загрустил. Но я почему — то не сомневалась, что он мне поверил. — Клад мой бесценный, и за что мне тебя Аллах послал? С твоими знаниями и мудростью... я смогу перевернуть этот мир!

— Так, может, для того и послал?

Если честно, я была совсем не уверена, что оказалась в прошлом для того, чтобы в будущем сделать весь мир османской провинцией. Но не говорить же об этом повернутому на величии династии Сулейману!

Глава 3.

Вернувшись в свои покои, я первым делом кинулась к кровати, схватила с нее мягкую подушку и, уткнувшись в нее лицом, от души повизжала. Сволочь! Мерзкая, наглая скотина с османскими е...нутыми принципами, повернутая на власти! Ненавижу!!

Знаете, что мне предложил этот моральный урод?

Отправиться в поход с ним!

— А как же рожать?! — заикнулась я.

— Раньше Повелители всегда брали с собой в поход своей гарем. Но Гюльфем после потери ребенка совсем от горя тронулась, Махидевран уже надоела, а Фюлане умирает от чахотки, — развел руками этот гад. — С нами будут лекари. Возьмем и повитуху. И кормилицу.

— А это зачем?! Я сама кормить буду!!

— Хюррем! Наши женщины не кормят детей! Ваша задача — доставлять радость мужу и господину, твоя грудь не должна потерять форму!

Мои глаза были уже не просто на лбу — на затылке.

— Привыкай.

С этими словами он вызвал евнуха и вежливо выпер меня вон, готовиться к походу. Когда именно он планировал выступить — я так и не поняла, но в бешенство пришла конкретное. Я не хочу на войну! Что мне там делать?!

В шатре сидеть и ждать, пока его с отрубленной башкой принесут, чтобы оплакивала? Или маркитанткой для всего полка янычар подрабатывать?!

Но как бы меня все это не бесило — выбора он мне просто не оставил. Так что придется и сидеть, и ждать, и оплакивать при необходимости. Чтоб ему!

Закинув со злости подушку в дальний угол покоев, я со вздохом опустилась на кровать. Рожать уже совсем скоро, может, успею до похода? С таким пузиком верхом на лошади особо не погарцуешь, а в карете я ездить не могу — укачивает. Да так, что блюю потом дальше, чем вижу. И султан об этом в курсе.

Но какая же все — таки скотина, а!

В этот момент в мои покои влетела белая, как полотно, валидэ. Ее еще не хватало!

— Мою дочь... — задыхаясь и хватаясь за сердце. — Мою дочь...

Но тут ей стало совсем плохо, и протяжно простонав, бедная женщина рухнула без чувств. Я, насколько могла быстро, бросилась к ней, по дороге диким криком подзывая служанку

Их когда надо — не дозовешься!

— Лекаря, Гюльнихаль, срочно! — бешено рявкнула я. — Валидэ — султан плохо!!

Симпатичная крымчанка, недавно принявшая ислам, с места в карьер рванула на поиски врача, а я принялась делать не прямой массаж сердца бедной султанской маме. Интересно, что же там с Хати такого жуткого приключилось?!

Спустя час валидэ, бледная и печальная, лежала на моей кровати и выглядела так,

словно вот — вот отправится к Аллаху на суд. Я сидела с ней рядом и участливо поглаживала по руке.

Выяснилось, что Хатидже немного промахнулась при подсчете опасных дней цикла и ... того. Залетела. От кого — говорить отказалась, и валидэ была в панике и ужасе. Как сказать об этом султану — она и понятия не имела. Где искать виновного — тем более. Я задумчиво смотрела на нее и прикидывала, выгодно ли мне будет слить шашни Хати с Ибрагимом, и не обернется ли данное благое намерение против меня, как обычно бывает.

— Как она могла так поступить со мной?! — стенала несчастная Хафса. — Где ее совесть? А воспитание?!

— Она чахнет в этом дворце, — вступилась я за озабоченную деву. — Ей замуж надо.

— Да кто ее теперь возьмет?!

— А срок большой? — прикинув кое — что на пальцах, спросила я.

— Пока нет, — прошептала валидэ. — Ин ша Аллах, не доносит она ублюдка! Позор на голову принцессы османской династии! Вай, Аллах, Аллах, за что мне это горе — е?!

— Ну, горю — то помочь легко, — задумчиво протянула я, кладя в рот кусочек пахлавы. — Есть у нас тут один... безотказный. Думаю, если поговорить с ним по душам, по поводу греха рта он не раскроет...

— Кто!? — вцепилась в меня, как утопающий в соломину, султанская мама. — Он обеспечить ее сможет?! Жить есть где молодым?!

— Разберемся, — лукаво улыбнулась я. — Ибрагим — паша это. Лучшего варианта не придумаешь. Во — первых, этот брак его по рукам и ногам повяжет, преданней служить будет. Во — вторых, если ему пообещать помощь и содействие в карьере, про грех промолчит. А если на это не купится — так у меня есть, чем его припугнуть. Главное — Сулеймана как — то убедить, что он для Хатидже Султан лучшая партия.

— Сама сделаю, — хищно горящие глаза валидэ надо было видеть. — Ох, и умны ты, Хюррем хатун!

— Благодарю, очень приятно слышать.

Валидэ облегченно закатила глазки и наконец — то уснула. А я пошла на балкон проветриться и подышать свежим воздухом. Выдав эту озабоченную нимфоманку замуж за объект ее ночной дочки, я заполучу себе верную союзницу во многих вопросах. Теперь главное поймать момент, и убедить Хати, что без моей помощи и содействия быть ей в ссылке пожизненно, а ребенку утопленным.

Стало быть, нужно срочно идти к ней в гости.

Я вздохнула, накинула на плечи теплую шаль, и оставив валидэ под присмотром служанок, направилась в покои Хати.

Оттуда уже издали был слышен белужий рев в исполнении султанской сестрицы. Постояв и понаслаждавшись этими милыми моему сердцу звуками, я деликатно постучала. Дверь распахнулась тут же.

— Хюррем?! — шмыгая распухшим носом, поразила Хатидже. — Что ты...

— Поговорить, — оттерев ее пузом, я просочилась в покои и захлопнула за собой дверь. — Наедине.

— О чем?!

— О вашей свадьбе с Ибрагимом.

Лицо султанской сестрицы можно было использовать в словаре терминов в качестве наглядной иллюстрации к слову «ох...ние». Жаль, фотоаппарата нет.

Глава 4.

Я сидела на диванчике и умиленно внимала покаянию Хатидже султан. Пообщавшись с ней по душам, я неожиданно пришла к выводу, что девица совсем не злобная дура, которой я ее раньше считала. Да, она была эгоистична. Да, не особо хотела развивать ум. Да, постоянно нуждалась в мужчине и активном сексе.

Ну и что?!

Мне это было понять куда проще, чем ее современникам, и потому Хати была прощена мной до первого, пардон, заскока. Но так как в данный момент она была обнадежена возможностью свадьбы с обожаемым Ибрагимом, заскоки, думаю, появятся еще нескоро.

А там посмотрим.

— Ты не представляешь, Хюррем, как я плакала, когда меня выдали замуж за старого папу!

— Почему же не представляю...

— Это было ужасно! — рыдала в голос бедняжка. — Когда он в первый раз пришел ко мне в спальню, я хотела убить себя, лишь бы не позволить этому отвратительному чудовищу прикоснуться ко мне!

Мне стало искренне интересно, как же в итоге выкрутился дедуля. Мысли почему — то были про куннилингус, которым он и взял Хати. Как выяснилось через пару минут, я оказалась недалеко от истины в своих предположениях.

— Но он был ласков и терпелив, доставлял мне удовольствие — в опыте покойному Хаджи — бею нельзя было отказать... — как — то даже тоскливо вздохнула Хатидже. Неужели по мужу скучает? Хм. — И я полюбила его, как отца. Отец же... Ему до нас с сестрами никогда не было дела. А Сулеймана он просто ненавидел и боялся. Всегда. Он сам убил собственного отца, братьев и кузенов перед тем, как взойшел на трон, и поэтому считал, что Сулейман поступит точно так же. Подкупал его друзей, пару раз чуть не отравил, валидэ едва успела спасти Сулеймана. Он был очень жестоким, Хюррем. Жестоким... и трусливым одновременно. Но матушка его любила, несмотря на все его грехи.

Бедная валидэ. Любовь зла, полюбишь и султана — маньяка, что тут еще сказать?

Исповедь Хатидже продолжалась бы еще долго, не постучи в покои непрощенный визитер. Как оказалось, валидэ уже проснулась и срочно требовала меня к себе. Услышав имя грозной мамы, Хатидже затряслась, как козий хвостик.

— Умоляю, Хюррем! — вцепилась она в рукав моего халата. — Помоги! Некого больше просить, кроме тебя.

На автомате я протянула руку и погладила сестру султана по встрепанной макушке. Ребенок. Большой ребенок. И мозги детские. И что с этим несчастьем делать?

— Помогу.

С этими словами я встала, поклонилась изумленной моим поступком Хати, и вышла.

Валидэ султан наслаждалась горячим бульоном, которым ее кормила с ложечки Нигяр, мечтающая выслужиться. Заметив мою змеиную улыбочку, калфа слегка побледнела, но отшатываться от своего билета в счастливое безбедное будущее побоялась. Ну — ну. Не люблю «слуг двух господ». И слугам пора бы это уяснить для себя раз и навсегда.

— Валидэ султан... — я поклонилась. Поклоны, поклоны... С одной стороны, и спину гнуть надоело, а с другой — вежливость очень страшное оружие. Если я идеально себя веду

— ко мне будет сложно придраться. Безупречность во всем — вот что стало моим девизом в этом дворце.

— Хюррем! — искренне улыбнулась мне султанская мама. — Ты кушала? Садись, отдохни. Где ты была?

— Я беседовала с Хатидже Султан, — последовав совету свекрови, я расположилась на подушках недалеко от кровати. Валидэ жестом отпустила слуг и вцепилась в меня, как клещ.

— Она что — то сказала?!

— Если коротко — она страдает без мужчины. Поэтому выдать ее нужно замуж как можно скорее в любом случае. Отца ребенка мы с вами знаем. И грех он прикроет, — ядовито улыбнулась я. — В противном случае достаточно одного слова, и Сулейман его казнит.

Валидэ позеленела. Она была далеко не глупа, и сразу догадалась, о ком я говорю.

— Мерзкий грек... Презренный раб! — прошипела она. — Да как он посмел обесчестить мою дочь!!

— Она сама ему это позволила, — пожала плечами я. — Слишком труслив наш грек для таких поступков по собственной инициативе. Дорогая Хафса султан, мы обе с вами знаем, что Ибрагим — запуган. И он больше всего боится тех, в чьих руках сосредоточена реальная власть. Вас, Хатидже султан, и — больше всех, — Сулеймана. Он мечтает о власти, но предпринимать таких решительных поступков без поддержки и одобрения самой Хатидже бы не стал.

— Ты права, Хюррем, — скрипнула зубами Айше Хафса. — Как ни горько это признавать, но ты права.

— Сейчас важно, чтобы Сулейман не узнал о происходящем, и согласился выдать Хатидже за Ибрагима.

— Ты права.

Эти слова — сладчайшая музыка для моих ушей!

— Поэтому, не откладывая, с ним нужно поговорить. И играть свадьбу.

— Как я начну с ним этот разговор?! — спрятала лицо в ладони валидэ. — Он же знает, что я ненавижу этого грека!

Она его даже по имени называть отказывалась. Суровая Валидэ Мама. Хи — хи.

— Я Вам напишу, как.

С ухмылочкой я потянулась за свитком и чернилами. Валидэ наблюдала за мной круглыми глазами. Заметив ее недоумение, я пояснила:

— Когда пишешь — мысли проясняются. У меня так. К тому же, оценить проще написанное. И вычеркнуть лишнее, подобрав слова идеально верно.

— Улемом бы тебе быть...

— Вы пока кушайте. Я позову слуг?

Спустя час был готов черновик беседы, который я по привычке чуть было не назвала «скриптом». Вовремя язык прикусила, и так уже в ведьмовстве обвиняют все, кому не лень. Сулейман — то теперь поймет, но я тоже живу не в вакууме. На каждый роток не накинешь платок, в конце концов.

Валидэ читала свой монолог и ее брови ползли куда — то в район лба. Наконец, она не выдержала.

— Это... возмутительно!

— Отнюдь, — вежливо рыкнула я. Не люблю, когда мои таланты начинают

оспаривать. — Это как раз то, что нужно.

— Если что, я скажу, что это ты написала! — пригрозила Хафса Султан.

— Он, боюсь, и так догадается... — в сторону фыркнула я.

И именно в этот момент мои покои соизволил посетить сам султан. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! Теперь остается только расслабиться, и наслаждаться бесплатным цирком.

Глава 5.

— Матушка? — несколько удивленно поинтересовался султан при виде валидэ. Та зарделась и попыталась закопаться в подушки.

— Валидэ султан стало плохо, — церемонно поклонившись супругу и господину, отчиталась я. — Но мы вызвали лекаря, и госпоже уже лучше.

Султан тут же кинулся квохтать над больной мамой, как наседка над своим цыпленком. По сердцу больно царапнула острая тоска и зависть.

Мама, мама... как же мне не хватает тебя... твоего вечного юмора, способности поддержать свою дочь в любой ситуации, твоего смеха и оптимизма...

Мне больно смотреть на счастливые полные семьи и сыновнюю заботу. Но это мои проблемы, и султанской семьи они никак не касаются.

Сглотнув царапающий горло комок, я поймала неожиданно острый взгляд султана. И смотрел он на меня... недобро.

— Что такое, Хюррем Хатун? Тебя что — то расстроило? — в голосе звякнула сталь. И в чем ты меня теперь подозреваешь, скотина османская?! Задолбал!!!

Захотелось завизжать и устроить султану разнос по всем пунктам. И, прежде чем я успела прикусить язык, из меня вырвалось язвительное:

— Разве Вас волнуют такие мелочи, мой Повелитель?!

И, решив, что спектакль «Нам срочно нужно выдать замуж Хати, а то у нее там все зарастет», пройдет и без моего участия, я поклонилась, и, ни говоря ни слова, покинула свои покои.

Здесь мне места нет, и я это уже давно поняла. Но и домой я не могу вернуться.

Слезы душили, но я не хотела позволять себе плакать при всех. Здесь слишком много тех, кто порадуется моей слабости. А слабой быть нельзя, уже не ради себя — ради будущего ребенка.

Я шла, не разбирая дороги, пока не оказалась в саду. Одна.

То, что нужно.

В покоях Хюррем в это же время

— Сын, почему ты так повел себя с Хюррем? — наверное, султан бы меньше поразился, если бы перед ним сейчас появился сам Аллах и провозгласил его новым Пророком. Валидэ как — то не отличалась особой любовью к Александре до этого момента.

— Матушка?...

— Извинись перед ней. Она ни в чем не виновата, а ты ведешь себя непозволительно.

Вот тут челюсть Сулеймана стукнула его по коленке. Валидэ же была настроена решительно.

— Она соблюдает правила, вежлива и учтива. Носит твоего ребенка и вскоре станет султаншей. Никого не задирает, не подкупает, не хамит, ведет себя сообразно своему

положению. Так что это за дурацкие выходки, сын?! С Махидевран можешь так обращаться!! Та хоть действительно такого заслуживает — тупа, как ослица, но власти хочет побольше многих!!

— Матушка, — лицо Сулеймана напоминало грозовую тучу. — Я султан. Я так решил! И имею право вести себя со своей рабыней так, как пожелаю!!

— Говоришь, как твой отец, — слова Хафсы прозвучали для Повелителя как пощечина. — Идешь по его пути, сын? В таком случае, я тебе не мать больше!

Сулейман молча подорвался с кровати, где лежала грозная султанша, и быстрым шагом покинул покои.

— Она просто запутавшийся, одинокий ребенок... — тихо прошептала ему вслед валидэ. — Зачем ты с ней так, сын?

Но он ее, естественно, уже не услышал.

В это же время в дворцовом саду

Начинался дождь. Я медленно брела по тропинке, чувствуя, что тонкие домашние туфли уже промокли и ногам холодно и противно. Хочу в тепло, к книгам и кофе, и чтобы стоял на столике верный ноутбук, и рядом на тарелке лежали любимые пирожные.

Но главное — книги. Я всегда была книжным маньяком, пока были живы родители, мечтала стать или писателем, или библиотекарем. Посвятить всю себя своим любимым книгам. Ан нет. Жизни по фигу на твои планы и мечты, какими бы горячими те не были.

Депрессия накрыла с головой и к каплям мелкого дождика, осевшим на щеках, присоединились солоноватые капли, скатившиеся из уголков глаз. Упрямо хлопнув носом, я стерла слезы рукавом уже изрядно перепачканного сурьмой платья.

Глазки подводила, как дура, старалась, красилась. А он со мной, как со скотиной. Не на кого опереться, довериться некому. Сожрут и растопчут. Может, и правда лучше было выйти замуж за Ибрагима? Тот не настолько ох...ел от своей власти и вседозволенности, человечность какая — то еще осталась.

Если бы, да кабы... Что толку плакать над пролитым молоком? Моя судьба теперь связана с судьбой османского тирана, которого я с каждым днем ненавижу все больше.

Ненавижу и терплю.

В небе прогремел первый раскат грома. Похоже, все — таки придется возвращаться во дворец, мне еще только простуды для полного счастья не хватало. Выплакаться толком так и не удалось, и от того я себя чувствовала просто ужасно.

Пройдя до конца тропинки, я поняла, что заблудилась. Из — за высоких зарослей кустов было не видно дворца. И куда это я забрела в такую глушь?!

Грохнул очередной раскат грома, и я, повернувшись, неожиданно увидела шаровую молнию размером с арбуз, несущуюся ко мне на всех парах.

Вскрикнув, я упала на землю и прикрыла руками голову. Мне еще только смерти от удара молнией не хватало!

Но тут произошло кое — что такое, чего я точно никак не ожидала. Молния ударила в землю, и все вокруг заволочло густым туманом, а когда он рассеялся, передо мной стояла...

— МАМА?!!!!!!!!!!!!

— Сашка, шилохвост ты мой, — ласково улыбнулась мамуля. Живая. Во плоти. В том самом платье, в котором ее похоронили. — Вот мы снова и встретились.

Я икнула и от переизбытка чувств потеряла сознание.

Глава 6.

— Где Хюррем? Позовите ее ко мне, — дошлифовывая камень в новом кольце, буркнул Сулейман. После разговора с мамой он слегка остыл и понял, что в чем — то был неправ. А мама права — как всегда. Потому что Александра, русская из далекого будущего, умная, как Великий визирь, и очаровательная, как райская гурию — его женщина. Его жена. Мать его будущего ребенка. А что заповедовал Аллах?

Почитать и защищать своих женщин, ибо они слабы. А он себя ведет, как скотина в квадрате.

И султан раскаивался, с каждой минутой терзаясь все сильнее. Но тут в его покои без стука ворвался бледный Сюмбюль — ага.

— Госпожи нет нигде, Повелитель! Пропала Хюррем — хатун!

Султан цепко глянул на евнуха. А ведь он и правда переживает за Хюррем. А она — за него. Хоть на одного слугу бедняжка может положиться в этом крысятнике... Подумав, что надо поднять верному евнуху жалованье, султан неожиданно осознал, что ему только что сказали.

— Как это — пропала?!!! — бешено взревел он. — Стража!! Немедленно обыскать дворец и сад!! Живо найдите мне мою женщину!!!

Спустя час бледную Хюррем в сопровождении странной женщины средних лет представили перед очи Повелителя.

— Ты где была? — подойдя к ней, тихо спросил султан. Его колотило. — И кто это с тобой?

— Ты себе и не представляешь, Сулейман, кто это... — не менее тихо прошептала опашенная Хюррем. — Это — моя мама... Покойная мама...

У султана отвисла челюсть.

— Аллах Всемогуший! Как такое возможно?!

Женщина за спиной Александры скромно улыбнулась, поправила очки и сделала султану ручкой. Тот едва уловимо покраснел. Непосредственность женщины его смутила.

— Не знаю, — созналась Хюррем, без сил опускаясь на кровать Повелителя. — Мам?

— Пути Господни неисповедимы, — лукаво улыбнулась мать Александры. И было ясно, что дальше говорить на эту тему она отказывается. — Меня отпустили. Ненадолго. Но призовут, когда придет мой час. А большего вам знать не следует.

— Ясн — но, — слегка заикаясь, отозвался султан, бледный, как полотно. Ему неожиданно пришла в голову мысль, что если мать Александры смогла вернуться из загробного мира, то и его отец...

От этой мысли ему чуть не стало плохо с сердцем. — Тогда... предлагаю Вам отправиться вместе с дочерью в ее покои, и отдохнуть. А слуги принесут Вам одежду.

С этими словами султан раскланялся и сбежал, якобы по делам. На самом деле ему было безумно страшно разговаривать с ожившей покойницей. И кто бы его за это стал винить, в общем — то?

В покоях Хюррем спустя пару часов

Я никак не могла поверить своим глазам. Мама, моя любимая и дорогая мама, одетая по османской моде (расстарался Сюмбюль, ничего не скажешь!), неспешно пила кофе и закусывала пахлавой. Пожаловалась, что ей не хватает любимых ротфронтских батончиков. И вела себя, как ни в чем не бывало.

— Мам? — не выдержав, позвала я. Мама подняла бровь и внимательно на меня посмотрела. — Но как?!

— Сашка, не любопытствуй. Нельзя тебе пока это знать. Со временем поймешь.

— Но...

— И никаких «но».

— Откуда ты узнала, где я?! — неожиданно сообразила я спросить. Мама побледнела. И что бы сие значило?!

— Откуда надо, оттуда и узнала. Все, хватит вопросов! — стукнула она по столу ладонью. — Лучше расскажи мне обо всем, что происходило после... моей смерти.

А вот об этом говорить не хотела уже я. Вспомнились похороны, на которых было безумно мало народу. Вспомнилась я, пришедшая домой после того, как ее увезли в морг. Упавшая на пол и оравшая в голос, пока не сорвала его.

Вспомнила свои мытарства по съемным квартирам в попытке убежать от своих призраков. Голод, унижительную работу горничной, официанткой, постоянные пинки и тычки от самых, сдука, умных работодателей. Свою злость и одиночество.

Бесконечные кошмары, в которых она неожиданно падает на снег и гадкие усмешки врачей «Скорой помощи» — «Да она ведь синяя уже!». Слова работника морга: «Если у Вас нет денег на оплату хранения — забирайте тело прямо сейчас!»

По щекам потекли слезы. Я ничего не говорила, но мама прочитала мои мысли, судя по всему. Смотрела на меня молча, с пониманием. Потом притянула к себе, обняла и погладила по голове.

— Не плачь. Ты все сделала, что могла. От твоих слез я не смогла успокоиться, осталась... Я не ушла.

— Э? — меня будто ледяной водой окатили. Что значит «не ушла»?

Мама поморщилась, догадавшись, что сейчас будут расспросы. Посмотрела куда — то на потолок, словно спрашивая у кого — то разрешения на рассказ. И тихо сказала:

— После смерти сорок дней душа остается на земле. Она должна осознать, что умерла, и решить — куда она пойдет дальше. Можно остаться, если тебе позволят, и вернуться домой в качестве духа — хранителя. Кошки, собаки, хомяка. Дают новое тело. Можно стать домовым духом — если ты привязан к месту. Как я... оказалась.

— Но...

— Я была у нас дома, в нашей старой квартире, и не могла оттуда уйти. Я застряла. Меня не отпели. До тебя я не могла достучаться даже во сне. Ты не ходила в церковь, не подавала записки, ни разу не молилась за меня — и я не смогла уйти. А твои бесконечные слезы и тоска привязали меня к земле хуже любых других оков. В исламе есть умная мысль — мертвых НЕЛЬЗЯ оплакивать! — по голосу я поняла, что мама злится. — Ты же, со своим атеизмом и собственными взглядами на религию, все только усугубила. Но я тебя не виню.

Я сидела белая, как полотно. Сказать было нечего.

— А теперь, дорогая, твоя задача — не повторить моих ошибок, или ты застрянешь здесь навечно.

С этими словами мама улыбнулась и ... исчезла в туманном облачке.

От моего крика содрогнулись стены, но что толку было кричать? Она ушла... Снова... А я так много не успела ей рассказать.

Глава 7.

Я уснула, и мне приснился очень странный сон. В нем я шла по коридорам, темным больничным коридорам, где почему — то были закрыты все двери в палаты. И только из — под одной двери пробивался неясный свет. Я толкнула эту дверь, и увидела хрупкое тело под тонким больничным одеялом. Пол лежащего в кровати человека был мне непонятен — до такой степени все скрывали бинты. Рядом с кроватью стоял ... Антон. И женщина — врач, участливо гладившая его по плечу.

— У нее еще есть шанс. Она может очнуться. Вы так переживаете...

В его глазах я увидела промелькнувшую затаенную ненависть, но он быстро ее скрыл.

— Бедняжка, она так долго скрывала эту тоску по родным, что решила пойти... на такое...

Вот актер, а. Поднес платок к лицу и делает вид, что плачет. Скотина, насквозь гнилая и фальшивая. И как я могла ему верить?! Где были мои мозги?!

От возмущения я попыталась заорать, как — то привлечь к себе внимание... и тут же проснулась. Ощущение было странным — я вылетела из сна пробкой, а перед глазами пронесся черный туннель. Что со мной за хрень творится?

Когда я окончательно пришла в себя, надо мной склонилась встревоженная Хатидже. Увидев, что я очнулась, она радостно закричала:

— Хюррем! Мы так переволновались! Пойду брата позову!

И умчалась в неведомые дали. А я неожиданно поняла, что мне очень, очень хреново...

Хорошо, что рядом с кроватью стоял тазик. Туда — то меня и вырвало. Что за...?!

Спустя пару минут в покои ворвался бледный Сулейман.

— Тебя отравили, — с ходу заявил он. — Тебя нашли в саду без сознания, и, найди мы тебя на час позже, тебя бы уже не было в живых, Хюррем.

— А...мама? — растерянно спросила я, чувствуя новые рвотные позывы. Но перед султаном блевать в тазик было стыдно, почему — то. — Сулейман.... Мне плохо, отвернись.

Но упертый Сулейман сам подал мне тазик и сидел рядом, пока меня полоскало.

— Как отвратительно... — скрипя зубами, пожаловалась я. — Чувствую себя, будто под лошадь попала.

Хотела — то сказать «под каток».

— Мы найдем виновного, — свел брови на переносице султан. — А причем тут мама? Валидэ отдыхает, ей уже лучше. Просила зайти к ней и о чем — то важном поговорить. Потом зайду.

— Моя мама, Сулейман...Значит, ее не было? — довольно глупо поинтересовалась я. Султан утешающее погладил меня по голове. Понятно. Мне все привиделось. Вот же ж... Странные причуды выдает мое подсознание, находясь на грани смерти.

— Мой ребенок, — неожиданно вспомнила я, хватаясь за живот. — Что с ним?! Он жив?!

Султан неожиданно отвел глаза. Что — о?!

— Лекари пока не могут ничего сказать. Велели ждать, пока шехзаде станет толкаться... Если этого не произойдет в ближайшие сутки, то, скорее всего, наш сын умер, Хюррем...

Я чуть в голос не завывала. Нет!!НЕТ!!!НЕ — Е — Е — Е — Т!!!!

Сулейман испуганно вскочил с кровати, увидев мое лицо. Помчался звать лекарей. А я лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку, и орала — хрипло, надрывно, бессвязно...

Какая тварь решила убить моего малыша?! И тут до меня дошло. Махидевран!

Тебе не жить, черкесская подстилка!!! Если мой сын умрет — ты отправишься вслед за ним, не откладывая!!

Прибежавшие на зов своего Повелителя лекари насильно напоили меня кучей всевозможных отваров, от которых я отупела и вскоре замолкла. А чуть позже и уснула, не в силах сопротивляться вязкой, опутывающей и тело и мозг, словно лиана, дремоте.

— Как ты думаешь, кто мог ее отравить, Ибрагим? — спустя пару часов, сидя у себя в кабинете, поинтересовался султан. — Где искать виноватых?

Ибрагим побоялся вслух высказывать свои подозрения, да и ни к чему это было. И так ясно, что без баш — кадины, сосланной в Старый Дворец, не обошлось.

— Но ведь кто — то же ей помог в этом, — словно прочтя его мысли, протянул Сулейман. — И кто в этом дворце ее самые верные и преданные слуги?

— Нигяр — калфа, — неожиданно выпалил Ибрагим. Нигяр мешала ему уже давно, а тут подвернулся прекрасный способ устранить ненужный элемент. — Я...допрошу ее.

— Допроси. А я займусь допросом остальных подозреваемых, — вот только имена этих подозреваемых султан почему — то озвучивать не стал. — Можешь идти, Ибрагим.

Великий визирь с поклоном покинул кабинет Повелителя, а Сулейман, допив чашку кофе, решил навестить к валидэ. Она ведь говорила, что у нее важный разговор к сыну.

В покоях валидэ сильно пахло мятным маслом. «Опять у матушки голова болит...», — с искренним сочувствием подумал Сулейман, подходя к постели Хафсы.

— Я ждала тебя, сын, — послышался слабый голос Царственной Колыбели. — Садись.

Султан послушно сел, ожидая продолжения.

— Хатидже нужно выдать замуж.

— ?..

— За Ибрагима.

— ?!

— У них будет ребенок.

— !!!!

— Сам понимаешь, чем это грозит.

— КАК!!!

— Молчи! Она сама рассказала. Мы виноваты, не уследили. Она давно томится в четырех стенах. А ведь она женщина, Сулейман, не юная девушка, которой вдовство далось бы легко! Она знала, что теряет.

Султан смутился. Вопросы интимной жизни сестры были выше его понимания, и вникать в них он совершенно не хотел.

— Не говори Ибрагиму, что знаешь. Просто предложи жениться. Он не глупый человек, все сам поймет. И будет стараться доказать свою верность династии. Нам выгоден... этот брак.

— Как скажете, валидэ. Я могу идти? — все еще переваривая услышанное, поинтересовался Сулейман. Валидэ кивнула, и, поцеловав на прощание руку матери, сын поспешил покинуть ее.

— Дайте! — слабым голосом позвала верную служанку валидэ султан.

— Да, госпожа?

— Вот и как после этого не верить, что Хюррем — гений, а?!

— Вай, Аллах, да Вы уже боготворите эту русскую девчонку! — недовольно покачала

головой хазнедар — уста гарема.

— У этой девчонки, Дайе, уже статус хафиза, она наизусть знает весь Коран! И мне страшно представить, что будет дальше...

Глава 8.

Махидевран неприкаянной тенью бродила по своим покоям в Старом дворце, и кусала губы. Сюда ее любимому доступ был закрыт. О, он очень старался вырваться к баш — кадине, но его бесконечная, монотонная работа отнимала все силы, да и кто бы ему дал хотя бы на час покинуть дворец?

Баш — кадина вздыхала, терзалась и не могла найти себе ни места, ни покоя. Ее терзала ненависть к Хюррем — мерзкой славянской ведьме, околдовавшей султана.

Иной причины интереса султана к этой тощей нахалке баш — кадина придумать просто не смогла. Только колдовство. И тогда она по совету верной ей Гюльшах нашла женщину, сведущую в темной магии. Хотела защитить от рыжей ведьмы себя и сына, вернуть в свои объятия Сулеймана. Не вышло. Ведьма только смеялась. Постоянно смеялась.

О, как Махидевран мечтала вбить этот паршивый смех обратно ей в глотку! Руки женщины невольно сжимались в кулаки, когда она представляла себе этот момент. Но султан бы точно ей этого не простил. Когда — то, найдя отравленной одну из своих случайных наложниц, он уже сурово сделал ей замечание, сказав, что не стоит "портить его имущество". Иначе он может обидеться.

Одного этого разговора ей вполне хватило. Баш — кадина отнюдь не была глупа, иначе бы никогда не добилась столь высокого положения.

Махидевран остановилась у окна и с тоской вгляделась вдаль. Отдохнув за несколько месяцев от неугомонного Мустафы, она начала скучать по сыну, но во дворец Топ — капы ее пока еще никто обратно не звал. Оставалось только предаваться ностальгии, да чесать языками с собравшимися здесь неугодными наложницами и женщинами предыдущего султана.

Среди них небывалой красотой и несломленным духом отличалась Айгюне — хатун, женщина, ставшая последней любовью султана Селима Грозного. Ее ненавидела валидэ Хафса, и потому Айгюне удалили сюда, как только соперница стала матерью уже не шехзаде, но нового султана.

С ней — то Махидевран и удалось неожиданно для самой себя подружиться. Высокая, стройная несмотря на годы, с горделивой осанкой и изумительным чувством юмора — Айгюне была неподражаема и более приятна в общении, чем спесивая крымская принцесса. И она тоже прониклась симпатией к Махидевран, особенно после того, как признала в ней землячку.

Теперь две женщины часто гуляли вместе в саду, который, хоть и уступал саду дворца Топ — капы, но тоже обладал своей неизъяснимой прелестью. Айгюне шепотом делилась с Махидевран своими знаниями об искусстве любовной игры, и та с благодарностью внимала. Если уж Айгюне — хатун сумела отвлечь внимание Селима от мальчиков и стать его Музой, той, что он посвящал стихи и дарил огромные поместья — к ней определенно следовало прислушиваться.

— Моя прекрасная Весенняя Роза! — лукаво улыбаясь, обнимала ее Айгюне. — Ни одна славянская ведьма не обучена искусству любви восточных женщин, а потому — сравняться с

ними на ложе не сможет! Мужчинам не важен наш ум или иные качества. Их можно покорить только сладостью, которые они с другими девами испытать на ложе не в силах, нежностью и готовностью к материнству. Иное им недоступно. По крайней мере, султанам.

Махидевран краснела и понимала, что Айгюне — хатун права. Не своими познаниями в философии она привлекла Сулеймана когда — то, а тем, что умела сладко стонать и сжимать его копье своими внутренними мышцами, когда тот приходил к вершине страсти...

Интересно, обучена ли тому же Хюррем? И почему Сулейман не может отвести взгляда от этой мосластой девчонки с некрасивым лицом?!

Как — то раз баш — кадина поделилась своей печалью с Айгюне — хатун. Та задумалась надолго. Словесный портрет Хюррем удался плохо, и потому женщина была в затруднении. А по коротким сведениям, имевшимся у Махидевран о русской рабыне, разгадать секрет ее успеха оказалось непросто.

Но, в конце концов, они сообща его разгадали. И то только потому, что Махидевран вовремя вспомнила, как подкупленная служанка Хюррем обмолвилась — Госпожа умеет ублажать Господина ртом. И тот от этого возносится в Райские сады Аллаха.

Такого ни Махидевран, ни Айгюне — хатун себе представить просто не сумели. Как можно... брать в рот?! Ислам запрещает правоверным такую гнусность!

Но потом они обе поняли — Хюррем НЕ мусульманка. Да, она приняла ислам, да, она стала носить новое имя — но как была славянкой, так ей по сути и оставалась. И, возможно, славянская девчонка не считала это грехом.

— Не знаю, дочь моя, что больший грех — ублажить своего господина, как ему того требуется, или же прозябать здесь, позволяя другой занять положенное тебе место в его жизни и в его сердце... — как — то не выдержала Айгюне — хатун. Махидевран почувствовала, что из ее глаз вот — вот брызнут злые слезы. Ее власть, ее положение в обществе, ее сила — все в одно мгновение перечеркнули умелые пухлые губки рыжей колдуньи! — Тебе нужно вернуться. И заставить султана забыть эту девку.

— Но как?!

— Для начала, хотя бы раз сделать так, чтобы он призвал тебя на свое ложе. А дальше все будет зависеть от воли Аллаха и твоей искусности.

Задача казалась практически непосильной — пока любимый баш — кадины не сумел — таки вырваться к ней на один день. Проведя его в восхитительных любовных утехах, они вечером, лежа обнаженными на шелковых простынях, сообща придумали план, согласно которому ведьму требовалось отравить. Это было поводом — иного варианта сделать так, чтобы Сулейман призвал ее во дворец, Махидевран не придумала. А там уже все оставалось за ней. Искусство кокетства, актерское мастерство и знание слабых мест султана играли ей на руку.

И вот — этот заветный день наступил. За баш — кадиной приехала Нигяр — калфа с сопровождающими, чтобы забрать ее обратно в Топ — капы.

— Хюррем ребенка потеряла, — как бы ни к кому не обращаясь, сказала она. И баш — кадина неожиданно поняла, что все идет далеко не по плану...

Глава 9.

Меня переполняла адская злоба. Я металась по своим покоям, и не хотела слушать уговоры лекарши прилечь и отдохнуть, чтобы не вредить ребенку, которому и так досталось.

Хотелось рвать, метать, и не было никаких сил дождаться приезда Махидевран. Сулейман тоже понял, кому выгодно было меня отравить, и решился на невозможное — отдать свою баш — кадину на суд мне. А увидев мою кровожадную рожу, понял, что жить ей осталось очень недолго.

— Хюррем! Очисти душу и отпусти свой гнев. Только тогда месть твоя будет праведной, — увещевал он меня. Я же молчала и только сверкала глазами. Эта черкесская дура не знает, с кем она связалась!

А я... я объявляю ей ДЖИХАД — священную войну мусульман! Имею право — и по рождению (я наполовину татарка), и потому, что приняла ислам. У меня есть на это право, и ни один в мире султан не посмеет мне возразить!!!

Или не сможет более считаться Хранителем веры. Уж я — то знаю, на что нажать. Юридическое образование и в Средневековье мне ой как пригодилось!

— Госпожа, да уймись уже! — не выдержав, рывкнула на меня Бейхах — хатун. Лекарша. Да отвяжется она от меня когда —нибудь, наконец?!

Вздыхнув, я попыталась сосредоточиться на шевелениях сына внутри. Толкался он знатно, чему я радовалась, но меня преследовал страх. Один раз я уже напоролась на отраву, и того, кто мне ее подсыпал, так и не нашли. Как сквозь землю провалились исполнители! Хотя, кажется, в этом дворце по — другому и не бывает.

А это значит только одно — покрывает исполнителя кто — то очень высокопоставленный. И это не валидэ, и не Хатидже — им моя смерть никак не выгодна. Знают, что я буду молчать, да и шехзаде будущего уничтожить у них рука бы не поднялась. И остается только баш — кадина.

Неожиданно я замерла и растеряннo уставилась на лекаршу.

— Что такое, моя госпожа? — мягко поинтересовалась пожилая женщина.

— Где сейчас Гюльфем?... — охрипшим голосом спросила я. Баш — кадина не единственная жена Сулеймана, и как я могла об этом забыть? У кадины Гюльфем недавно умер сын, и у нее тоже могли быть свои мотивы! Почему я не подумала про нее?!

— Гюльфем — хатун увезли в Старый дворец, бедняжка очень страдает после смерти шехзаде Мурата. Совсем от горя помешалась... — вздохнула Бейхан.

Я опять задумалась. Страдает, помешалась... Кто знает, что придет в голову помешанной? Тем более, от горя, постигшего ее со смертью единственного сына? Я помню свое состояние после смерти родных — и свою ненависть, и свое желание убивать!

Только вот здесь это осуществить проще. В наше время хотя бы ограничения какие — то есть на убийства, у нас другой менталитет. А здесь — варвары. Которым ничего не стоит подложить яд в пищу или питье беременной женщины султана.

Так, Хюррем, возьми себя в руки! Надо успокоиться и начать рассуждать логически. Ты же детективов перечитала уйму, неужели не сможешь расследовать это дело сама? От Ибрагима, которому поручено им заниматься, проку не жди. Я у него как кость в горле торчу, потому что стала заменять его для Сулеймана. И как же его это беси — ит...

Присев на кровать, я отпила немного лимонного шербета и попыталась привести мысли в порядок. Логика, только логика и голые факты.

В тот день, когда меня отравили, я ела только вместе с валидэ. Аппетит у меня в последнее время пропал — верный признак скорых родов. Прислуживали нам ее девушки. А приносил еду...

Я вздрогнула от страшной догадки. Еду приносил Сюмбюль — ага.

Нет, яд могли подсыпать и на кухне, к примеру, вот только там пищу пробует не только повар — и если бы была отравка, умер бы уже и он, и личный мой дегустатор! А нес еду... Сюмбюль. И в руки ее он никому не давал. Только вот и нашел меня тоже он — старался, искал...

Нет, черт с ним, зову его сюда, и пусть отчитывается!

— Сюмбюль — ага! — от моего крика вздрогнули и лекарша, и служанки. — Приведите ко мне Сюмбюля, живо!

Спустя десять минут перед моим грозным взором предстал бедный уставший евнух. Но теперь мне было не до его усталости. И не до жалости, если уж на то пошло.

— Выйдите все, я хочу поговорить с Сюмбюлем — агой наедине, — приказала я. И как только покои освободились, повернулась к побледневшему евнуху.

— Говори.

— О чем Вы хотели поговорить, госпожа? — проямлил он.

— О том, кто тебе приказал подсыпать яд в мою пищу.

Евнух побелел, как полотно. Ага. Выходит, не ошиблась я в своих предположениях.

— Госпожа... я... не понимаю..

— Все ты прекрасно понимаешь, — вызверилась я. — Еду нес ты. На кухне ее пробовали. И что мне прикажешь думать?! Сколько тебе заплатила Махидевран за то, чтобы ты это сделал?!

— Я не брал денег! — рухнув передо мной на колени, заголосил евнух. Мне было противно на него смотреть. Денег он не брал, видите ли! Так отравил, за идею! — Это ... по личным мотивам...

— Сволочь! — от моей пощечины он отшатнулся. — Значит, по личным мотивам?! Значит, убить меня и ребенка тебе показалось примлемым?! И ведь в глаза мне глядел, в верности клялся! Скотина!!! НЕНАВИЖУ!!! — я уже орала. Евнух подскочил и схватил меня за руки.

— Госпожа, послушайте, Вы все не так поняли... Я люблю Махидевран Султан! И она всего лишь хотела вернуться во дворец, потому и попросила меня помочь! Вы бы не умерли, я знал, где Вы и вызвал бы лекаря! И с Вашим шехзаде ничего бы не случилось, иначе бы с нас обоих голову бы сняли!

Я отошла от него, как от ядовитой змеи. Меня тошнило от этих лицемерных признаний и заверений. Хотелось быть в голос и спрашивать всех вокруг — «Почему?!». А я ведь ему доверяла...

Но, конечно, Махидевран же. Давала, видимо, как — то, хоть он и евнух. Ради нее — в огонь и воду, а меня можно и отравить. И чуть не убить моего ребенка.

— Стража! — он испугался моего лица. — Живо сюда! А тебе я хочу сказать вот что. Махидевран доигралась. Я ведь могу и отомстить тем же методом. Не будет ни ее, ни ее шехзаде. Как бы ты себя почувствовал в таком случае, собака?!

Но я не ожидала, что он кинется меня душить!

— Только тронь ее, русская тварь, — шипел евнух, как змея. — Только тронь мою Розу, и я брошу тебя и твоего ублюдка в Босфор, защитой в мешок!

И тут его наконец — то схватила прибежавшая на мой крик стража.

Долго разбираться с Сюмебюлем Сулейман не стал. Выслушав короткий отчет Хюррем, переменялся в лице и сквозь зубы отдал приказ немедленно казнить изменника. А вот что делать с неверной баш — кадиной, так и не придумал. Кровожадная Хюррем предложила дать ей возможность самой придумать для Махидевран наказание. Султан не возражал. Ему было даже любопытно, что придумает его неординарная жена.

На последнем слове мысли султана споткнулись. После разговора с Сашей, узнав, что та была наполовину татаркой, его мучили неясные сомнения. Татаркой по отцу, а значит — по национальности. Мусульманкой.

Свободных мусульманок нельзя просто так держать в гаремах. И жить во грехе с ними тоже нельзя. Несмотря на то, что она издалека, и вообще не из этого времени. Да и Махидевран... хотелось проучить по — своему.

Сулейман мучился этими мыслями очень долго. Потом решил обратиться за советом к матери.

Валидэ в своих покоях вкушала поздний ужин и приходу сына искренне обрадовалась. Предложила присесть рядом и моментально распорядилась принести все его любимые блюда. Султан наблюдал за матерью и невольно пытался представить на ее месте Хюррем. Отлично представлялось.

Было в этой славянской девчонке несвойственное ее возрасту величие и хладнокровие, да и кипучая татарская кровь тоже давала себя знать. Злая и беспощадная к врагам, с рациональным мышлением, не помешанная при этом на власти...

Идеальный выбор.

— Сынок, как Хюррем? Ты уже поговорил с Ибрагимом о свадьбе? — моментально завалила его вопросами мать.

— Да, он согласен и почтет за честь. Что неудивительно. А Хюррем ... в порядке, и шехзаде тоже. Живой. Она нашла отравителя. Им оказался евнух Сюмебюль, бывший любовником моей баш — кадины...

— Что?! — в глазах Хафсы был натуральный шок. — Да как он мог, паршивый предатель!! За это я ему платила?! Негодяй!!!

— Мама?! — пораженный догадкой, уставился на мать Сулейман. — Вы...?

Валидэ смутилась и покраснела. Но говорить на столь деликатную тему с сыном наотрез отказалась.

— Ты, надеюсь, приказал его казнить?

— Уже казнили...

— И отлично. Собаке — собачья смерть!

В этом была вся валидэ, и султан невольно отметил, что две его любимые женщины поразительно схожи характерами между собой. Хюррем была так же жестока к врагам и предателям.

— Хюррем следует сделать подарок, — намекнула Хафса сыну. — Она сделала больше, чем Ибрагим. Подари ей и от меня что — то красивое.

— Красивое не хочет. Ей полезное подавай.

— Значит, подари полезное, — усмехнулась такая же практичная валидэ. — Поразительная девушка, я просто диву даюсь.

— И я об этом и хотел с Вами поговорить, валидэ... — наконец вставил свои пять копеек Сулейман. — Есть одна проблема.

— И какая же?

— Она татарка по отцу...

Валидэ побледнела до синевы. Она тоже прекрасно понимала, что все это значит, и чем грозит.

— Что ты собираешься делать, сын?

— Просить Вашего совета... — не благословения. Пока просто совета.

Хафса задумалась и положила в рот кусочек лукама. Дать в такой ситуации правильный совет нелегко. Насильно удерживать в гареме мусульманку — а если кто узнает?! Такой удар репутация молодого султана не переживет, слишком недавно он на троне! А то, что ребенка с ней во грехе прижил — тем более удар.

Но никях...

— Султаны не женятся, сынок, — вздохнув, изрекла валидэ прописную истину. — Давно уже.

— Но это просто традиция, валидэ.

— Не все традиции стоит менять. Народ этого не оценит.

— Народ оценит, если поймет мотивы.

— Посоветуйся с шейхом уль — ислам, — наконец, решилась валидэ. — Он точнее меня решит, как будет правильно. Если скажет, что нужен никях ... ну что ж, значит, будем ломать традиции!

Султан пораженно воззрился на мать. Та пожала плечами:

— Твой отец тоже хотел взять меня наложницей, а я — крымская принцесса. Раз она татарка, то позорить девушку я не дам! И не смей к ней приближаться, пока не решишь эту проблему. И так она уже опозорена, ребенка твоего носит... Ай, Аллах — Аллах, ну почему она сразу не сказала?!

— Я и так едва из нее это выбил, — признался султан. — Она не знает... Что нарушены ее права.

— Тогда — тем более, — еще горше вздохнула Хафса. — Бедная девочка. Ты уже придумал, как накажешь Махидевран?

— Хюррем попросила судить ее сама, так как считает нужным объявить ей джихад, — признался Сулейман. Глаза валидэ полезли на лоб.

— Истинная татарка! — с неожиданным уважением признала она. — Я не против... такой невестки. Позови ее ко мне, Сулейман. А насчет шейха... Просто узнай подходящую дату для никяха. И реши остальные связанные с этим вопросы. А теперь иди, я хочу отдохнуть.

Сын поцеловал руку матери и покинул ее покои в состоянии глубокого недоумения.

— Вы и правда позволите ему жениться, Госпожа? — неслышной тенью возникла за спиной Хафсы Дайе — хатун. — Это же немыслимо.

— Я не зря думала, что она умна не по годам. Наша кровь, гордая татарская кровь в ней говорит! Это и ум, и отвага, и беспощадность к врагам! Посмотрю я, как она с Махидевран поступит, уже даже самой интересно. Такая жена и нужна моему сыну, Дайе! К тому же, никях укрепит его положение в глазах народа. Стоит им заметить, что султан блюдет не только законы предков, но и соблюдает заветы Всевышнего — как уважение к Сулейману повысится в разы. Да и потом... татарские женщины плодovиты. Она принесет много здоровых детей своему мужу и господину, а сейчас это важно. Наложницы не рожают, хотя и ходят на хальвет. Почему так — я просто не понимаю. Семя Сулеймана дает всходы отнюдь не в любой почве... Я говорила с лекарем, и он сказал, что это бывает, как — то связано с

кровью, но мне от этого не легче. Должно быть много здоровых шехзаде и луноликих Принцесс!

— То есть Хюррем будет даровано почетное право продлить османский род? — растерянно уточнила Дайе. — Аллах благоволит этой девчонке...

— На то воля Аллаха. Раз благоволит он — то не оттолкну и я. Кто я такая, чтобы спорить со Всевышним? — улыбнулась Хафса. В дверь постучали — пришла будущая невестка. — Войдите!

Глава 11.

Приказ валидэ немедленно явиться к ней меня слегка насторожил. Неужели Сулейман настучал, что я сама хочу открутить голову Махи, и теперь валидэ будет заступаться за невестку? Тоже будет учить меня всепрощению и напирать на то, что мне скоро рожать, и я вообще должна думать только о ребенке? Ответа на эти вопросы, естественно, не было — и оттого чувствовала я себя, направляясь к свекрови, несколько неуютно.

Однако я зря волновалась. Хафса сама пылала праведной яростью по отношению к Махидевран и предложила просто отпустить ее поплавать. В Босфор. В мешке.

— Слишком просто, — хищно оскалилась я, не сдержавшись. — За себя я бы ее не тронула и пальцем, Сулейман бы сам придумал наказание. Но за ребенка — порву.

Валидэ одобрительно кивнула и предложила мне поесть. Есть не хотелось, но отказываться тоже было неудобно. Поэтому мы уютно расположились вокруг низенького столика с узорчатой столешницей и принялись вкушать принесенные Гюльнихаль — хатун яства.

Приготовлено все было умело и с душой, но душа требовала пиццы или лазаньи. Или, хотя бы, шаурмы. Мысленно хихикнув при фантазии о том, как я вдохновенно учу повара делать донер, я неожиданно поняла, что странные боли внизу живота мне не померещились.

— Хюррем? — испуганно кинулась ко мне Хафса.

— Б...ть! — от души выругалась я, хватаясь за живот. — Больно — о!

— Немедленно зовите повитуху! Султанша рожает! — рывкнула на слуг Хафса. Не успела я подивиться странному обращению, как меня уже подхватили заботливые руки слуг и перенесли в постель, а там и лекарша прискакала вместе с повитухой.

Дальнейшие двенадцать часов слились для меня в непрерывную череду боли, схваток, криков и попыток тужиться. Ребенок был крупным, чувствовалось, что меня словно бы разрывает на две части, и я искренне опасалась, что после родов султан ко мне точно не подойдет. Будет все болтаться, как ложка в стакане, какое уж тут удовольствие... И упражнения Кегеля не помогут!

И что мне останется делать тогда?

Рядом кто — то тоненько молился, прося Аллаха послать мне скорейшего разрешения от бремени. Я изредка рывкала «Ин ша Аллах!», соглашаясь, что добрый Боженька мог бы и помочь несчастной деве в беде. Однако ж он не спешил, и только к утру следующего дня на свет появился маленький красный комоч, который первые минуты не подавал никаких признаков жизни.

В покоях валидэ воцарилось на миг траурное молчание.

— Дай сюда! — заорала я на лекаршу, требуя немедленно дать мне ребенка. Мне не противились, и спустя миг в руки легло тяжелое и холодное тельце.

— Мне жаль, госпожа... — тихо сказала она.

— Не дождетесь! — мое озверение пугало всех находящихся в этом зале. — Не для того я его носила!

С этими словами, не обращая внимания на вытянувшиеся лица валидэ, повитух и служанок, я принялась делать сыну (все — таки сын!) массаж сердца.

Минута... другая... и вдруг ребенок под моими ладонями дернулся и задышал. Вот так — то!

Повитуха мгновенно выхватила у меня сына и со всего маху стукнула по маленькой попке. Он дернулся и сердито квакнул. Не закричал, именно квакнул — но мне и этого было достаточно. Я всхлипнула от облегчения и наконец — то потеряла сознание.

Спустя час в покоях валидэ султан Сулейман взял на руки своего четвертого сына. И одного из двух выживших.

— Как он похож на Хюррем... — мечтательно протянул султан, впечатленный рассказом матери о подвиге любимой женщины.

— Она очень сильна духом, Сулейман, — с гордостью глядя на бледную, разметавшуюся на простынях девушку, сказала Хафса. — И сведуща в медицине, как оказалось. Повитуха была поражена.

— Повитуха могла не спасти моего шехзаде, — нахмурился Сулейман. Женщина, стоявшая чуть поодаль, побледнела. — И, если бы не Хюррем, мы бы его уже похоронили.

Здесь валидэ просто не нашла, что возразить.

— Но она помогла появиться ему на свет, и потому я дарю ей поместье в Сарухане, и тысячу акче, — подытожил щедрый по такому счастливому поводу султан. Женщина вскрикнула от радости и кинулась целовать ноги падишаха.

— Как ты назовешь сына? — любовно поглаживая маленькую пяточку, торчавшую из пеленки, поинтересовалась валидэ. Султан пожал плечами. В честь отца называть точно не хотел, а идей в голову пока не пришло.

— Давайте назовем его Мехмед... — неожиданно послышался с постели слабый голос очнувшейся султанши.

— Какое чудесное имя, — согласилась валидэ. Султан только кивнул. Он вспомнил рассказ Александры. Но та неожиданно его удивила.

— Моего дедушку звали Михаил... По — турецки «Мехмед», — тихо сказала она. — Я бы очень хотела, чтобы моего первенца звали именно так.

— Как скажешь, Хюррем Султан моя! — ласково улыбнулся Сулейман.

Спустя час молодую мать вместе с сыном перенесли в ее новые покои, более просторные и украшенные по вкусу валидэ. Хюррем оценила такую о себе заботу и искренне поблагодарила Хафсу, отчего та пришла в смущение. До этого если и благодарили, то фальшиво, то и дело заглядываясь на ее собственные покои. Александре — Хюррем было все равно, она прекрасно жила и в маленькой комнатке рядом с покоями Сулеймана, но благодарила за внимание к себе искреннее. Валидэ все больше влюблялась в новую невестку, совершенно искренне забыв об их первоначальных разногласиях. Вот и сейчас она сидела в новых покоях молодой султанши и пыталась вспомнить, каково это — нянчить детей. Сулейман сказал, что церемония имянаречения пройдет через пару часов и удалился, оставив женщин заниматься с новым наследником.

— Как же я хочу шаурмы... — неожиданно протянула новая султанша, баюкая сына.

— Что — что ты хочешь? — удивилась валидэ.

— Это блюдо такое... В лист лаваша заворачивают огурец, помидор, капусту и морковь, добавляют либо кебаб из баранины, либо курицу, и поливают соусом. Ужасно вкусно! — тоскливо вздохнула Александра. — Интересно, если повару написать рецепт, он сможет приготовить? Думаю, что и Вам бы понравилось, валидэ султан!

— Зови меня просто Айше, — неожиданно разрешила Царственная колыбель. — Устала я... От титулов. Меня звали Айше, и я была единственной дочерью хана Менгли — Гирея, повелителя крымских татар. Имя Хафиз — или Хафиза, Хафса, — дал мне уже султан Селим. Это означает «мудрая».

— Неудобно мне, — замялась Хюррем.

— Тогда это приказ, — лукаво улыбнулась Хафса, осторожно принимая из рук девушки спящего ребенка. — Он похож на моего отца.

— И на моего деда.

— Удивительно, правда? Дети — это настоящее чудо, посланное Всевышним...

— Иногда это чудо, а иногда — чудовища, — неожиданно зло сказала Хюррем. Хафса удивилась, но не поняла, что та хотела этим сказать. А спрашивать почему — то желания не было.

В этот миг в покои ворвалась верная Гюльнихаль.

— Госпожа... — поклонилась Хюррем девушка. — Валидэ — султан...

— Что?! — одинаково грозно уставились на нее две султанши.

— Приехала Махидевран Султан!

Перекошенное от злобной радости лицо Роксоланы напугало всех до икоты.

Глава 12.

Махидевран невидящим взглядом смотрела в окно кареты, за которыми проплывали пейзажи Стамбула. Мысли у нее были сплошь черные и грустные. Она не хотела, чтобы у Мустафы были соперники, это правда. Но и желать смерти нерожденному еще младенцу было не в ее правилах. Сын или дочь — еще неясно ведь было, кто появится на свет у русской ведьмы, — был чистой и невинной душой. А Махидевран не хотела на своих руках крови чистых и невинных душ. К тому же, она сама была матерью.

Она пока еще не решила, как именно будет объясняться перед Сулейманом. Идей в голове не было, а последний разговор с Айгюне — хатун оставил в душе Весенней Розы неприятный осадок. Она хотела власти, потому что та давала ей возможность не просто выжить, но и жить счастливо. Насколько это вообще возможно в султанском дворце.

Она хотела в будущем увидеть на троне сына, потому что только так он мог выжить и продолжить свой род. Жестокий закон Мехмеда Фатиха коснется и его, если султан решит отдать предпочтение ребенку от другой наложницы. А увидеть сына, задушенного немymi палачами — дильсизами, Махидевран боялась. Ей часто снились кошмары с таким сюжетом.

На самом же деле, красавица черкешенка хотела простого и тихого семейного счастья. Обыкновенного, человеческого, которое не подчиняется жестоким законам, придуманным властью имущими.

Она не любила Сулеймана, ей отвратительны были его прикосновения и ласки. Но что ей оставалось? После первого хальвета, когда она предстала перед ним в Манисе, Махидевран долгое время чувствовала себя грязной. Опозоренной. А потом к ней пришла Любовь.

Мысли султанши прервал крик стражника, сопровождавшего ее карету. Прибыли. Ее никто не встречал, будто и забыли о существовании султанши, бывшей матерью главного наследника.

Махидевран старалась не показывать вида, что боится.

Нигяр — калфа тоже не отличалась разговорчивостью. Она молча сопровождала султаншу до покоев Ибрагима — паши, поклонилась и отправилась по своим делам.

— Добро пожаловать, Махидевран Султан! — поприветствовал ее Великий визирь. Между бровей Ибрагима пролегла тонкая, но не стирающаяся морщинка. В последнее время он вообще часто хмурился. Работа в новой должности не пошла ему на пользу.

— И Вам доброго здравия, Визирь и — Азам, — поклонилась Махидевран, решившая проявить уважение.

Греку понравилось. Ему было приятно, что еще вчера могущественная султанша кланяется ему, бывшему рабу. Да и отличались ли они чем — то? По сути, она была такой же рабыней, пусть и подаренной султану собственными же братьями, но все равно — рабыней.

— У нас большие проблемы, султанша... — со вздохом сказал Ибрагим. Махидевран закачалась и поняла, что вот — вот потеряет сознание.

В покоях султана

Хюррем отдыхала, доверив пригляд за сыном вернейшим служанкам и мужу. Султан никак не мог наглядеться на нового наследника, и спускать ребенка с рук отказывался. Хюррем посмеялась и сказала, чтобы он разбудил ее, как только малыш захочет есть.

Сулейман неопределенно хмыкнул. Он не хотел, чтобы его любимица портила грудь кормлением сына. Для этого есть хорошие кормилицы. Его самого, в конце концов, Айше Хафса тоже выкормила не сама. Но разве стал он от этого меньше любить свою валидэ?

Хюррем возразила, что первые несколько недель должна сама кормить ребенка, чтобы он был здоровым. Предложила посоветоваться об этом с врачами. Сулейман обещал подумать. В конце концов, упрямство любимой женщины начинало порядком его раздражать.

Приезд Махидевран прошел тихо и незаметно. Сперва Александра рвалась сразу же разобраться с провинившейся баш — кадиной, но затем решила, что та до утра никуда не убежит. Ее же саму ужасно вымотали роды. Сулейман от греха подальше приказал перенести жену в смежные со своими покои, и даже поставил в своем кабинете колыбельку для Мехмеда. От этого решения пришел в шок и ужас весь гарем, но султану было все равно.

Евнух доложил, что пришел Ибрагим — паша. Султан вздохнул, осторожно опустил спящего сына в колыбель и приказал впустить Ибрагима. Тот вошел с поклоном, в глазах — настороженность и тщательно скрываемый страх. Сулейман еще раз вздохнул. Он не хотел запугивать своего единственного друга, но рабам тоже не стоило забывать свое место. Этому его учила мать, этому же и отец. Дружба дружбой, но Ибрагиму не следует забывать о том, кто его хозяин.

— Повелитель, я допросил Махидевран Султан. Она уверяет, что непричастна к отравлению Хюррем — хатун, — на последнем слове Ибрагим осекся. Ему не понравился недобрый огонек, мелькнувший в глазах султана.

— Ибрагим. Хюррем больше не наложница — фаворитка, она — мать шехзаде. Обращайся к ней с должным почтением, — предупредил Сулейман. Говорить о том, что скоро власть Хюррем станет практически безграничной, пока не стал. Побоялся, что любимица не доживет до никяха.

— Виноват, Повелитель. Баш — кадина уверяет, что никого не посылала к Хюррем Султан, а евнух просто на нее наговаривал. К тому же, она яростно отрицает тот факт, что они были любовниками.

— Мне все равно, что она говорит, Ибрагим. Мне нужны факты.

Ибрагим едва заметно вздрогнул, заставив султана насторожиться. И в этот момент из соседних покоев вышла Хюррем.

— Прошу прощения за то, что невольно подслушала Ваш разговор, — медоточиво пропела Роксолана. — Повелитель, Вы позволите задать Великому визирю несколько вопросов?

Султан, в душе поражаясь ее игре, разрешил.

— Ибрагим — паша, я понимаю, что Вы будете защищать Махидевран Султан, но попробуйте уяснить для себя вот что, — тон Хюррем изменился, стал жестким и холодным. В глазах — тщательно скрываемая злость. — Она покушалась не на меня, а на наследника султана в моей утробе. И пока не будет доказано, фактами, а не словами, что это сделала не султанша, она будет считаться виноватой просто по умолчанию. И Ваши попытки спасти ее от расправы ничего не изменят. Надеюсь, Вы в ближайшее время — а сроку у вас три дня, — предоставите неоспоримые доказательства того, что баш — кадина невиновна. В ином случае, я воспользуюсь данным мне Повелителем правом распорядиться ее судьбой по собственному усмотрению.

Ибрагим бледнел и краснел, испытывая невероятно острое желание придушить рыжую ведьму на глазах падишаха. Султан про себя мысленно аплодировал жене.

— И, вот еще... — невинно добавила Хюррем, поплотнее запахивая тяжелый халат. — Я забыла сказать, что тоже веду свое расследование. Поэтому подтасовать факты, увы, не получится. А теперь разрешите откланяться, и извините, что побеспокоила.

Подхватив на руки мирно спящего сына, Роксолана с достоинством удалилась.

Глава 13.

Как избавиться от навязчивого сексуального партнера? В наше время — просто разорвать отношения. Во времена османов — родить. Но как удержать при этом власть?

Я лежала в кровати и умиленно наблюдала за теребящим сосок сыном. Маленький, но уже такой жадный! Ест и хрюкает, снова ест и снова хрюкает. Поросяенок.

Валидэ уже раз пять за день забегала ко мне, умилялась внуком и убегала дальше по своим делам. А я думала, думала и пыталась найти выход из ситуации. Ближайшие месяца три — четыре Сулеймана я к себе подпускать не хочу. Он мне и так не слишком приятен, а тут пока еще все заживет... Сорок дней с момента родов я буду считаться нечистой, и по идее, трогать меня он не должен. А если ему закон не писан? И как быть, кто бы подсказал...

Помощь неожиданно пришла со стороны Хатидже, которая влюбилась в племянника и теперь постоянно тусовалась у меня. Пока Ибрагим был занят судорожными попытками спасти Махи от моей расправы, их свадьбу начали подготавливать валидэ и многочисленные слуги.

Самой же Хатидже особо нечем было заняться, она сгорала от нетерпения — хотелось поскорее воссоединиться с любимым, — и в покоях ей спокойно не сиделось. Поэтому она либо шаталась по ташлыку рабынь с гордой физиономией почти замужней женщины, разве

что язык рабыням не показывала, либо зависала у меня. Иногда она меня доставала до такой степени, что хотелось спрятаться под кровать, но она же султанская сестра, все — таки... Приходилось, скрипя зубами, развлекать великовозрастное дитятко.

— Мне нужно будет купить новых рабынь, — зудела Хатидже, не обращая внимания на мои демонстративные зевки в горсть. Да уж, ее изгнать посложнее, чем демонов из Эмили Роуз.

— Рабынь? — вежливо поинтересовалась я. — Для чего, госпожа?

— Ну как же, Хюррем!

— Для гарема? — брякнула я и осеклась. — Простите, госпожа. Не подумала. Какой тут гарем...

— Именно, Хюррем! Не для Ибрагима. Для меня, — достаточно лояльно отнеслась к моему проколу Хати. — Ему рабыни не нужны. А если понадобятся!

Ее злобная улыбочка хорошо показала, что она с ним сделает, если Ибра надумает гульнуть налево. Ну и правильно, вообще — то.

Я с ней очень даже солидарна. Надо было и мне так же Антона и предыдущих моих МЧ вязать по рукам и ногам, чтобы не пискнули. Деньги — то были у меня, а я еще собой помыкать давала, дура. Умнее надо было быть! Пока у тебя есть деньги — у тебя есть власть. А при наличии денег и власти все продаются и все покупаются. Просто и логично.

Неожиданно мои размышления вильнули в другую сторону. Рабынь? Можно купить рабынь самой?...

Ну — ка, ну — ка...

— Как считаешь, Хатидже, — перебила я разливающуюся соловьем девицу. — Если я подарю Сулейману красивую рабыню, его это порадует?

Хатидже булькнула и вытаращилась на меня.

— Лучше у мамы спроси, — наконец, неуверенно предложила она. — Но... ты разве не будешь ревновать??

Мне ужасно захотелось заржать в голос, но я как — то сдержалась. Пусть и дальше думает, что я искренне люблю ее братца, мне в этом никого не резон разубеждать.

— Я же люблю его, — фальшиво вздохнула я. — Он мужчина, Повелитель, ему необходима женская ласка. А я нечиста...И неизвестно, когда еще приду в себя после родов.

— Ну... — неожиданно замявшись, протянула Хати. Я насторожилась. — Вообще — то, по нашим законам после рождения сына тебя вообще больше не допустят к нему на ложе. Разве что предварительно сделав стерильной...

Я вытаращилась на нее в священном ужасе. Не дам я себя стерилизовать! Что я, кошка дворовая, что ли?! Нашли тоже способ!

А если меня больше не допустят на ложе... Плакали мои далеко идущие планы по захвату власти. Это как пить дать.

Что за леший!!!

Тут Хатидже решила меня немного подбодрить:

— Не волнуйся, Хюррем! К брату, я думаю, этот закон применить сложно. Он и Махидевран должен был отослать, и Гюльфем, и Фюлане — но ему было все равно. Он руководствуется зовом сердца, и если кого — то любит — нарушит не один закон. Он — падишах, ему можно...

Меня слегка попустило. Но ближайшие планы теперь следовало срочно пересмотреть. Пока в себя не приду, к нему должна ходить рабыня — чистая, стерильная (желательно уже

купить такую) и красивая. Не слишком искусная, чтобы меня не перебила. Так, слегка освежить чувства. И не умная. Совершенно тупая, что лучше всего. Такая, которой будет довольно красивых тряпок, отдельных покоев и вкусной еды. На власть она зариться не должна!

И где найти такой уникум, позвольте узнать?...

— А где покупают дорогих наложниц, Хатидже?

Хатидже вздохнула и поделилась контактами. Я решила не откладывать дело в долгий ящик и позвала нового евнуха — Гюль агу.

Он был просто очарователен и совершенно меня покори́л. Любитель вкусно покушать и откровенный гомосексуалист, меня он устраивал куда больше, чем ходок по бабам Сюмбюль, да упокоит Аллах его душу. Меня он искренне полюбил, за ребенком смотрел лучше любой няньки, поэтому Гюль — аге я могла доверять.

Вежливо вытурив Хати, я пристала к Гюль — аге с расспросами.

— Наложниц, госпожа... — пощипывая себя за подбородок, задумался евнух. — Есть такая, которая нужна именно Вам. Я знаю, у кого купить. Но стоят они безумно дорого!

— Почему? — коварно поинтересовалась я. Дорогие наложницы — это хорошо. Но нужно знать, за что платишь.

— Их называют Рабынями Страсти, моя госпожа. Их задача — доставлять удовольствие своему господину. Они очень искусны в любовных утехах. Но детей они не рожают. Редкая Рабыня Страсти продается не стерильной.

Пока что — просто идеальный вариант! Подумав, я отправила Гюль — агу к торговцу Рабынями Страсти. Был тут проездом из Кафы некий Эмир — бей, который считался лучшим Учителем Страсти своего времени. Мимоходом я подумала, что у такого учителя и мне не грех было бы... поучиться...

Но не будем забегать вперед. Сейчас мне важно было узнать наличие интересующего меня «товара» и его цену.

Глава 14.

Не будь я Хюррем, если не добьюсь от этого упрямого султана того, что нужно мне! Сулейман мерил комнату широкими шагами и то и дело бросал на меня полные укоризны взгляды. Ну, конечно. Минета захотелось. А вот фиг тебе!

Кто бы знал, какое я к нему испытываю отвращение — чисто физическое... Но что делать? И раз представилась законная возможность не ложиться с ним в кровать почти полтора месяца, драться за нее я буду зубами и когтями!

— Сулейман... — сделав нежное личико, притираюсь я к гневному Падишаху Мира. — Ты же — Законодатель! Кто, как не ты, должен соблюдать все законы и традиции, принятые во дворце?

— Ты меня еще учить будешь, Хюррем?! — совсем взбеленился. Ну, что ж. Не хотела я этого, но придется действовать жесткими методами.

— Садись, — мой голос стал строгим, как у учительницы биологии. Сулик сел, ничего плохого не подозревая. — Дай бумагу и перо.

Спустя пять минут на листе был набросок, весьма кривой и схематичный, но понятный.

— Вот смотри. Это — матка. То место, где в течение девяти месяцев вынашивается ребенок, — занудно начала вещать я. Сулейман сглотнул и слегка побледнел. — В

нормальном, не беременном состоянии, ее шейка закрыта (вот шейка, на рисунок смотри!!). Так же в ней находится слизь, защищающая ее от микробов и бактерий — то есть инфекции.

— Хюррем?!

— Слушай и не перебивай! — огрызнулась я. — Итак, во время родов шейка матки открывается, чтобы выпустить на свет ребенка. И затем в течение сорока дней она сокращается, чтобы закрыться. В это время она ОТКРЫТА, и внутрь может проникнуть любая инфекция. То есть если мы сейчас займемся сексом, будут очень плохие последствия. Скорее всего, я потом не смогу забеременеть — это раз. Запросто воспаление схвачу, даже после одного раза. Ты можешь подхватить какую —нибудь грязь, так как сейчас мой организм очищается — это два. Лечить будем долго и упорно — это три. Ты все еще хочешь секса?!

Султан осторожно отодвинулся от меня и отрицательно покачал головой. Ха!

— И откуда ты такая умная взялась... на мою голову... — еле слышно процедил он сквозь зубы. Я усмехнулась и напомнила:

— Из будущего, дорогой. Из будущего. Нас этому в школе учат.

— Лучше бы вас учили своего господина правильно ублажать... — тоскливо простонал султан, которому ну очень хотелось. Я еще гадостнее ухмыльнулась и пропела:

— Если ты будешь терпелив, мой господин, то послезавтра тебя ждет приятный сюрприз!

— Какой? — тут же забыл о своем плохом настроении турок. Я лукаво улыбнулась и покачала головой. Так я тебе все и рассказала, жди!

— А сейчас будут танцы.

Сулейман недоуменно посмотрел на меня. Ну надо же мне тебя чем — то занять до прибытия купленной рабыни?? Вот. И не надо думать, что я прямо сейчас от ревности задохнусь, если перед тобой какая — то девица голой задницей покрутит. Мне главное, чтобы они на власть не зарились, специально таких отбирала по всему гарему, старалась...

— Позови девушек, Гюль — ага! Пусть подготовят покои для вечернего отдыха Повелителя! — властно приказала я моментально появившемуся по взмаху руки евнуху. Султан смотрел на меня с искренним непониманием в глазах.

— Сулейман, тебе необходим отдых, ты очень много работаешь. Я специально выбрала для тебя лучших девушек, которых обучила танцу живота. Так что расслабляйся, дорогой, и наслаждайся красивым зрелищем! — с улыбкой я чмокнула султана в нос и соскочила с его колен. Жадные ручки тут же попытались притянуть меня обратно, но я была быстрее. — Через час все будет готово, а я пока успею покормить Мехмеда и переодеться. Не скучай, родной...

И улетела, сопровождаемая гневным сопением Законодателя в спину.

— Гюль — ага, принеси мой костюм для танца, — отдав сына нянькам, устало сказала я. Эта борьба за власть давалась с каждым разом все тяжелее. А что делать, если у меня теперь девиз — выживи или умри? Причем выживание — и мое, и ребенка, — плотно связано с тем, как долго я пробуду на вершине власти. Политика, заговоры, ухищрения ... Никогда меня это по — настоящему не интересовало, и вот на тебе, пожалуйста. Попала, как кур во щи. Но что толку стонать и страдать?

Надеюсь, что я сейчас в форме. А то Сулейман так толком и не видел моих танцев... Несколько последних дней я готовила этот праздник как одержимая, сама занималась по два — три часа в день, но все равно была еще недовольна уровнем своего владения чужим телом.

И если в голове я все делала правильно и так, как нужно, то проклятущее тело подводило в самый неподходящий момент.

Закон подлости во всей красе.

Девушки были уже готовы. При виде меня, закутанной и неузнаваемой, оживились и захихикали. Их даже не насторожило то, что меня сопровождает евнух Гюль — ага, которого уже весь дворец знал, как мою правую руку.

— Подарок Хасеки для султана, — показал он пальцем на меня. Легенда, придуманная наспех, была скупана без вопросов. Ну и отлично. Эти тупые курицы сейчас размышляют, как бы им пробраться поскорее на султанское ложе и там показать, как они умеют подмахивать, а у меня совершенно иные планы. Растравить, раздражить, заставить чувствовать себя несчастным, утоляя плотский голод не с той, с которой действительно хочется... Психологический фактор. Поимеет раз одну из этих девиц и сразу же забудет. А я поиграю в недосыгаемую мечту.

Давно пора и султану зубки показать, и всем остальным. Забылись, с кем дело имеют. Особенно — Махидевран.

Я приготовила для Сулеймана танец семи покрывал. Если кто не знает — страшная вещь. Один из наиболее эротических гаремных танцев, сложный до безумия. Но возбуждает гарантированно, его применяли в тех случаях, когда кавалер испытывал трудности с эрекцией. У Сулика я таких трудностей пока не наблюдала, скорее наоборот. Стояло как по заказу, словно у молодого на морозе. Только мне от этого радости мало...

Девушки начали танцевать, я наблюдала из — за ширмы. Ну и коровы же. Двигаются, как сомнамбулы. Сонные, огня нет, ничего нет! Смотреть совершенно не на что. Но голодному до тела Сулейману, похоже, все одно и все едино. Что ж, сейчас мы тебя разбудим, дружок.

Мелодии кончилась, послышался нарастающий стук барабанов. Мой выход. Я подмигнула Гюль — аге и выпорхнула в круг танцовщиц, упавший как по команде на пол, пред ясные очи Падишаха всего мира.

Сулейман внимательно рассмотрел меня и сглотнул. Не узнал.

А дальше я отключилась от происходящего и просто начала танцевать. Были только я, музыка, ритм танца, древнего, как сама жизнь. Я сейчас танцевала не перед султаном, а на огромном поле под ясным звездным небом. Танец жизни и поклонения древней богине Рее — Кибеле... Богине плодородия...

Бедра бьются, словно в агонии, руки манят к себе застывшего на троне мужчину, который еле сдерживается, чтобы не сорваться со своего места и не наброситься на танцовщицу перед глазами всей публики.

Ритм танца становится более бешеным, на пол начинают слетать покрывала. В конце на мне останется только одно — его я не стану снимать. Покрывало, закрывающее лицо, яшмак. В женщине должна быть загадка, правда, Сулейман?

Мельком ловлю ошарашенные взгляды танцовщиц. Догадались? Или не дошли до них слухи, что их Хасеки умеет танцевать так, что мертвые поднимаются посмотреть?

О!!! В зал неслышной тенью скользнул Ибрагим. Явно по какому — то государственному делу. Заметив меня, остолбенел и уполз в угол, наблюдая оттуда выпученными глазами. Разве что слюной не капая.

Ну...Я закружилась, незаметно перемещаясь к засевшему в засаде Ибрагиму. Платок, закрывавший грудь и живот, с кокетливым смешком полетел в него.

Ох...Я, кажется, перестаралась. У Великого визиря остекленевший взгляд, будто он уже кончил, Сулейман сзади рычит от ярости, что сиськи показали не ему...

Пора заканчивать.

Я падаю на пол, музыка меняется на более чувственную и тягучую. Короткая мелодия, короткий яростный танец, в конце которого я остаюсь совсем голой перед опешившим от такого султаном. Только яшмак, закрывающий лицо.

— Понравился ли тебе мой танец, господин? — хрипло мурлычу я, надеясь, что он не узнает меня по голосу. И в руки мне падает фиолетовый платок. Не поднимая его, я кланяюсь и бросаюсь вон из зала, мимо Гюль — аги, который уже держит под мышкой мое нормальное платье.

Вслед несется разочарованный рев Сулеймана.

Глава 15.

Меня, истерически хихикающую, верный Гюль — ага отпаивал вином в покоях, пока по всему дворцу летали ошалевшие стражи, разыскивая сбежавшую от Повелителя танцовщицу.

— Госпожа... — евнух тоже распырал смех. — А если догадаются?

— Ты одежду выкинул? — подавляя смешок, поинтересовалась я. Евнух неожиданно заухмылялся. — Ну — ка, рассказывай! Что придумал?

— К Махидевран султан в покои подбросил... — сознался этот гад. Я представила реакцию Махи ... И из моего горла вырвался уже не просто смех, а самый настоящий истерический вой. Евнух смотрел за мной с непередаваемой нежностью и умилением.

— Теперь я понимаю, почему вам дали такое имя, госпожа... — прошептал он с какой — то странной интонацией. Упс. Мне еще только влюбленного евнуха не хватало! Я, конечно, слышала ...

Всякое. Например, то, что после евнуха ни с одним нормальным мужчиной не хочешь. Но если здесь такие проблемы с куннилингузом, то вполне понятно, чем они брали местных дамочек. Только вот мы лучше как —нибудь так обойдемся! Ручки пока на месте — проживем как — то. А шашни с евнухами заводить... опасно. Махидевраша уже прокололась, я по ее пути следовать не хочу.

Мое веселье сразу же утихло — и очень вовремя. В покои резко постучали и ворвался Ибрагим. Тебе — то что здесь надо?

— Все вон отсюда!! — ого. Это что с ним такое? Но мои рабыни послушно вымелись, опасаясь гнева Великого визиря. Гюль — ага, получив от меня подтверждающий кивок, тоже оставил нас. Наедине.

Ой — ой. А вот это уже плохой расклад...

— Хюррем.... Русская ведьма... — зашипел как змея.

— Повторяешь прописные истины, Визирь и — Азам, — показала я кончики клыков. Зубки у Александры и правда были какие — то острые...И чуточку длинноватые. Но очень удобные, стоит признать. Особенно когда надо поставить на место зарвавшихся визирей.

Ибрагиму же было фиолетово, что я там говорю. Одним прыжком он преодолел расстояние между нами и пылко прижал меня к себе. Я растерялась.

— Я узнал тебя, Хюррем... — горько пробормотал Ибрагим. — Узнал там, у Повелителя на вечере...

Мать твою! Хотя у одного глаза не на жопе оказались.

— И что, визирь? — сделала я вялую попытку вырваться. Меня неожиданно охватила странная истома. От Ибрагима пахло....mmm... настоящим самцом от него пахло! И мышцы такие — е...

Саша, мать твою, возьми себя в руки! Тебе еще шашни с Великим визирем только заводить не хватало, для полного счастья!

Но мозг работать отказался напрочь. Сказывались почти полтора года издевательства в виде половых отношений с султаном.

Жадные руки бродили по моему телу, а тонкие усы легонько щекотали чувствительную кожу шеи. А я таяла, таяла в его руках и понимала, что лечу в пропасть с ним на пару...

Но в данный момент мне было все равно...

— Хюррем... — сквозь зубы простонал Ибрагим, который тоже понял, что мы творим что — то откровенно непротокольное. — И почему я, дурак такой, позволил тебе... с ним?!

— Судьба — злодейка, — пожалла плечами я, пытаюсь выровнять дыхание. Еще чуть — чуть, и я отдалась бы ему прямо здесь, на коврике. А если бы кто — то вошел?! Тут же не покои, а самый настоящий проходной двор! Казнили бы в ту же минуту...

— Я... — договорить Ибрагим не успел. В покои ворвался перепуганный Гюль — ага.

— Госпожа, сюда идет!!!

Я моментально запихала ошалевшего Ибрагима под кровать, завесив покрывалом, и приказала сидеть, не высываясь. Благо, на это ему ума хватило!

Сама же бросилась на кровать, закутавшись одеялом по самые уши. Пусть теперь думает, что я спала тут сном праведника. И попробуй докажи обратное!

Сулейман ворвался в мои покои, как разъяренный бык. Голубые глаза мечут молнии, усы дыбом... Зацепил его танец семи покрывал, как пить дать!

— Выйди вон! — заревел он на бедного Гюль — агу. Я «сонно» зевнула и высунула нос из — под одеяла.

— Сулейман?...

— Хюррем, что ты творишь?!!! — ревел этот обезумевший самец, не подозревая даже, что я тут творю на самом деле.

— А что случилось? — наглость моя всегда была вторым счастьем. А актрисой я тоже всегда была неплохой. Долгие годы тренировок и занятий актерским мастерством сказывались!

— Это ты Махидевран научила?!

— Чему научила? — похлопала ресничками я.

— Танец такой танцевать научила! — Господи, да он уже слюной в бешенстве брызгает. Ужас какой.

— А она сама что говорит?

— Что ничего не знает!!! Врет, как обычно!!!

Я еле подавила в себе желание в голос заржать. Подсобил Гюль — ага баш — кадине, ничего не скажешь.

— Ну, я ...

Минута молчания. Сулейман пытается прийти в себя и не задохнуться от ярости.

— И что мне теперь делать прикажешь? — шипит он. Я пожалла плечами и предложила позвать ее на хальвет. Султан совсем озверел, плюнул на пол и улетел из моих покоев. Из — под кровати послышалось тихое хихиканье.

— Что смешного? — ласково поинтересовалась я, заглянув под покрывало. Ибрагим

валялся на полу и пытался заглушить истерический смех, заткнув рот кулаком. Получалось плохо. Я же подавила странное желание вытащить его оттуда, раздеть и...

Так, Саша, стоп! Нельзя! Фу! Плохая девочка! *Но кто виноват, что меня тянет к этому греку, как магнитом?!*

Гюль — ага с понуро повешенной головой вошел в покои:

— Султан приказал казнить баш — кадину за такие... шуточки.

Вот тут нам всем стало резко не до смеха. Ибрагим быстро вылез из — под кровати и в ужасе посмотрел на меня.

— Что будем делать, султанша?

Я пожала плечами. Какой у меня выход?

— Придется разруливать...

С этими словами я зашла за ширму и скинула верхнее платье, оставшись в тонком и прозрачном нижнем. Вздохнула волосы перед зеркалом, покусала губы, придавая им пикантный вид. Чуть смазала маслом гардении запястья, кожу за ушами и шею. Султану этот запах нравится...

— Гюль — ага, доложи султану, что я сейчас приду.

Евнух покорно кивнул и испарился. Мы с Ибрагимом остались наедине.

— Спасать кого — то путем того, чтобы ложиться в кровать с человеком, которого я не люблю... — тихо сказала я.

— Я понимаю, — прижал меня к себе Великий визирь.

— Знаю, что понимаешь.

Наши губы опять встретились сами собой. Я тихо застонала, когда умелый язык скользнул мне в рот, изучая и поддразнивая. Нашла в себе силы слегка оттолкнуть Ибрагима.

— Не сейчас...

С этими словами я поправила волосы, чтобы они лежали в художественном беспорядке, и вышла из покоев, оставив его размышлять над моими последними словами. Да мне и самой было нелишним подумать, как быть дальше. Тело рвалось к одному человеку, обладал им другой, а душа не принадлежала никому.

И от этого было горько, досадно и противно. Ведь ты же не любишь меня, Ибрагим? А мне так важно, так чертовски важно, чтобы меня любили!

Толкнув дверь в покои Сулеймана, я предстала перед своим Повелителем покорная и готовая услужить. В душе же бушевала буря.

Конец II части.

Часть 3. Влюбленная султанша.

Глава 1.

Дверь в мои покои тихо отворилась. Я бесшумно приподнялась на локтях! Ибрагим... пришел, сумел, вырвался...

— Я ждала тебя, любимый, — с этими словами я поднялась с постели, распуская тонкие завязочки роскошной ночной рубашки. Она спала с меня, обнажая подготовленное к его приходу тело. Ибрагим окинул меня восхищенным взглядом и крепко прижал к себе.

Мы слились в неистовом поцелуе, сжигающем и переплавляющем, казалось, каждую клеточку измученного воздержанием тела...

...Прошло почти два месяца с момента, когда Сулейман планировал казнить Махидевран из-за нашей с Гюль-агой шуточки. Тогда я смогла спасти ее голову от немедленной кровожадной расправы, ублажив султана с ней на пару. Милое маленькое трио. Тошнило меня в этот момент страшно, но не об этом речь. После я пришла к выводу, что теперь мне все трын-трава и хрен по деревне, а потому я имею право начать тайную связь с Ибрагимом-пашой. Если Сулейман не отказывает себе в удовольствиях, то чем я хуже? Главное — делать все по-умному.

Посему мы с трудом дождались отбытия султана на войну с венграми. Ибрагима, в виду отсутствия взрослых наследников престола, оставили руководить государством. Все сложилось, как нельзя лучше, если бы только не Хатидже Султан.

Они с Ибрагимом стали супругами чуть больше месяца назад, и первые пару недель после этого во дворце я его видела очень редко. Заездила Хати мужа, дорвалась. Что ж, я ее даже понимаю. Меня саму сжигала неутоленная страсть, от которой хотелось бросаться на стены и бессвязно орать. Вот только Хасеки этого делать не полагается.

Сейчас же Хатидже была уже на пятом месяце беременности и, неизвестно какими уговорами и посулами, Ибрагим сумел отослать ее в Эдирне, поправлять здоровье тамошним чистым воздухом. Я была счастлива до безумия, но настороженно отнеслась к ее покорности. Раз так на все послушно согласилась, стало быть — жди ее в любой момент в Топ-Капы.

Махидевран опять была отослана Сулейманом в Старый дворец, но на этот раз по вескому поводу. В те несколько безумных ночей нашего трио она сумела забеременеть и теперь ходила гордая, как гусыня, понимая, что ее уже не казнят. Сулейман согласился, что казнить было бы грешно, но в Топ-Капы оставить свою баш-кадину не пожелал. Что ей оставалось? Только подчиниться.

А я... Можете меня поздравить, я стала законной супругой султана, Хасеки Хюррем Султан. Только вот радости мне это не принесло, уж поверьте. Чуть больше власти, чуть больше поклонения со стороны обитательниц гарема. Не нужно мне все это! Дайте немного денег, сына и Ибрагима — и мы уедем далеко-далеко отсюда, из этого проклятого дворца, стоящего на костях и политого кровью сотен невинных жертв. Вот только это все мечты, и Ибрагим, как и я сама, прекрасно это понимали.

Сегодня была наша первая совместная ночь с ним... До этого мы изредка уединялись где-то в извилистых коридорах Топ-Капы или в его кабинете, но не дольше, чем на десять минут. За это время много ли успеешь? Только жадные поцелуи, да не менее жадные объятия...

И вот, мы наконец-то дождались!

...Ибрагим подхватил меня на руки и понес на ложе, по пути покрывая поцелуями каждый участок моего напрягшегося в ожидании тела. Тихие стоны рвались из горла, меня тянуло к нему, будто магнитом, хотелось слиться с ним скорее в единое целое...

Совсем, Саша, у тебя мозги отказали. Долгое воздержание- благодатная почва для греха, да?

— Моя ... Хюррем... — быстро скинув с себя одежду, Ибрагим лег рядом со мной, продолжая гладить меня всюду, дав волю рукам. Дыхание Великого визиря участилось, зрачки расширились — он тоже изнывал от желания. Но кто-то хорошо его учил — грек не был торопливым и неумелым любовником. — Александра...

Я вцепилась в него, умоляюще, просяще. Мне срочно нужно было почувствовать в себе

твердый мужской член, не было сил ждать.

Но грек решил, что правила любовной игры устанавливать будет он...

Губы скользят по груди, чуть захватывая набухшие соски, тонкие усики щекочут покрывшуюся мурашками кожу. Язык нежными, легкими касаниями, чертит на животе и пупке извилистые дорожки...

Вот нежные губы касаются моей «сокровенной жемчужины», раздается тихий сдавленный стон. Тоже не терпится, да, паша? А что же ты тогда медлишь?!

Легкими дразнящими касаниями языка Ибрагим за несколько минут доводит меня до предобморочного состояния. Но я не хочу кончать с ним так. Мне нужно ощутить его в себе!

Я отталкиваю опешившего мужчину, так, чтобы он лег на спину. Ибрагим смотрит на меня с недоумением. Сажусь сверху, ногтями провожу по его груди и животу. Он дергается, как от удара током.

— Хочешь узнать, почему Сулейман сделал меня любимой наложницей и не принимает никого на ложе больше двух лет? — с коварной улыбочкой шепчу я. Ибрагим сглатывает слюну — я трусь об его промежность лобком.

— Д-да...

Стекая по его телу, грудью ласкаю кожу возлюбленного. Опускаюсь прямо над пахом. Ого! Да, это тебе не длинный и тонкий у Сулеймана...

Губами обхватываю покрасневшую, набухшую головку, всасываю ее в рот. Ласкаю языком, проводя его кончиком по набухшим, оплетающим ствол венкам. Великий визирь дергается подо мной, силясь не кончить раньше времени. Ну-ну... Ладонью охватываю напрягшиеся яички, достаточно жестко ласкаю их. Ибрагим не может сдержать стона.

— Хюррем!!

Постанывая, начинаю заглатывать напряженный член, не забывая ласкать яички и промежность. Стоны становятся все более частыми и прерывистыми... Он вот-вот кончит...

В этот момент я отстраняюсь и достаю из-под подушки тонкий шелковый шарфик.

— Поиграем? — коварно предлагаю измученному мужчине. Он уже на все согласен. Привязываю Ибрагима к столбику кровати, вторым шарфиком завязываю глаза. Грек удивлен. Он с таким явно раньше не сталкивался...

Снова наклоняюсь к его члену, ласкаю его, как любимую игрушку. Такой крепкий, толстый и просто идеальной длины!

....*Опять Сулейман со своим «хозяйством» вспомнился...*

Посасываю головку, изредка нежно прикусывая зубами тонкую кожицу на стволе. Стоны Ибрагима потихоньку переходят в крики.

Доведя его почти до иступления, я снова отклоняюсь. Наверное, пора... Иначе я сама сойду с ума, честное слово!

Медленно, о-очень медленно опускаюсь на член, еле сдерживая стон. О, да-а! Он идеален. Он заполняет меня ровно так, как нужно. Я чувствую каждую венку на напрягшемся стволе, его пульсация отзывается внутри меня сладостным, заставляющим стонать от страсти, чувством.

— Хюррем! — он явно не привык отдавать инициативу в руки женщины. Но мне все равно. Уперевшись руками в грудь своего любовника, я начинаю раскачиваться на члене, закрыв глаза и полностью отдавшись восхитительным ощущениям.

Наши стоны слились в один, мы двигаемся в такт. Ибрагим разорвал шарфик, которым привязаны его руки...

Пальцы мужчины ласкают мою грудь, я оттягиваю приближение оргазма с трудом, чтобы полнее насладиться происходящим...

Но сил терпеть уже не остается, и мы одновременно кончаем, с криками содрогаясь в объятиях друг друга.

— Ибрагим... — выдыхаю я в полной прострации спустя пять минут. — Это было фантастически...

— Ночь еще не закончилась, моя Госпожа, — влюбленно смотрит меня грек. — У нас есть время до рассвета...

Глава 2.

Несколько безумных ночей с Великим Визирем позволили мне сбросить накопившееся за годы неудовлетворенное желание, и привести в порядок мысли. А вместе с ними — и чувства. На пятый день наших совместных ночных забав я впервые задумалась о будущем. Предохраняться мы можем только календарным методом, то есть наиболее опасным. И хотя я очень строго слежу за своим циклом, после родов он у меня сбился, так что...

До меня стало доходить, во что я ввязалась. И чем мне это грозит в случае, если тайные наши свидания станут достоянием гласности. Сперва казнят меня, потом — Ибрагима. А может быть, нас обоих. Вердикт пришел сразу, как только я все детально обдумала. Пора прекращать эти шашни. Ни свою, ни голову Великого Визиря (хотя о нем я все-таки думаю не в первую очередь — что есть, то есть) я под топор подставлять не хочу. И больше всего меня беспокоит судьба моего сына, которого я втайне мечтаю когда-нибудь увидеть на троне.

Я пока еще не примеряла на себя роль будущей валидэ, но была почему-то уверена, что она мне пойдет. Исторические сведения, прочитанные в Википедии, как-то неожиданно выпали из моей памяти, и я не задумывалась о том, что Мехмед не станет султаном. У меня пока еще не родился Селим, и я отказывалась понимать, что будущее невозможно изменить.

Пока что отказывалась.

Подумав обо всем и так, и эдак, я приняла решение временно уехать подальше из дворца. У меня уже были подаренные султаном имения в Диярбакыре и еще нескольких отдаленных провинциях, но больше всего привлекала мысль посетить Эдирне. Охота, свежий воздух, отсутствие надоевших до смерти гаремных сплетниц — именно то, что нужно уставшей Хасеки.

К тому же, был и еще один отложенный план, который я собиралась претворить в жизнь. Но об этом чуть позже. Встряхнувшись и приняв все необходимые решения, я отошла от окна, где стояла последний час, бездумно глядя в сад. Позвала служанку, приказала принести мой костюм для занятий танцами. Пора было приводить себя в форму, потому что с фигурой после родов была откровенная беда. Вся исхудала, и только живот провис слегка. С одной стороны, это не бросалось в глаза, но с другой раздеваться перед кем-то мужского пола меня корбило. И, как я не пыталась гнать от себя эти мысли, меня почему-то охватывал страх, что Сулейман больше не позовет меня к себе. Почему мне это так нужно?

Я не хотела о нем думать, но султан настойчиво лез мне в голову. Что бы я ни делала, он как будто незримо присутствовал рядом со мной. И, признаюсь откровенно, мне не хватало его рядом. Да, Ибрагим был хорош в постели...

Но он — не Сулейман!

Открыв в себе столь странные чувства, я опешила, пришла в ужас и запретила себе даже думать о муже, как о мужчине. У нас чисто деловая связь. Я не хочу влюбляться в этого тирана и деспота, который может убить человека, просто пожелав этого! Меня пугает его кровавая власть, его жестокость... Но разве можно судить средневекового правителя по меркам современной толерантности, демократии и прочих политических изысков? Разве наши правители так уж чисты, и у них нет крови на руках? Да, они не убивают сами, но они точно так же отдают приказы. И никто из-за этого не мучается.

Одно могу сказать — меня пугает теперь власть, и все, что с ней связано.

Вздыхнув, я подошла к кровати, где был разложен мой костюм. Скинула легкое платье и приказала выйти всем служанкам. Остался только музыкант за ширмой, которого я попросила играть что-нибудь не сильно быстрое и навязчивое.

Танец иногда похож на медитацию. Когда я танцую — то погружаюсь в состояние полнейшей отрешенности. Нет никого, кроме ритма, музыки и движений моего тела. В этот момент я полностью сосредоточена на внутренних ощущениях. Я не работаю на публику, я танцую для себя. Это позволяет мне разгрузить мысли и очистить сознание от излишнего мусора. Есть у меня такой грешок — мозги обрабатывают кучу информации за раз, и мне сложно отключиться и просто отдохнуть, ни о чем не думая.

В этот раз мне практически удалось это сделать, но мою медитацию грубым образом прервали. В покои ворвался бледный до синевы Гюль-ага, по одному виду которого я поняла — случилось что-то очень нехорошее.

— Что? — остановившись и вздохнув, спросила я у евнуха.

— Госпожа, прибыл султан!

— Почему никто не доложил? — нахмурила я брови.

— Потому что он без войска, и он ранен! — лицо евнуха выражало крайнюю степень отчаяния. Ни слова ни говоря, я накинула на себя кафтан, не потрудившись нормально одеться, и рванула в покои мужа.

Там уже суетились лекари и смущенный Ибрагим. При виде меня он слегка вздрогнул, но я сделала вид, что не заметила его ужимок. Все, хватит с меня шашни крутить. Не хочу больше уподобляться местным гаремным красоткам, меня и так от самой себя тошнит. Изголодалась по мужскому телу, дура, а как же верность, которой тебя учили? Которой ты так гордилась?! Не противно от самой себя, Саша?

Тряхнув головой, я отогнала непрошенные мысли и с ходу взяла быка за рога, обратившись к Ибрагиму:

— Что произошло с моим супругом, Визирь и-Азам?

На мой тон он среагировал, как на пощечину. Чуть приподнял бровь, показывая свое недоумение.

Я сделала вид, что ничего не заметила.

— Повелителя ранило в плечо при штурме крепости в Буде, — буднично сообщил мне визирь. — Лекари уже занимаются этим.

— И он от самой Буды сюда с раненым плечом скакал? — оскалилась я в злой усмешке. — Ты мне хочешь сказать, что на месте у Повелителя лекарей не нашлось?!

— У него были полковые лекари... — неожиданно смутился Ибрагим. — Когда султан придет в себя, мы узнаем, что заставило его прибыть одному и раненому...

Он очень вовремя это сказал. Султан уже пришел в себя.

— Выйдите все... Хюррем, останься, — слабо прошипел человек, взявший меня в жены

перед Аллахом. Которого я никак не могла привыкнуть считать своим мужем. Который был средневековым извращенцем и тираном... Но при этом ...

Я присела на край постели, заметив, как убираются из покоев посторонние. Ибрагим уходил последним, бросив на меня обеспокоенный взгляд.

— Хасеки моя... — попытался улыбнуться человек, лежавший в кровати. Я смотрела на него — и не узнавала такого гордого и надменного, привычного Сулеймана. — Хотя бы напоследок я смог увидеть твое милое личико...

— Сулейман, хватит бредить, — испугавшись, резко ответила я. — Какое еще «напоследок»?! Только не говори, что ты в двадцать восемь лет умирать собрался!

Он ничего не ответил, только тяжело дышал, закрыв глаза. Я осторожно протянула руку и пощупала его лоб. Он был холодным, и весь в испарине. От Сулеймана тяжело и остро пахло потом. Воспаление прогрессирует. И как же лекари решили его лечить? Откинув одеяло, я ужаснулась. Слева, сразу под плечевой костью, цвела огромная гематома, занимавшая половину грудной клетки. Красно-бордовые разводы мне абсолютно не понравились. Как и отвратительный запах с легкой ноткой гниения.

— Да у тебя сепсис! — охнув, выдавила я. Султан чуть шевельнул ресницами и прошептал:

— Позаботься о валидэ, любовь моя...

— ТАК!!! — от моего яростного рыка Сулейман вздрогнул и практически пришел в себя. — Ты мне хватит тут Умирать он собрался! А вот нетушки!

Подбежав к двери, я кликнула лекарей. Пора было устраивать разнос и вспоминать все, что я изучала в медицинском колледже.

(Да-да, когда-то я училась на медика и собиралась стать врачом, но об этом расскажу, когда к слову придется.)

Терять своего кровавого тирана мне почему-то ужасно не хотелось.

Глава 3.

Вздохнуть спокойно я смогла только через пару дней. Своевременное вмешательство в процесс лечения Сулеймана позволило спасти ему жизнь, но восстановление, несмотря на достаточно продвинутый уровень арабских лекарей, обещало затянуться надолго. Рану вычистили от гноя и регулярно промывали настоями бактерицидных трав, добавляя лечение эфирными маслами, кои турки производили в огромных количествах. На эфирные масла и травы, как вы догадались, наводку дала именно я.

С медиками же я удивительным образом наладила контакт. Им не хватало знаний касательно тех или иных свойств трав и растений, даже сферы применения многих эфирных масел в лечении для них пока еще оставались темным лесом. И я решила от души помочь несчастным, пообещав составить им трактат о лекарственных растениях и маслах, которые нужно и можно применять.

Чувствую, будет мне чем заняться в Эдирне. А уехать туда я все еще хочу — вот только Сулеймана на ноги поставлю.

В данный момент я сидела в его покоях за письменным столом, и устало зевала в горсть. Передо мной лежали разнообразные послания от правителей соседний, дружественных и не очень, держав — и я делала краткую референцию по этим чрезвычайно важным дипломатическим посланиям. Но одно из них меня заинтересовало особо.

Было оно от шаханшаха Исмаила, владыки Персии и Ирана, происходившего из династии Сефивидов — с которым, как я знала, у Сулика были разногласия на религиозной почве. И самое удивительное заключалось в том, что шах предлагал заключить мир, скрепив его брачным союзом со своей дочерью — одной на выбор. Или Перихан-ханум, или Фирангиз-ханум. Поскрипев мозгами, я вспомнила, что в сериале было что-то о Фирузе, из династии Сефивидов, но дальше момента ее служения Хюррем в качестве няни Джихангира я не успела досмотреть.

Оказалась на месте самой Хюррем, чтоб его.

— Сулейман! — негромко окликнула я мужа. Он слабо пошевелился и открыл глаза. Воспаленные, лихорадочно блестящие, но вполне ясные. Отдавать концы не собирается, и это хорошо.

— Ты что-то хотела, Хюррем?

— Насколько тебе выгоден политический брак с дочерью шаханшаха Исмаила? — в лоб спросила я. Сулейман потерянно взглянул на меня. Скандала опасается? — Я серьезно, мой возлюбленный супруг. Это выгодно династии, или нет?

Сулейман помолчал пару минут, потом прохрипел:

— Нет, это не выгодный брак. Я не стану жениться ни на его дочери (она старше меня на десять лет!), ни на внучке, ни на ком бы то ни было еще.

После этой длинной для его нынешнего состояния тирады, Сулейман закрыл глаза и вскоре мирно уснул. А я осталась сидеть в легком недоумении. Что ж, если ты мне не желаешь ответить на этот вопрос, супруг любезный — я найду, у кого еще спросить. Хотя бы у того же Ибрагима, для начала. А там и до валидэ доберусь. Она-то мне точно расскажет, нужна ей такая невестка, или ну ее в баню.

Тихо поднявшись со своего места, я рассортировала письма, сложив их в стопки по принципу: «*Ответить срочно*», «*Уточнить информацию и ответить*», «*Можно не отвечать*». Посмотрела на спящего Сулика и почему-то грустно вздохнула. Меня томила какая-то странная тоска, непонятная мне самой. А еще ужасно хотелось соленьенького...

Поймав себя на этой мысли, я покрылась холодным потом. Ин ша Аллах, это не то, что я думаю! Только беременности от Ибрагима мне сейчас и не хватало для полного счастья!

— Гюльнихаль, — тихо окликнула я молчаливо дремавшую у стены девушку. Она встрепенулась и уставилась на меня заспаннми глазами. — Присмотри за Повелителем, и через полчаса смени повязки. Мне нужно уйти ненадолго, да и шехзаде покормить пора.

— Слушаюсь, Госпожа! — по ее глазам я видела, что девчонка просто умирает от желания произвести впечатление на султана. Что ж, пусть попробует. Я не стану ей этого запрещать.

Слегка потянувшись и размяв затекшие за время сидения мышцы, я еще раз взглянула на спящего мужа и тихо вышла из его покоев. Мне нужно было пройтись и навестить пару особ в этом дворце.

Лекарша с трудом выпрямилась и прямо посмотрела мне в глаза.

— Вы беременны, госпожа, — тихо, без уважения в голосе, уже ставшего для меня привычным, протянула она. Я покрылась холодным потом в который раз за этот день. — Срок очень маленький.

Отлично. Сама дура!! В первый раз в своей жизни я начала думать о том, что нужно сделать аборт. У меня совершенно не было никаких честолюбивых планов родить сына от Ибрагима и посадить его на трон Османов в будущем. Во-первых, если я правильно помню

историю, то родится не сын, а дочь. Михримак. А во-вторых... Я вздрогнула и закрыла лицо ладонями. Помолчала пару минут, потом глухо спросила лекаршу:

— Какие шансы на то, что я выношу ребенка?

Она правильно поняла мой вопрос и пожала плечами.

— Если госпожа будет хорошо питаться, избегать волнений и не падать с лошади — то высокие.

Какой оригинальный способ средневековых аборт — *упасть с лошади!*

— Наргизшах-хатун... — угрожающе протянула я, отняв ладони от лица и глядя на побелевшую женщину. — Меня не устраивает такой ответ.

— Госпожа...

— Отвечай.

— Вы точно уверены в своем решении? — слишком хорошо поняла меня, старая ведьма. Как же тебе потом рот затыкать? В мешок и в Босфор? Не нравится мне эта идея.

Но и свою голову под топор я подводить не хочу.

Я кивнула.

— Есть травы. Пока у Вас есть возможность пить их, не потеряв потом женского здоровья.

Аборт медикаментозный на ранних сроках меня более чем устроит. Только сперва узнаем, что там за травы.

Травы оказались вполне нормальными. Я посмотрела на список, вздохнула и попросила сделать мне настойку.

— Сколько их нужно будет принимать ... до результата?

— Может быть, пару дней, иногда — неделю, — лекарша все еще корчила из себя оскорбленную невинность. Вот как будто я тут такая единственная!

Из наших душевных бесед с валидэ я выяснила, что та неоднократно прибегала к услугам лекарш, когда после ее развлечений с пашами возникали непредвиденные последствия. Правда, для меня так и осталось загадкой, почему она не предложила Хатидже сделать аборт, а срочным темпом выдала замуж. Но в принципе, логика тут была. Хати-то не рожавшая, а вдруг бы после вообще не разродилась? А валидэ мечтала нянчить стадо внуков.

— Принесешь мне напиток сразу, как он будет готов, — положив ей в руки мешочек с золотом, процедила я. — И как только все закончится — уедешь в Диярбакыр.

— Госпожа? — до тебя еще не дошло, старая дура, что я милостивая госпожа, которая не станет тебя убивать?!

— У меня там небольшое имение. Будешь отдыхать. Награда за верную службу.

Она еще сопротивляться пыталась. Может быть, лучше с Ибрагимом посоветоваться? Он ее сам уберет? В конце концов, не я одна в деле создания ребенка участие принимала!

Остановив поток вопросов от лекарши поднятой ладонью, я вышла из покоев и направилась, куда глаза глядят. Мне определенно нужно было подышать свежим воздухом и подумать.

На пол-пути меня перехватил Ибрагим.

— Хюррем Султан, — официальный-то какой, Боги мои! — Вас ждет Повелитель.

— Подождет немного, — невежливо отозвалась я. — Нам нужно поговорить, Ибрагим. У нас проблемы.

Великий визирь вздрогнул, побледнел и потащил меня в сад, не говоря ни слова.

Глава 4.

В Старом Дворце жизнь текла лениво и несправедливо. Женщины без постоянного контроля забывали молиться, и предавались неге, а особо бесстыдные — разврату с евнухами и нанятыми мальчиками из соседних деревень. Те, под видом посыльных, приносили им какую-то ерунду вроде фруктов из собственного сада, а находчивые бывшие наложницы развращали молодых мальчишек, соблазняя их и обучая тайнствам любви на свой вкус.

Махидевран же было не до развратных мальчиков. И хотя она не отказалась бы воспользоваться их услугами и сбросить накопившееся в теле напряжение, ее мучил страх, что из-за этого она потеряет ребенка.

И она, гордо подняв голову, проходила мимо укромных уголков, где прятались развратницы, и делала вид, что не слышит их слабых, но таких сладких стонов. Да, молодые мальчики — это прекрасно, они покорны и услужливы, и за пару мелких монет готовы угодить красивой госпоже. Но ребенок Повелителя — да пусть даже это будет дочка! — куда важнее сиюминутного плотского удовольствия.

Ночами же Махидевран сгорала от тоски и жажды ласки. Она скучала по Сюмебюлю, но не осмеливалась признаться в этом даже самой себе. Она хотела немного поплакать о судьбе бедного евнуха, казненного из-за любви к ней, но с удивлением не нашла в себе слез и желания это делать.

Вместо тоски по безвременно усопшему перед ее мысленным взором почему-то раз за разом вставал Великий Визирь.

Вскоре Махидевран Султан с ужасом поняла, что влюбилась в чужого мужа. Но кто виноват, что чар проклятого греческого раба мало кто мог избежать? Знай она, что ее соперница попала на ту же удочку и пустилась с Визирем во все тяжкие, может быть, ей бы стало немного легче. А может быть — что было более вероятно, — она окончательно возненавидела бы Александру, раз за разом уводившую у нее из-под носа мужчин.

И хотя баш-кадина отказывалась признаться в этом самой себе, Хасеки была каким-то местом ей симпатично. Если бы Гюльбахар немного покопалась в собственных чувствах, то она с изумлением бы поняла, что готова подружиться с соперницей и, более того, с удовольствием бы это сделала.

Однако дни шли за днями, ночи проходили в томной маете по таинственному любовнику, которого так не хватало истосковавшемуся женскому телу, как вдруг...

Приезд этой мерзкой особы был сродни грому среди белого дня. Что она забыла в Старом Дворце?! Позлорадствовать приехала? Или отомстить за то отравление?!

— Привет, Махидевран, — поздоровалась еще с ней, как с равной. — А я Мустафу привезла на недельку. Султан нас отпустил ... подышать свежим воздухом. Впрочем, можем поехать отсюда в Эдирне — я прикажу привезти Мехмеда.

Баш-кадина не знала, что ответить. Во-первых, это «привет» выбило ее из колеи. Спокойное и даже вполне дружелюбное. Во-вторых, сам вид нахалки ее поразил. Бледная, уставшая, с синяками под глазами и воспаленными веками, которые не смогла скрыть даже искусно наложенная сурьма.

— Вы здоровы, Хасеки? — выдавила она из себя нелепое что-то. Хюррем передернула плечами, но ничего не ответила.

— Твой сын с няней сейчас подойдут. Покажешь мне свободные покои?

— Да, госпожа...

— И прекрати так меня называть. Я Александра. Я госпожа только для рабов — или тех, кто себя ими считает. Ты же не рабыня, Махидевран, ты ведь сестра черкесского князя?

Махидевран подобралась и расправила плечи. А ведь права русская рабыня!

И тут до баш-кадины кое-что дошло.

— Откуда вы...ты... знаешь?

— Птичка на хвосте принесла, — заливисто рассмеялась Хасеки.

— Ты говоришь не как рабыня, купленная на Бедестане... — прошептала пораженная Махидевран, до которой только сейчас дошло. — И как я раньше не замечала?! Кто же ты?!

— Пусть я буду просто славянской ведьмой, мне так даже нравится. Ты ведь знала, что слово «ведьма» произошло от слов «ведающая мать»? То есть ведьма — знающая, имеющая Знание. Так что меня этим не оскорбишь, — хихикнула Александра. — А вот и Мустафа!

— Мама, мамочка! — кинулся в объятия к баш-кадине подросший Мустафа. — Почему у тебя такой большой живот?

— Там твой братик или сестричка, Мустафа, — улыбнулась Махидевран, искренне соскучившаяся по сыну. Даже тоска по Ибрагиму куда-то улетучилась. Хюррем улыбалась, глядя на эту встречу с затаенной тоской. И баш-кадина неожиданно подумала, что она до этого сильно недооценивала славянку.

Через пару минут, когда восторги от долгожданной встречи поутихли, Махидевран огляделась. Хюррем уже нигде не было.

— Она к конюшне пошла, — заметив взгляд матери, выпалил Мустафа. — А знаешь, мама, Хюррем хорошая!

От этих слов бедная мать чуть не выпала в осадок. Ей совершенно не нравились позитивные настроения сына по отношению к законной супруге султана. По ее планам, он должен был ее опасаться и тихо ненавидеть. Но сейчас она впервые подумала, что можно пойти и другим путем.

— Как вы общались в дороге? — неожиданно спросила она у сына. Мустафа помялся, потом серьезно ответил:

— Хюррем часто плакала, мама. Но не вслух, как все женщины — у нее просто слезы из глаз текли, а сама она делала вид, что все хорошо. И в окно смотрела все время.

— Может быть, она по Мехмеду скучает... — неловко предположила Махидевран. У нее почему-то возникло ощущение, что она сунула нос в чужое грязное белье.

— Нет, мама, дело не в Мехмедике. Может быть, из-за папы — он болен, и сильно, — чуть скривившись и явно сдерживая слезы, отозвался Мустафа.

Махидевран хотела уже кинуться к сыну и расспросить его, как вдруг из конюшни вылетел рыжий смерч.

Прекрасная арабская кобыла в белых чулочках — а на спине у нее всадник ... или все-таки всадница?

— О, Аллах! — пораженно застыла баш-кадина, приглядываясь. Юноша в темном костюме и брюках, с заплетенными в косу волосами, показался ей удивительно знакомым.

Среди ее знакомых мало было таких вот рыжих ... и наглых.

— Мое почтение! — хихикнула Хасеки, осаживая кобылу почти у самого носа Махидевран. — Не хочешь прокатиться? Там есть чудесные лошадки!

— Хюррем! Что за непотребство! — прижала ладони к щекам ошалевшая баш-кадина. — Да как ты додумалась одеть мужской наряд!

— Ты еще не видела, в каких нарядах я дома щеголяла, — неизвестно чему разулыбалась эта сумасшедшая. — А в этом удобнее в седле сидеть. Я по-дамски ездить не могу.

— Мне нельзя сейчас ездить верхом... — засомневалась Махидевран.

— Тогда в коляску? — уступчиво согласилась Хюррем, которой явно не терпелось покрасоваться перед кем-нибудь на красавице кобыле. Махидевран увидела молящие глаза сына и покорно вздохнула. Куда ей было деваться от этих двух сорванцов?!

Она и сама забыла, как это приятно — скакать на лошади наперегонки с ветром. Рыжая славянская ведьма вовремя напомнила ей о том, что жизнь состоит не только из постоянных склок и дворцовых интриг. Или она напоминала об этом себе?...

Глава 5.

Свежий воздух навевал странную тоску. Я сидела в саду и размышляла о том, как жить дальше. Стоило Ибрагиму узнать о моей беременности, как в нем проснулось вполне ожидаемое честолюбие. Он очень захотел увидеть своего сына (и почему нельзя предположить, что родится дочь?!) на троне Османов.

Мне лично после этого с ним стало просто противно общаться. Да, мы покуролесили — моя вина, сорвалась из-за долгого отсутствия нормальных сексуальных отношений.

Но с чего грек решил, что я с радостной рожей кинусь не только рога Сулейману наставлять, но и детишек от Великого визиря сажать на трон?

Вот это мне было очень интересно. Однако стоит признать — средневековая логика простому русскому человек из 21 века непонятна.

Рядом со мной на подушки опустилась слегка расплывшаяся в талии Махидевран. Судя по цвету лица, новая беременность давалась ей не особо легко.

— Хасеки Султан... — начала она.

— Опять за свое? — сдвинула я брови. — Кажется, мы уже договорились, что ты зовешь меня по имени.

— Хорошо, Хюррем.

— Я не Хюррем!

— А я не Махидевран, — слегка рыкнула на меня баш-кадина. — Но в данный момент мы те, кто мы есть. Вы — Великая султанша, которой Повелитель пожаловал титул Хасеки — Любимой Сердцу. Я — мать первого наследника, Мустафы.

— Тебя это не пугает? — неожиданно задала вопрос я. — Мы в первую очередь — женщины. Каждая со своим характером и личностью. То, что мы попали в этот дворец и достигли такого положения, не делает нас какими-то подобиями Бога на земле.

Махидевран пожала плечами и отказалась отвечать на этот вопрос. Либо ей нравилось нынешнее ее положение (по ее несчастным потухшим глазам этого не скажешь), либо просто не считала нужным вести философские беседы.

— Ты любишь Сулеймана? — задала я коварный вопрос. Махи чуть вздрогнула и ... отрицательно покачала головой. — Чудно. Везет султану, как утопленнику. Никто его не любит — кроме, может быть, валидэ.

— И она не любит, — чуть заметно усмехнулась Махи. — Ее любимым сыном была Муса. Ходят слухи, что он родился не от султана Селима...

Я вытаращила глазки и наострила ушки. Рука автоматически потянулась за лукумом, стоявшим на низком столике.

— А от кого тогда?

— Я не все знаю, Хюррем... Вроде бы, это был какой-то евнух.

Я подавилась лукумом и долго кашляла, пока Махидевран участливо не похлопала меня по спинке. — Она тоже женщина, но она страдала от невнимательности своего Повелителя. Ты наверняка слышала, что султан предпочитал мальчиков...

— Краем уха, — согласилась я. — Но в подробности не вдавалась.

— Из-за этого Хафса султан и заводила любовников, пыталась как-то компенсировать себе то, чего не получала от супруга.

— Вполне логично.

— Это ее право, — пожала плечами Махидевран. — Не будем осуждать. Но ... есть такая легенда, которую мне как-то рассказала еще в Манисе Дайе хатун...

Я вопросительно приподняла бровь.

— В тот день, когда Сулейман появился на свет, родила еще одна наложница... — задумчиво протянула Махидевран. Я насторожилась. — И у нее родилась мертвая девочка. Сразу после этого наложницу — звали ее, кажется, Ясмин-хатун, приказали казнить. Султан тогда был в походе.

— И?

— И у валидэ были очень тяжелые роды, и до этого она рожала одних девочек, — лукаво улыбнувшись, баш-кадина свернула разговор, оставив меня в растрепанных чувствах размышлять над сказанным. — Становится свежо, госпожа, пойдемте во дворец.

Я удивилась снова изменившемуся обращению, но через секунду мне стала понятна его причина. К нам направлялся Сулейман.

Который сейчас, по идее, должен быть в постельке и лечиться. Дома, в Топ-Капы. И что он здесь забыл, позвольте узнать?

— Махидевран, — кивком поприветствовал он старшую жену. — Хюррем, нам нужно поговорить.

— Да, мой Повелитель, — мне оставалось только изображать покорность и послушание. Баш-кадина поклонилась и направилась во дворец, мы же остались наедине.

Сулейман смотрел на меня то ли сердито, то ли расстроено — сразу и не поймешь.

— Повелитель? — осмелилась я нарушить повисшее грозное молчание.

— Почему ты уехала?

Откуда в его голосе столько боли?

— Мне нужно было отдохнуть, собраться с мыслями и подумать. Я устала сидеть в Золотой Клетке.

— Разве рядом со мной тебе плохо, Хюррем?

Мне очень не нравится ход султанских мыслей.

— Нет, мой Повелитель. Но иногда мне нужно побыть одной.

— Став султаншей, ты уже никогда не будешь одна.

— Это я уже поняла, — стиснув зубы и борясь с желанием сорваться и заорать, отозвалась я. — Я уже никогда не буду жить так, как привыкла, мой Повелитель.

— Ты совсем перестала звать меня по имени, Хюррем, — подойдя ко мне вплотную и приподняв мое лицо за подбородок, заявил Сулейман. Он тяжело дышал, на лбу была испарина. Кажется, кому-то пора в постель, а не шляться по Старым дворцам в поисках блудной жены. — Что произошло?

Я отодвинулась и неопределенно пожала плечами.

— Я стал тебе неприятен?

Язык чешется сказать, что никогда и не был. Но так ли оно на самом деле? Если бы он не был кровавым средневековым тираном и деспотом, познакомься мы в современности — разве меня не заинтересовал бы этот неисправимый романтик?

Я не хочу об этом думать. Мы не в современности.

Я крепко зажмурилась и на секунду ужасно захотела оказаться в своем мире, в своем времени...

Неожиданно мое тело пронизал безумная боль, волной хлынувшая с макушки до пяток. Я ощутила, что меня за рукав держат цепкие пальцы султана и нас обоих стремительно затягивает куда-то...

Глава 6.

Открыв глаза, я обнаружила себя в больничной палате, с капельницей в вене. Наверное, спустишься сейчас с небес ангелы и объяви меня новой Девой Марией, я бы и то удивилась меньше. Это был сон? Бред больного сознания? Почему-то я особо и не удивляюсь.

Но стоило мне повернуть голову вправо и заметить человека, лежавшего на соседней с моей койке, как ощущение ирреальности всего происходящего накатило на меня с новой силой. Потому что там лежал Сулейман. Бледный, но живой, и такой же бородато-усатый, как раньше.

— Что за мать твою, на хрен... — тихо выругалась я. И нажала на кнопку вызова медсестры.

Спустя полчаса я уже на своих ногах гуляла по отделению — пыталась прийти в себя, и как-то переварить всю полученную от медицинского персонала информацию. Оказалось, что я врезалась в фонарный столб по пути в офис, и у меня были травмы, практически не совместимые с жизнью. Но каким-то чудом они зажили. Провалилась я здесь около полугода. Была в коме. Меня планировали отключить от аппарата жизнеобеспечения — на этом активно настаивал Антон, который представился моим гражданским мужем.

Сегодня он должен будет прийти сюда. Вот так сюрпризик его ждет!

По поводу Сулеймана я узнала, что он был найден там же, на месте происшествия — его сочли водителем второй машины, врезавшейся в зад моей в момент аварии.

В общем, врачи для себя состряпали вполне удобоваримую версию, я же пока морально не готова их в ней разубеждать. И без того сейчас проблем будет уйма. Для начала, Сулика нужно разбудить. Потом — с Гондо... Антоном, пардон, разобраться.

Перекусив в больничной столовой, я вернулась обратно в палату и заметила, что султан уже дожидается меня вполне бодрый и веселый.

— Хюррем? — несколько озадаченно спросил он, приглядываясь ко мне. Сомнений не осталось — это точно был Сулейман. Но как я ухитрилась и сама вернуться в свое время, и его за собой утащить?!

Присев на кровать рядом с... а кто он мне теперь, кстати? ... я задумалась. Султан восторженно разглядывал мои светлые волосы. Было бы там на что смотреть — грязные, без укладки, во все стороны дыбом торчат. С моими буйными кудрями никогда особо сладу не было.

— Сулейман, — улыбнулась я. — Не называй меня Хюррем. Здесь я Александра.

— Здесь? — только тут султан сообразил оглядеться по сторонам. Вы бы видели его

лицо!!! — Куда мы попали?! Это все твое колдовство, Хюррем?! Тебя не просто так называли ведьмой?!!!

Стоит заметить, разговаривали мы на турецком.

— В таком тоне дома, в гареме будешь разговаривать! — рыкнула я. Султан заметно опешил. Такой он меня еще точно не видел — еще бы, там-то мне приходилось мнимую покорность изображать. Ну теперь ты узнаешь, что такое самодостаточная женщина, Сулик! — Я здесь оказалась потому, что меня собирались отключить от аппарата жизнеобеспечения! То есть я была на грани смерти в этом временном отрезке.

Тут я осеклась и задумалась. Если это сыграло свою роль для переноса... То почему ж тогда тут оказался Сулейман? М?

Рана? До того погано было, что концы отдавал — но все равно поперся за мной в Старый дворец?

Пока что это единственная версия происходящего.

Вздыхнув, я снова села на постель к обиженному донельзя султану и попыталась все объяснить как можно более понятно.

— Это колдовство, — надул губы он.

— Понятия не имею, что это, — вздохнула я. — Одно остается принять как данность — теперь ты в будущем, а я в своем времени. Расклад изменился. Зато увидишь много интересного! Можем позже с тобой съездить в Стамбул, посмотришь, как там сейчас все выглядит.

— Сегодня же поедem! Вели рабам подать повозку, Хюррем, и мое одеяние!

И только тут я поняла, что султану придется куда как сложнее, чем мне в гареме. Он-то фильмы типа «Пришельцы» не смотрел, про попаданцев не читал! И как ему теперь адаптироваться?

— А пойдем сперва покушаем? — проблеяла я, пытаюсь подобрать правильное слова и объяснить этому пеньку замшелому, что рабство уже лет сто как отменили. Да и повозки у нас... Ой, и плохо же ему станет при виде наших «повозок»...

— Хорошо. Хюррем, вели рабам нести еду! — чуть сдвинул бровки Сулейман, и я поняла, что откровенно попала.

И в этот момент, будто мало было мне султанских капризов, в палате нарисовался Антон.

— Саша-а? — ох, вы бы видели его морду. Побледнел до синевы, разве что трупными пятнами не пошел и вонять не начал. Но явно был к этому близок! — Как...я ...

— Как ты — что? — хищно оскалилась я, подступая к нему вплотную. Султан ревниво наблюдал за нами со своей койки, но пока не вмешивался. — Как ты НЕ рад меня видеть, ублюдок?

Медсестра, стоявшая на пороге, чуть вздрогнула и озадаченно взглянула на Антона. Тот менял цвета, словно новогодняя гирлянда-мигалка, но молчал. Пока молчал.

— Я очень рада, что мне рассказали о твоих поползновениях в мой адрес. О том, как ты настаивал на отключении меня от аппарата. Встретимся с тобой в суде, или мой муж тебе сразу морду набьет, дерьмо ты собачье? — на роль мужа я автоматом записала Сулеймана, который, впрочем, и не отмазывался. Перед Богом-то я ему была женой!

— Муж?! — глаза крысёнка полезли на лоб.

— Сулейман! — нежно позвала я. Турок вздрогнул и поднялся с кровати. — Можешь слегка (повторю, слегка!) придушить вот этого человека?

— Что он сделал тебе, моя Роза? — моментально включил инстинкт защитника Сулик.

— Убить хотел, вообще-то. Обманывал. Деньги выкачивал. И, не удивляюсь, если еще и за время моего коматоза в мой бизнес нос сунул, тварь паршивая.

Последней фразы султан не понял, но ему и первых двух хватило. Неуловимое перемещение — и горло Антона оказалось зажато в тиски сильных пальцев!

Медсестра пискнула и попыталась побежать за охраной, но я ее остановила.

— Не надо никого вызывать. Муж разберется с этим ублюдком, но ничего ему не сделает. Не переживайте. У нас тут свои разборки.

— Не положено...

— А мне срать, что у вас положено, а что нет! Положено было сюда пускать человека, который мне никто?! Положено его слушать было, что меня пора того, убирать?! — вызверилась я, как-то моментально превратившись в грозную султаншу, отчитывающую провинившуюся рабыню.

И девчонка это почувствовала.... Кинувшись извиняться. Я тряхнула головой и на минуту испугалась сама себя. Обернувшись же, я увидела Антона, кучкой валяющегося на полу, и брезгливо разглядывающего его Сулеймана.

— Он обмочился, — обличающе ткнул пальцем Падишах всего мира в компрометирующую лужицу, расплывающуюся под тушкой моего бывшего. Я хихикнула и, подойдя к Сулейману, от души его поцеловала в щеку. Как он зарделся-я...

И тут в палате появился доктор.

Глава 7.

Из больницы мы выписались с боем через пару дней. Сулейман никак не мог найти себе места — ему постоянно было неуютно в нашем времени. Впрочем, я отлично его понимала — сама через это прошла. Как ни странно, но такой — потерянный и откровенно несчастный, — султан нравился мне все больше и больше.

О Мехмеде я просто запретила себе думать — сердце начинала рвать непонятная мне самой тоска. Вроде бы я дома, на месте, наконец-то вернулась к привычной мне жизни — что не так?

Ответа на этот вопрос у меня не было.

— Этот мир странный, Хюррем, — задумчиво глядя в окно автомобиля, сказал Сулейман. Вид Москвы и многочисленных новостроек пугал его. — Где вы молитесь?

— У нас есть мечети. Если хочешь, завтра сходим туда.

— А как же намаз?!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ох ты ж е. Не видать мне покоя с этим товарищем — Хранителем веры. А я так надеялась хоть чуть-чуть отдохнуть от нудной обязанности вставать на моленный коврик по пять раз на дню. Видимо, не судьба.

Вспомнив, что коврика-то у меня дома и нет, я содрогнулась. Плакала моя мечта спокойно поваляться дома, после приготовления ужина, в пенной ванне. Придется искать мечеть и закупаться товарами для мусульман. Чтоб его.

— На намаз можно и дома вставать, — сжав зубки, фальшиво заулыбалась я. — Аллаху все равно, ему важно, чтобы ты молился вовремя, ведь так?!

Скрепя сердце, Сулейман со мной согласился. И снова уставился в окно, жадно

впитывая непривычные пейзажи.

— А где живет ваш король?

— У нас не король, а Президент. Где именно он живет, я точно не знаю — это секретная информация. Но у нас есть Кремль, вроде там какие-то важные заседания проходят. Когда-то Кремль и был таким дворцом для царей.

— Куремль... — по слогам выговорил непривычное слово Сулейман. — Занятно.

— Еще бы. И туда съездим.

Султан промолчал. Но судя по его грустному виду — было ему совсем не до Кремля и московских достопримечательностей. Он просто отчаянно хотел домой.

Моя квартира располагалась в районе Фили-Давыдково, недалеко от метро «Славянский бульвар». Припарковавшись на свободном пятачке у подъезда, я поманила за собой Сулеймана, недоверчиво рассматривающего обычный московский двор.

— Это что, сад? — брезгливо ткнув пальцем в детскую площадку и пару облезлых клумб, спросил он. Я пожала плечами и подтвердила его догадку. — Это не сад.

— Какой есть.

— Тебе нужно сменить садовника, Хюррем, а лучше — казнить его!

Меня просто распирало от смеха, но приходилось держать лицо. Хихикать над султаном Османов, пусть даже сейчас он обычный мужик по имени Сулейман, в открытую не стоило. Это было очень неумной идеей.

— Пойдем в дом.

— Это твой дворец? — поджав губки и оглядев девятиэтажный дом, процедил муженек. — Богато живешь...

Ох, как же мне хотелось рассмеяться!

— А где слуги?

Уже не хочется.

— Почему не встречают?

— Сулейма-ан! — слегка покрывшись румянцем от злости, рыкнула я. Султан тут же прижал ушки и испуганно посмотрел на свою Хасеки. — Все вопросы — когда будем дома, ладно?

— Но...

— Никаких «но»! — цапнув этого барана за рукав купленной наспех рубашки, я потащила его в лифт, мысленно представляя себе реакцию этого музейного экспоната на последние чудеса техники.

Описывать, как я заталкивала его в этот самый лифт, я не стану. Эту сцену достойно мог быть описать только автор, специализирующийся на самой низкопробной чернухе, я же себя к таковым не отношусь. Скажу только, что спустя десять минут, чудом миновав встречу с любопытными соседками, я втолкнула Сулеймана в свою квартиру.

В доме был ужасный бардак и повсюду валялись пустые бутылки. Эта тварь, Антоша, явно развлекался на моей площади в мое же отсутствие. Ну погоди, пообщаемся мы с тобой в суде, дружочек! Не дай Аллах, у меня хоть что-то из вещей пропало — за каждую в десять раз заплатишь! Можете считать меня жадной корыстной стервой, но уж какая есть!

— Это твои покои? — оглядываясь, слегка испуганно поинтересовался султан. Я молча показала ему на гостиную. — А мои где?

— Так, дай-ка я вдохну и выдохну, муж любезный, а потом все тебе объясню. Хорошо? — я уже рычала. Потом увидела глаза Сулеймана, несчастные как у побитой

собаки, и мгновенно пришла в себя. Хватит пользоваться тем, что роли поменялись, Саша. Да, раньше ты зависела от него во всем. Теперь он от тебя. И что, это повод отыгрываться на человеке?

Мой злобный внутренний голосок ехидно заметил, что еще какой повод — он-то на мне срывался, когда только душа желала! Но я быстро подавила в себе эти настроения, решив, что буду добра и всепрощающа.

Святая Александра, етить ее мать.

Растолковав печальному Сулейману, как мы живем в современном мире, и что вот эти «скромные» пятикомнатные апартаменты считаются престижной площадью, а на дворец я себе пока не заработала, я отправила его отдыхать, а сама пошла к телефону — вызывать домработницу. Смотреть на устроенный Антошенькой срач не было никаких сил. А убрать все это в одиночку просто нереально.

Посмотрев в холодильник, я с грустью поняла, что придется ехать в ближайший «Перекресток». Домработница клятвенно обещала появиться через полчаса, так что после этого я смогу отсюда вырваться. Вот только как с Сулейманом быть?

Сулейман тихо сидел там, куда я его послала — то бишь в гостиной на моем любимом диванчике. Даже руки на коленках как примерный школьник сложил. При виде меня слегка оживился:

— Хюррем!

— Я вызвала служанку, скоро она придет, после этого нужно отправиться за покупками, — устало сообщила я, присев рядом. — Поедешь со мной, или поспишь пока?

— Лучше с тобой. А почему слуги не могут принести еду с базара?

— Потому что у нас так не принято. В принципе, могут, но я привыкла сама покупать себе продукты. Ужин я тоже буду готовить сама.

Глаза султана медленно ползли на лоб.

— Хюррем, ты же Хасеки! Тебе не пристало возиться на кухне, как обычной крестьянке!

— Мы уже не в 16 веке, — улыбнулась я. — И потом, разве тебе не хочется узнать, как готовит твоя жена?

Пару минут поразмышляв, Сулейман согласился, что очень даже хочется. На том и порешили.

Дождавшись прихода Раисы, которая сперва попыталась завалить меня вопросами, куда же это я так надолго пропала, но увидевшей мужика и притихшей, мы направились за покупками.

На переднее пассажирское сидение султан садился уже с гордой уверенностью, что это место ему принадлежит по праву. А я втихаря надеялась, что авось привыкнет и освоится. Потом на работу его к себе пристрою, как только русский выучит...

Но пока это были мечты, а мечтать, как известно, не вредно.

На дворе стояла поздняя, но удивительно теплая осень. Я приоткрыла окно и с наслаждением вдохнула такой привычный и родной... смог. Закашлялась, опешила и поспешила закрыть окно обратно. Да, это тебе не прогулки в Эдирне совершать!

Перед глазами встали смеющийся Мустафа, мой сынок на руках у Гюльнихаль-хатун и округлившаяся в талии Махидевран.

И как там валидэ, что с ней?

Тряхнув головой, я отогнала навязчивые мысли. Я не знаю, как вернуться обратно! Да и

не получится это, скорее всего. Поэтому — не думай об этом, Саша, не травми себе душу.

— Ты печальна, моя Роза, — пронизательный ты мой. Помолчать не мог?! — Что тебя гнетет?

— Я скучаю, Сулейман... — вздохнув, призналась я. По кому — уточнять не требовалось.

— Я тоже. Но раз волей Аллаха я попал в твоё время, значит, для чего-то это нужно, так?

Мне бы его уверенность.

Пока мы ехали, я пребывала в задумчивом молчании, всё яснее осознавая — там, в Стамбуле 16 века, во дворце Топ-Капы осталась моя семья. Моя новая семья, которую я не воспринимала таковой, пока не очутилась здесь, в Москве 21 века, в своём доме и на привычном мне месте.

И знаете, что?

Я хочу вернуться!

Глава 8.

Дни текли за днями, но ничего особого не происходило. Сулейман в основном был дома или ходил в мечеть — благо, что от моего дома до неё можно было добраться за полчаса пешей прогулки. Это мне лениво было топать на такие расстояния своими ножками, а тренированному воину — тьфу и растереть.

Я же пропадала в офисе, пытаюсь спасти то, что осталось от моего бизнеса. Кое-как получалось.

Спали мы в разных комнатах и, на удивление, султан даже не делал поползновений в мою сторону. Было как-то обидно. Поэтому я затаилась и решила устроить на выходных муженьку коварную месть. Это он считал свой гарем рассадником девиц лёгкого поведения?

А наши стриптиз-клубы тебе как понравятся, милый?!

Одна мысль о том, как будет реагировать Сулик на наших девочек-стриптизерш, вызывала гадостную улыбочку на моем осунувшемся от усталости лице. Упускать такую эксклюзивную возможность поиздеваться над Суликом я упускать определённо была не намерена.

Сегодня была суббота и мне наконец-то не нужно было с утра пораньше свистеть в офис с вытаращенными глазами. С удовольствием проспав аж до полудня, я лениво встала и поплелась в ванную — сонная, лохматая и не накрашенная. И наткнулась на кого-то, не удержавшегося лёгкий испуганный вскрик.

Ну, конечно. Сулейман, кому тут ещё тусоваться.

— Хюррем? — не признал с испугу. До этого-то он меня только при полном параде лицезреть изволил. Хи-хи.

— Я, — слегка отпихивая его от входа в ванную, пробурчала я. — Свари кофе, милый, я тебе показывала, как.

Приняв ошарашенное молчание за знак согласия, я просочилась в санузел и поплотнее прикрыла за собой дверь, еле сдерживаясь, чтобы не захихикать.

Вот вы представляете, какое для него это унижение?! Бабе кофе варить! Собственными холёными ручками! Упаси Аллах от такого безобразия и султана, и всех мужиков-шовинистов разом...

Когда коса находит на камень — то есть феминистка встречается со средневековым

шовинистом, и более того — начинает с ним жить, — это как минимум интересно.

В ванной я планировала зависнуть на часик, как минимум. Во-первых, досыпать в горячей ароматной воде приятно.

Во-вторых, масочки всякие поделать, для волос там, для пяточек, шугаринг домашний сварганить, опять же...

Как и любой водный знак Зодиака, я могу пропадать в ванной или любом другом водоеме вечно. Султан, который в своей обычной жизни был занят кучей государственных и личных дел, как-то обычно забивал болт, не задумываясь, чем я занята все дни. А теперь мой распорядок дня его здорово нервировал. По его мнению, мыться дольше пяти минут было вообще кощунством, когда он там скучал в одиночестве.

Но когда он впервые попробовал об этом заикнуться...

Наверное, я тогда погорячилась. Не стоило рвать, что я работаю для того, чтобы прокормить его и себя, и имею право отдыхать так, как считаю нужным, и столько, сколько считаю нужным. Он со мной потом три дня не разговаривал. Потом напросился съездить в офис, посидеть, посмотреть, как я работаю.

Я не отказала. Посмотрел. Пришел в дикий ужас и с тех пор обходит меня по кривой, видимо из страха перед умными женщинами. А может, слова «скоринг» и «андеррайтинг» принял за начало какого-нибудь заклинания, навечно лишаящего всяких султанов мужской силы.

С тех пор вопросов, как я провожу свое время, больше не возникало.

Через пару дней я неожиданно поняла, какая я сволочь. Бросаю бедного Сулика одного, ему скучно и некуда себя приткнуть. Притащила ему кучу книг на турецком, включая исторические, и скачала с Turkcinema «Великолепный век» в родном переводе. Султан залип у телевизора надолго и быстро научился щелкать пультом, переключая серии. Я торжествовала.

Экранный султан ему определенно понравился. Хюррем, роль которой исполняла всем известная Узерли, он обозвал сладким, но СТАРЫМ, персиком. Уточнил, сколько внуков у актрисы. Для него ее тридцать лет были уже глубокой старостью, как оказалось.

Я не нашла, что ответить на его пассаж о том, что будь она реально его наложницей, ей бы уже давно куковать в Шатре стареющих женщин. Правда, не нашла.

Начиная с пятой серии, Сулейман начал грязно ругаться в адрес сценаристов сериала, который внаглую переврали множество исторических событий. Я было попыталась ему объяснить, что значит — «снимать по мотивам», но потом поняла, что не в данном случае. Слишком уж личная для него тема.

Но смотреть сериал он не перестал. Прерывался только на то, чтобы сбежать в мечеть помолиться. Тамошний имам от него был в полном восторге — давненько ему в Москве настолько правоверные не попадались. А Сулейману повезло, что имам знал азербайджанский язык — и его турецкий понимал весьма неплохо. У него наконец-то появился еще один собеседник, кроме меня. Хвала Аллаху, султану пока хватало ума дискутировать со своим новым другом только на тему веры, не затрагивая другие вопросы. Я как-то со скуки смоталась с ним в эту чудо-мечеть, получила полный про...здон за то, что не блюду заветов Пророка, озлилась и высказала этому перцу все, что о нем и его долбанной во все дыры вере думаю. Ну, достали меня. Больше мы туда вдвоем не ездили.

Сегодня после ванной у меня был намечен поход по магазинам с целью глобальной закупки гардероба. И себе, и Сулейману, который так и ходил в двух сменных рубашках,

купленных ему мной впопыхах в Ашане. Но не жаловался. Мне же стало стыдно и я решила одеть и обуть муженька с ног до головы, чтобы в люди не стыдно было вывести.

Наконец, я окончательно привела себя в порядок, неспешно уложила волосы, нанесла легкий дневной макияж, опробовав давно желанные «кукольные глазки». Полюбовалась результатом, добавила немного хайлайтера на скулы и блеска на губы. Одеда свитер и обтягивающие кожаные штанишки, сбрызнулась любимыми духами и соизволила наконец-то выползти на кухню.

Сулейман пытался откусить кусок от силиконового персика, утащенного из корзины с фруктами, купленными для украшения.

— Плюнь бяку, отравишься, — мило посоветовала я. Ох, зря я это сказала!

— Почему в твоём доме есть отравы, Хюррем?!

Вот опять он на меня голос повышает!

— Потому что ты, как всегда, неправильно меня понял! — вызверилась я. — Не ссы, Михалыч, я Дубровский! Отравы — не в смысле яд. В том смысле, что это несъедобно, он сделан из силикона!

Султан слегка покраснел и отложил злосчастный персик с отчетливыми следами зубов в корзиночку. Ишь ты, бобер нашелся — грыз, старался. А я у него кусок изо рта вырываю. Сволочь какая.

— держи, — достав из холодильника турецкие мандарины, щедро предложила я. — И где мой кофе?

— Я забыл, как его делать, — без тени вины в голосе отозвался Сулейман. Вот же сцука, а. Забыл он, ждите. — Покажи еще раз.

Я молча, скрипя зубами от ярости, сняла с крючка турку и засыпала в нее три чайные ложки кофе. Поставила на огонь, чуть прогрела, кинула специи и долила воды. Через две минуты шапка пены начала подниматься над краями турки.

— Не пора выключать? — наблюдая за ней, вякнул «забывчивый» Сулик.

Боги, подскажите — как мне удержаться и не прибить этого гада?!

Выключив кофе и наскоро разлив его на две чашки, я молча вышла на балкон с сигаретой. Вот то, чего мне действительно не хватало в 16 веке — моих любимых сигарет с ментолом!

По поводу того, что я курю, Сулик почему-то высказываться не пытался. Даже странно как-то. А как же вопли о запахе табака? О вреде здоровью и желтом налете на зубах?

— Предлагаю поехать вечером в клуб, отдохнуть, — выйдя с балкона и перестав изрыгать пламя, сказала я. Сулейман согласно пожал плечами. — Но сперва мы едем за одеждой. Жду тебя через пять минут у двери полностью одетым.

Ослушаться он не посмел.

Глава 9.

Описывать наш поход по магазинам не вижу особого смысла — скажу только, что я наконец-то добралась до давно желанного магазина с эротическим бельем. Прибарахлившись, я была довольна, как слон. И в тот момент, когда я затаскивала тяжеленные сумки с покупками в лифт (думаете, Сулейман мне помог? Ха-ха!), мне позвонил ... о как. Мой хороший друг и бывший любовник Игорь, который обычно живет в Питере и изредка навещается в Москву. И что ему надо?

— Привет, солнышко, — раздался до отвращения слащавый голосок блондина. — Как поживаешь?

— Лучше всех, — довольно неприветливо отозвалась я, злясь на весь свет. Сумки реально были тяжелыми, а просить Сулика о помощи у меня язык не повернулся. — Что ты хотел?

— Приглашаю встретиться вечером, потусить.

— Без проблем. Где?

Договорившись о месте встречи, мы распрощались. Сулейман вопросительно смотрел на меня, ожидая пояснений.

Давать их ему я совершенно не была намерена — меня все еще колотило от злости. Помочь женщине руки бы оборвались?! Или как?! Или для него это позор — сумки тяжелые носить?! Или снова сейчас начнет мне предлагать купить побольше рабынь?!

Дебил средневековый!

Моя злость никак не желала угасить и я начала подозревать, что недалеко приход ненавистных «красных дней». Обычно именно во время ПМС я превращаюсь в бешеного дракона, способного загрызть за недостаточно ровно положенную салфетку.

А может быть, дело в том, что я как-то странно чувствую себя дома. Словно бы не на своем месте. Не хочу в этом признаваться, но я страшно скучаю по Топ-Капы и тем дворцовым интригам, красивой одежде и возможности спокойно читать, не задумываясь о необходимости добывать деньги на пропитание. Если там я была Женщиной с большой буквы, то здесь...

Мы вошли в квартиру, а я все еще пребывала в прострации. Ехать куда-то и уж тем более встречаться с Тарасом мне уже совсем не хотелось.

— Сулейман? — сорвалось у меня с языка, прежде чем я успела его прикусить.

— Что, моя Роза? — скучающе отозвался султан всего мира.

— Как нам вернуться?

Будто только этого и ждал!

Хотя, вполне возможно, что и ждал.

— Ты правда хочешь вернуться домой? — стоило бы сказать, что мой дом здесь. Но язык почему-то не поворачивается.

— Да...

В ответ Сулейман рысцей сбегал в свою комнату и принес какой-то пузырек.

— Это что?! — вытаращилась я на него, объятая священным ужасом.

— Это яд, — спокойно отозвался он. — Медленного действия.

— Где ты его достал?!

Султан уклонился от ответа, и я подумала, что с имамом они, видимо, не только о вере беседовали. Но поднимать эту тему не стала.

— И что ты предлагаешь?

— Выпив его, мы еще какое-то время не умрем. Будем на грани смерти, как ты в прошлый раз.

Оказывается, он тут уже все замечательно продумал, а меня даже не соизволил поставить в известность! Чего ждал, спрашивается? Почему не выпил его сам — давно бы уже вернулся домой! Зачем ему я?

Этот вопрос почему-то волновал больше всего.

— Почему ты не выпил его один? — тихо спросила я. Сулейман заалел щеками и сделал

вид, что не услышал вопроса. — Почему ты хочешь, чтобы мы вернулись вместе? Я не из твоего мира, не из твоего времени. Мне тяжело там почти так же, как и тебе здесь.

— Мне так не показалось, — усмехнулся турок. — Скорее — только там ты на месте. Здесь у тебя нет той власти, о которой ты мечтаешь, Хюррем. Здесь ты не султанша. Ты сама готовишь и ходишь на базар. У тебя нет слуг. Тебе никто не поклоняется. Люди, которые работают на тебя — не рабы, они не боятся и не уважают. У ваших людей только один Бог и Султан — это деньги. Они на них помешались.

Я молчала, не зная, что ему возразить.

— С твоим разумом, твоими знаниями — ты можешь стать настоящей Властительницей мира. И там остался твой (наш!) сын.

Вот этим он меня добил. Мехмед снился мне почти каждую ночь, и каждый раз я просыпалась вся в слезах.

— Убедил... — отставив в сторону покупки, я присела на диван и внимательно посмотрела на своего господина и Повелителя. — И каков твой план?

Договорились мы полюбовно. Через два дня, когда я улажу все дела здесь, мы на пару примем яд и отправимся в Стамбул 16 века. Или просто откинем копытца. Второе пугало, но в Стамбул мне хотелось почему-то больше. И я пошла готовить ужин, предварительно созвонившись с Тарасом и отменив встречу. Ехать мне уже никуда не хотелось, а последние деньки дома нужно было провести с пользой.

В тот момент, когда я, грязно ругаясь, пыталась сладить с упрямой курицей, равномерно подгорающей вместо того, чтобы прожариваться, сзади меня осторожно обняли.

— Меня снедает иной голод, Хюррем Султан моя... — тихо прошептал мне на ушко султан, щекотнув ухо усами. Я вздрогнула. Он случайным образом попал на мою самую эрогенную зону.

Курица сгорела к чертовой матери, но нам было все равно. Мы самозабвенно целовались, забыв обо всем на свете. Губы султана накрыли мои, покусывая, лаская, изучая и заставляя подчиниться, раствориться в своем мужчине...

Мои руки непроизвольно начали стягивать с него одежду, но Сулейман слегка меня оттолкнул.

— Нет, моя Роза. Сперва мы оба совершим омовение, я сделаю тебе массаж, а затем...

Мои вытаращенные глаза явно его рассмешили. До каких еще книг он тут успел добраться в мое отсутствие?! Глаза султана смеялись. Мое жадное нетерпение ему, видимо, пришлось по нраву. Плюнув на все и напомним себе, что мы пока еще не в гареме, я сама припала к нему с жадным поцелуем.

— В спальню... — попытался остановить меня Сулейман минут через пять.

— И здесь сойдет, — прорычала я, стаскивая с него футболку.

— Как? — искренне поразился он.

— Я тебе покажу, как...

До спальни мы добрались часа через полтора, и с энтузиазмом, поразившим меня саму, продолжили там начатое.

Утром следующего дня я проснулась в изумительно прекрасном настроении. Хотелось танцевать и распевать песенки Кати Лель про "муси-пуси" и "джагу-джагу". Вспомнив события вчерашнего вечера и ночи, я слегка покраснела. Да, зажгли мы знатно... Честно говоря, не ожидала такого от Сулика. Он тут отдохнул, накопил сил и с энтузиазмом бросился в бой. Вы не поверите, но вчера он решился даже на куннилингус! Да так

разохохотился... Впрочем, это уже лишние подробности. Но думаю, теперь проблем с этим у него не будет. С кухни доносился чудесный аромат свежесваренного кофе. В спальню заглянул голый Сулейман:

— Ты уже проснулась, elmas benim?

Своим бриллиантом меня давно уже никто не называл и я заалела, как юная девочка, переспавшая с давно обожаемым ей преподавателем.

— Я сварил тебе кофе, жена моя... — опустившись рядом со мной в кровать и пожирая мою неприкрытую одеялом грудь взглядом, прошептал Сулейман. Через секунду я ощутила на своих губах нежный поцелуй. — Пойдем, дорогая...

Как меняет мужчин факт неоднократного женского оргазма, ты посмотри-ка! И дорогая, и бриллиант... А, ну хватит уже занудствовать, Сашка! Наслаждайся моментом, скоро все может измениться. Дома он снова будет султаном, а не только влюбленным мужчиной.

А в том, что Сулейман влюблен, я уже не сомневалась. Страшно было другое — кажется, я сама начала в него влюбляться...

Глава 10.

День мы провели, нежась в кровати, и прерываясь только на секс. Или наоборот? Занимались сексом, прерываясь только на то, чтобы понежиться и еще сходить в ванную? А, неважно.

Главное — что мало говорили и не раздражали друг друга. Сулейман словно бы вознамерился наверстать упущенное ранее, и теперь щедро возмещал мои старания в плане минета и прочих маленьких гаремных радостей. А я была только «за».

Но и у него наконец-то кончились силы. Теперь лежит рядом, уткнувшись носом мне в плечо, и забавно посапывает. Притомился, бедный. Я со вздохом погладила османского султана, и, по совместительству — своего Аллахом данного мужа, — по макушке. И задумалась. Совсем скоро мы вернемся в империю. А что будет там?

Он снова изменится, став привычным мне угрюмым и властным султаном, Падишахом с большой буквы? Тенью Аллаха на земле, чьи приказания исполняются незамедлительно, а неповиновение карается смертью?

Очень вероятно.

Так не лучше ли мне в таком случае остаться тут?

Сулейман, словно прочитав мои мысли, притянул меня к себе, сонно пробормотав во сне:

— Хасеки моя...

Хасеки. А ведь я раньше и не задумывалась особо, что титул «Хасеки» — это не только повод чуть более вольно общаться с валидэ и баш-кадиной. Что это реальная власть — и уважение, и почет османского народа. Для них я вторая после валидэ, а она в свою очередь — вторая после самого султана. Политика такая.

А к политике у меня на удивление проснулся вкус.

Вот если бы только он дал мне волю! Сидеть в гареме под чадрой (И откуда этот бред про чадры, в гареме все у всех открыто, туда заходить имеют право только Сулейман и евнухи!) мне претит! Просто рожать детей одного за другим и воспитывать их могут и другие наложницу. Я же отупею от такой жизни!

Или прикажете для развлечения за спиной у Сулеймана продолжить шашни с Ибрагимом крутить? Ни за что. Хватит с меня измен, я себя до сих пор как будто в навозе искупавшейся чувствую.

Не выдержав кипения мыслей, я тихонько поднялась с кровати, прикрыла Сулеймана одеялом и отправилась покурить на балкон. Мои вредные привычки — это неотъемлемая часть меня, что уж тут поделаешь. И бросить пыталась неоднократно, но толку было чуть. Зато почти докатилась до убийства в период ломки. Но это другая история, и о ней как-нибудь в другой раз.

За окном уже занимался рассвет. Я задумчиво сделала первую затяжку, отпила глоток свежесваренного кофе и погрузилась в свои мысли. Похоже, перед планируемым возвращением нам с Сулейманом нужно серьезно поговорить.

Да, таким, какой он сейчас, он мне нравится. Более того, с него слетела вся эта шелуха в виде султанских замашек (ну, почти) и он вполне нормальный адекватный мужчина. Пожил бы здесь с годик — и я бы не раздумывая пошла за него замуж, как за своего современника. Он правда хороший мужчина и хороший муж. От такого хочешь иметь детей, такому хочешь рожать... тьфу, варить!! ... борщи.

Борщи рожать. На последней мысли я глумливо хихикнула.

Кто ж виноват, что борщи я именно «рожаю», и каждый раз — в муках? Ну не дается мне именно этот супчик, и все тут.

В общем, Сулик — самый настоящий brutальный самЭц, из серии «Дубиной по голове, и за волосы в пещеру». Чего греха таить, большинству женщин именно такие и нужны. И я — не исключение.

Вот только вот есть проблемка. Brutальный-то он brutальный, да только я расслабляться и целыми днями курить кальян и кушать лукун не хочу. И рожать конвейерным методом — тоже. Мне очень нравится ходить в дорогуших украшениях и красивой одежде, нравится наряжаться (да покажите мне ту женщину, которой не понравилось бы!), но вот свобода воли и возможность куда-то свои умения и мозги применить для меня важнее всего.

Самореализация. Гребаная самореализация. В детях и подчинении супругу я себя точно не обрету, уже проверено. И не стоит даже пробовать.

Здесь у меня есть свое дело, жилье и доход. Мужика, правда, нет. Но при желании организовать это — не проблема. Было бы время. Тем более, что некоторые свои приоритеты в отношениях я пересмотрела и готова в корне изменить свой подход.

А в гареме что? Кто я там? Мать шехзаде Мехмеда? Законная жена султана? Будущая валидэ? Спасибо, благодаря «Википедии» в курсе, что не доживу. Вместо меня валидэ по факту станет моя дочь (которая еще даже не родилась, и вообще в проекте).

Я отбросила догоревший окурок, и потянулась за новой сигаретой. На плечи мне неожиданно легли теплые и тяжелые ладони.

— Хюррем, что тебя гнетет, роза моя? — султан потерялся о мое плечо щекой, как кот. Я мурлыкнула и неожиданно выложила ему краткую версию последних своих размышлений.

Взгляд Сулеймана переменился, передо мной снова стоял грозный Падишах всего мира, а не просто влюбленный мужчина.

— Хасеки — это не должность, это титул, Хюррем. «Милая сердцу». Он показывает твой высокий статус в гареме. Не в жизни, не среди обычных людей. Наши женщины не лезут в политику.

— Ах, не лезу-ут?! — истерически засмеялась я. — Не лезут?!!

— Приведи пример!

— Пример будет из будущего, Сулейман! Следующей после меня знаменитой султаншей станет Нурбану Султан, жена нашего будущего сына Селима, следом после нее — Сафийе, венецианская наложница, затем — Махпейкер Кёсем Султан, четырежды становившаяся валидэ империи!

Глаза Сулеймана чуть из орбит не выпали.

— А пойдем-ка, я тебе почитаю, что об этом писали наши историки, пойдем!

Пошел. Сел рядом со мной у компьютера и с вытаращенными глазами слушал, слушал...

— Это безумство! — под конец не выдержал и взревел султан. — Их делом было детей рожать, а они... перевороты, ставили и снимали визирей и пашей... А эта Кёсем?!! Да где такое видано?!

— Родоначалницей эпохи «женского султаната» однозначно называют одну-единственную султаншу, — пожала плечами я.

— Кто эта неверная?!!!! — заревел раненым бизоном Сулик. Я скромно улыбнулась и похлопала ресничками. — Кто?!!

— Хасеки Хюррем Султан.

От моего ответа он побелел, как свежевыстиранная простыня. А что ты ждал, милый? Что я лгать тебе стану? Не стану. Говорю как есть, честно и открыто. Радуйся еще, что не вру. Могла бы ведь и промолчать, ты же все равно по-русски не читаешь.

Минут через пять Сулейман нарушил повисшее в комнате молчание.

— Мне нужно побыть одному, Хюррем. И все обдумать.

— Хорошо, — пожала я плечами. — Я пойду в другую спальню.

Поднявшись с компьютерного кресла, я вышла из комнаты. Сулейман остался сидеть грустный и опечаленный.

Глава 11.

Проснувшись я сильно после обеда — за окном уже начинали сгущаться сумерки. В квартире стояла звонкая и какая-то пронзительная тишина. Меня насторожило это, и, поднявшись с постели, я пошла искать Сулеймана. Его нигде не оказалось.

Слегка обеспокоившись, я вспомнила о его любви к походам в мечеть и решила просто немного подождать. Сварила себе кофе, приняла ванную, перекусила на скорую руку и от нечего делать занялась уборкой.

Прошло три часа, но Сулейман все не появлялся. Меня начало потихоньку потряхивать. Ну не может же он столько времени в мечети пропадать?!

Наскоро одевшись, и схватив ключи от машины, я рванула искать блудного султана.

По закону подлости, в мечети он сегодня даже не появлялся. Подвергнувшись очередному остракизму от иммама, и высказав ему в сердцах все, что я думаю о мусульманах и их религии, я помчалась обратно домой.

Что же делать?! Куда он мог уйти?! Он никого не знает в городе, у него нет денег!

По пути я чуть было не попала в две аварии, и из машины выползла на трясущихся ногах. В тайной надежде открыла дверь в квартиру... Но надежды не оправдались. Сулеймана все еще не было.

А что, если... Я похолодела. Но ведь тогда должно было остаться его тело? Или нет?!

Где тот распроклятый яд?!! Я ведь даже не знаю, где он его хранил!

В ужасе я опустилась прямо на пол и сдавленно застонала.

— О Аллах... за что ты посылаешь мне эти испытания? — вырвалось из меня автоматически. Почему я обращаюсь к Нему? Я же не верю в Бога!

Добравшись до кухни, я открыла холодильник и вытащила початую бутылку красного вина. Нажрусь сейчас вдребадан, и плевать мне на бросившего меня тут одну султана!

После двух стаканов полусладкого меня потянуло на пьяную жалость к себе. Значит, вот так, да? Шовинист замшелый! Чтоб ему скончаться в момент оргазма на одной из наложниц! Значит, меня можно угробить, просто посадив в гареме под чадрой — а в политику ты что, ни-ни, как можно?! Значит, его мамочке воротить великие дела — можно! Махидевран гаремные интриги строить — можно! А мне ему помочь в управлении государством — нельзя!!

Сволочь, мерзавец, ненавижу!!! А как клялся в любви, как клялся... Все они одинаковые, одним миром мазаны — когда припрет потрахаться, так золотые горы и луну с неба пообещают, а как что-то реальное — так ШИШ! И я еще как будто бы виновата в том, что Александра настоящая когда-то почти шесть веков назад полезла во власть!!

А там ведь остался мой сын... Родной сын, которого здесь я никогда не смогу родить. И он никогда меня не узнает, не узнает, что у него была мать, что она очень сильно его любила...

Уронив голову на руки, я завывала в голос.

Доплакавшись почти до обезвоживания, я отхлебнула еще глоточек вина прямо из бутылки и приняла решение травиться прямо сейчас. Да хотя бы для того, чтобы этой сволочи бороду выдрать — и не постесняюсь это сделать при всех гаремных жителях! Даже при его маме — не постесняюсь!! Будет знать, как русским девушкам в любви клясться, турецкий прохиндей!!

А чем я буду травиться, э?...

Куда лезет человек, чтобы узнать то, чего не знает? Правильно — в Гугл! Гугл знает все. Главное — правильно формулировать вопросы.

Спустя полчаса у меня в руках оказалось написанное на бумажке название лекарства для сердечников, которое при пятикратном превышении дозы способно гарантированно вызвать кому. С сожалением отставив свою верную бутыл (там и вина-то оставалось на доньшке...), я поскакала в круглосуточную аптеку.

С боем, но таблеточки мне продали, предварительно с подозрением приняв их. Я как ни в чем не бывало дожевывала мятный «Орбит» и делала вид, что винный перегар и я — две вещи несовместные.

Заполучив несправедным путем вожаденные таблетки, я рысью вернулась домой. Напечатала смс-ку своему заместителю, сказав, что оставляю дела на него на неопределенный срок, дела требуют срочного отъезда из Москвы. Домработнице велела не появляться неделю, мол, у меня отпуск, ее услуги пока не нужны, мы вылетаем ночным рейсом, деньги за работу я ей сейчас переведу. Перевела обещанные деньги, достала таблетки, отсчитала нужное количество и проглотила их, запив остатками вина.

— Ну, Сулейманчик, жди... Недолго тебе радоваться жизни осталось... — заплетающимся языком пробормотала я, ощущая, как сердце потихоньку сбивается с ритма.

Спустя пять минут, пережив целую гамму невообразимых предсмертных ощущений, я погрузилась в темноту и уже не услышала, как кто-то отпер дверь в квартиру ключом...

— Госпожа!!! — стоило мне открыть глаза, как я увидела сияющую Гюльнихаль Хатун. — Вы очнулись!!! Хвала Аллаху!!

— Хвала, хвала... — вяло пробормотала я, еще толком ничего не соображая. Одно мои полумертвые мозги уяснили — я все-таки попала, куда хотела. Назад теперь дороги нет. Если только еще раз, здесь, отравиться не надумаю. — А где... Повелитель?

Неожиданно девушка замаялась. Что такое?

— Хатун?! — от моего рыка язык у нее все-таки развязался.

— Повелитель при смерти, госпожа... Вас отравили одним ядом, но он еще не пришел в себя... лекари надеются только на волю Всевышнего... — на глазах Гюльнихаль блеснули слезы. А я резко села и ...

Как это — не пришел в себя?! А где он тогда?!!! Куда сбежала эта бородатая скотина, из-за которой я сама решила отравиться, лишь бы попасть во времена османской империи?!!

Вдохнула, выдохнула и попыталась успокоиться. Ну и леший с ним. Найдется — сам отравится, вот тогда и побалакаем. А я сына видеть хочу!

— Где мой львенок? — откуда у меня эти противные интонации? Не иначе, от Сулика нахваталась. Гюльнихаль пискнула, что Мехмед у кормилицы и она сейчас же его принесет.

Я милостиво кивнула и запросила еды.

— Госпожа, сперва вас должен осмотреть лекарь!

— Я сказала — есть хочу!!

Это на меня так клиническая смерть повлияла, не обращайтесь внимания. Вот сейчас я покушаю, успокоюсь, увижу сыночка — и сразу стану прежней, вежливой до приторности султаншей.

Спустя полчаса я, наевшаяся и довольная, баюкала сына, убеждаясь, что не зря пошла на этот шаг. Ну его к лешему, этот бизнес, и Сулеймана с его властью туда же, здесь — мой ребенок! И это самое главное, что может быть.

Лекаря осматривала меня вдумчиво, но под конец сообщила, что угрозы здоровью нет. Посоветовала ближайšie пару дней больше отдыхать и усиленно питаться. И как-то так странно мне подмигнула. Я не обратила на это внимания.

В мои покои за следующие два часа набился весь царственный состав гарема: Хати, валидэ в траурной одежде, Шах-и-Хубан, которая приехала навестить маму, Гюльфем и даже пузатая, как пузырь, Махи. Все искренне радовались моему исцелению и по обычаю завалили меня подарками. Против подарков я не возражала. Вдоволь натешкавшись с сыном, я отдала его няне и попросила отвести меня к Сулейману.

Может, я слегка и успокоилась, но бороду ему тишком повыдирать, пока никто не видит — моя святая обязанность!

Или я — не Хасеки Хюррем Султан!

Глава 12.

За пару дней до пробуждения Роксоланы...

Топ-Капы пребывал в состоянии траура, что вполне естественно. Махидевран ходила, скрестив пальцы и втайне молясь Аллаху о том, чтобы ее шехзаде стал следующим султаном.

Кто бы ее стал за это винить? Слишком долго гордая черкешенка прожила, унижаясь и склоняя голову перед каждой особой султанской крови. И теперь ее сердце жаждало справедливости.

Единственной преградой на пути к счастью могла стать только Хасеки. Втайне Махидевран молила Всевышнего, чтобы рыжая девчонка просто не очнулась, и тогда у нее не было бы проблем в будущем. Она не увидела бы, как удавят ее сына, не стала бы мучиться. Ее бы не сослали в Старый дворец.

Положа руку на сердце, Махидевран не желала избавляться от рыжеволосой соперницы, но закон есть закон, и порядки не стоит нарушать. Она бы оставила ее в гареме и даже приблизила к себе — уж больно ее привлекал ум Хасеки. Но....

Печально вздохнув, Махидевран откинулась на подушки и с любовью воззрилась на махавшего деревянным мечом Мустафу. Кто виноват, что все сложилось так, как сложилось? Рыжая невольница, ставшая султаншей за какой-то год, была ей уже симпатична. Но в глубине души колыхалось еще что-то такое, колыхалось... Ревность, обида. Обида на то, что с ее появлением Повелитель и думать забыл о своей любимой наложнице. Приблизил к себе некрасивую, но смешливую и очень гордую девчонку. И, судя по всему, был вполне с ней счастлив.

Этого Махидевран ему почему-то простить не могла. Хоть и не любила, как мужчину, хоть и страдала, когда приходилось ложиться в одну кровать с Повелителем, чувствуя себя грязной игрушкой из плоти и крови, просто постельной рабыней.... А все равно обижалась на такое презрение и невнимание.

— Мама, мама! — запыхавшийся Мустафа подбежал к матери, доверчиво заглядывая ей в глаза. — А когда мы пойдем повидать Мехмедика?

— Скоро, Мустафа, скоро... Сейчас пообедаем и пойдем, — погладила сына по встопорщенным кудряшкам Гюльбахар. — Ты что будешь кушать?

— Я хочу лукум и шербет! — капризно надул губки шестилетний малыш.

— А суп будешь кушать?

— Не буду, Повелитель не кушает суп! Повелитель кушает лукум и то, что захочет! — смеясь, ответил шехзаде. Махидевран ласково обняла сына... И застыла, когда в ее покои без стука вошла мрачная, как грозовая туча, валидэ.

— Нам нужно поговорить. Наедине.

— Госпожа... — живот мешал быстро двигаться, но баш-кадина все равно постаралась максимально быстро приветствовать царственную свекровь поклоном. Султанство — султанством, и хотя оно в ближайшей перспективе, а забывать о субординации все-таки пока не стоило.

— Пошли Мустафу умыться. Где его няни? — брови Айше Хафсы все сильнее сдвигались на переносице. Чувствовалось, что царственная султанша в гневе. И что было причиной ее гнева — оставалось только гадать.

Спустя пять минут перед женщинами поставили блюда с всевозможными лакомствами, а маленького шехзаде увели переодеваться и приводить себя в порядок. Валидэ небрежно забросила в рот кусочек пахлавы и внимательно посмотрела на Махидевран.

— Думаешь, мой сын не очнется? — вопрос повис в воздухе, как топор над головой приговоренного к казни.

— Валидэ...

— Что? Скажешь мне, что каждую минуту возносишь молитвы за жизнь и здоровье

моего сына, Махидевран? Не ври, я вижу в твоих глазах радость от того, что скоро именно твой сын станет султаном.

Проклятая Хафса слишком хорошо читала в людских душах.

— Валидэ, я...

— Молчи, я не договорила. Так вот, баш-кадина, запомни — мой внук еще слишком мал, чтобы управлять государством. Сейчас очень нестабильная обстановка, в любой момент, узнав, что скончался Сулейман, сюда войной пойдут очень и очень многие. Страна не может сейчас остаться без правителя, — валидэ была серьезна, как никогда.

Махидевран внимательно слушала, стараясь больше не перебивать свекровь.

— Аги янычар в беспокойстве, Гюльбахар, один из них — Вириз-ага, — уже приходил ко мне справиться о здоровье Повелителя. Они в любой момент могут поднять бунт. Это янычары — наше самое страшное оружие, которое в любой момент может обернуться против нас самих. Ибрагим предложил выдать им бакшиш, но я сомневаюсь в правильности такого решения. Они не глупы, и сразу поймут, что мы пытаемся их умаслить. Так вот — Мустафа пока что еще слишком мал, чтобы янычары были готовы признать его новым султаном. Скорее всего, твоего сына и нашего внука убьют почти сразу после того, как он возьмет в руки меч Аюба.

— Валидэ!! — в глазах баш-кадины заплескался неприкрытый ужас. — Что же нам делать?!

— Молиться, Махидевран, молиться, — с не менее неприкрытой усмешкой отозвалась Айше Хафса. — Я написала своему брату, хану Менгли Гирею. Он вышлет сюда тайно моего младшего брата Юсупа.

— Зачем, валидэ?

— Он будет назначен регентом при маленьком Мустафе, пока тот не повзрослеет. Он силен и опасен, как и любой татарский хан. К тому же, его учили управлять страной. Не можем же мы доверить империю бывшему рабу-греку?!

Несмотря на то, что Ибрагим стал ее зятем, да и неплохо проявлял себя в государственных делах, любви к нему у Царственной колыбели не прибавилось.

— Вместе с Юсупом придут войска моего брата, вся военная поддержка, которую он готов оказать. Десять тысяч лучших воинов, Махидевран! Это капля в море против наших же полков, но...

— Я поняла Вас, валидэ, — лицо Махидевран было белым, как простыня. Мечтая с власти, баш-кадина как-то не задумалась о проблемах, сопутствующих этой самой власти. О тех, кто мечтает попасть на османский престол. О янычарах, которых усмирить можно только грубой, очень грубой силой. О постоянном риске и ожидании удара в спину. Как не ненавистна была валидэ гордой черкешенке, в этот раз она была абсолютно и полностью права. Стоит умереть Сулейману, как Мустафа отправится следом за ним.

В этот момент, впервые за долго время, баш-кадина искренне взмолилась Всевышнему о здоровье Повелителя. Она может и подождать, рано или поздно ее сын все равно придет к власти.

А сейчас стране нужны мир и порядок, под железной рукой ее прежнего Правителя. И его рыжей Хасеки, про которую уже давно ходят слухи, что ее власть над султаном — не только в постели. Ум славянской наложницы успел завоевать славу не только в пределах стен гарема...

— Хоть бы, что ли, очнулась Хюррем... — тоскливо прошептала Махидевран,

машинально откусывая кусочек лукама.

— И не говори... — не менее тоскливо отозвалась Айше Хафса.

Глава 13.

Султан сидел на лавочке в парке, недалеко от дома Александры, и размышлял. Недавний разговор с женой поверг его в полное отчаяние, да такое, что жить бедному Повелителю мира уже как-то и не хотелось. Какой смысл жить, если сразу после твоего правления начнется упадок династии? И ты ничего не можешь для этого сделать, и хотя бы как-то предотвратить.

Лучше бы она просто ничего ему не рассказывала. Иногда многие знания — это многие печали.

Вздохнув, Сулейман достал из кармана сигареты и закурил. Это, конечно, не привычный кальян, но тоже неплохо. Хотя Хасеки пыталась предупредить супруга о вреде никотина и возникновении зависимости, слушать Сулейман ничего не стал. В некоторых вопросах он предпочитал сам принимать решения.

Перед глазами Повелителя стояла прекрасная сильная женщина, в которую его угораздило влюбиться. Молодая, умная.... Вредная, правда, и с отвратительным характером. Размышляя сейчас, Сулейман откровенно не мог понять, за что же он ее полюбил. Там, в его привычном мире и времени, была маленькая хрупкая девушка. Беззащитная, как птичка, но с недетским умом и рассудительностью. Страстная умелая любовница и верный друг. Она выгодно отличалась от привычных ему женщин.

Здесь он увидел ее истинное лицо. Сильный волевой характер, жажду власти, ум, превосходящий ум его Великого визиря и многих пашей. Привычку приказывать и повелевать. Она даже им помыкала. И, несмотря на свою страстность... Не чувствовалось в ней любви к султану, и почему-то он понял это только сейчас. Александра его не любила, а просто смирилась со своей участью. Там. Здесь же... Все встало на свои места.

И от этого Сулейману было как-то по особенному тошно.

А еще в ней была злость. Она была переполнена этой тщательно скрываемой злостью просто до краев, и та регулярно выплескивалась. Здесь, в этом мире, Саша была не на месте. Ей бы на войне, впереди войска скакать, вести на смерть и убивать сотнями, давать выход своей испепеляющей душу злости. Ее место не здесь... А там, в 16 веке, во дворце Топ-Капы. Вот только не в привычной роли султанши. Ей нужен простор и воля, возможность для маневра. Пусть у него будет непривычно сильная женщина, но ведь если ей дать возможность — она перевернет мир!

Сулейман долго еще сидел на лавочке, размышляя. Потом пошел просто прогуляться, не переставая думать. В голове у него начал рождаться план использования Хасеки в мирных и не очень целях. Пускай она его не любит, со временем это изменится. Да и так ли уж нужна султану ее любовь? Ему нужна верность, может быть — дружба, — и преданность. А главное — ее ум и характер.

Окончательно определившись с будущим своей необычной жены, султан решил вернуться в дом. Выбросив окурок последней сигареты на газон, он повернул в сторону дома и неспешным шагом направился обратно.

Войдя в квартиру, Сулейман удивился странной тишине. По его расчетам, Александра давно должна была проснуться. Слегка обеспокоившись, султан всего мира отправился на

поиски жены.

Обнаружил он ее в спальне. Саша лежала на кровати ничком, бледная и холодная, еле дышащая.

— Хюррем... — слегка потряс ее за плечо Сулейман. — Хюррем, очнись!

Девушка не отзывалась. Перевернув ее на спину, султан поразился мертвенной бледности супруги.

— Хюррем, что с тобой?!

Он еще не успел догадаться, что жена его опередила и отправилась обратно одна. Заметив возле кровати коробочку из-под лекарства, Сулейман начал осознавать произошедшее.

— Хюррем, что же ты наделала... — схватившись руками за голову, прошептал он. — Как же я буду тут, один?!

Бледная полумертвая девушка, естественно, ничего не ответила.

Вставать с кровати, несмотря на гневные вопли врачей, я начала почти сразу, как прошло головокружение. И сразу же направилась в покои к «отравленному Повелителю». За мной потрусил валидэ, так что план по выдиранию бороды муженьку пришлось с сожалением отложить.

— Хюррем, не беги так, — не поспевая за мной, просипела сзади Айше Хайса. Я послушно сбавила темп. Привычка быстро ходить вернулась со мной из моего времени. — Стража, пропустите Хасеки в покои Повелителя!

В покоях царил поистине траурное настроение. Везде были зажжены свечи, воняло травами и примочками, а в углу била в бубен какая-то откровенно дикая баба. При виде нее мои брови непроизвольно поползли на лоб.

— Валидэ Султан? — обернувшись к свекрови, я взглядом указала на бабу с бубном.

— Это колдунья, — слегка виновато призналась Хафса. Мои глаза стали очень большими и круглыми. — Она считает, что Повелителя кто-то проклял. И теперь пытается снять заклятие с моего сына.

— Давно пытается? — не удержалась от сарказма я.

Валидэ как-то виновато пожала плечами. Суеверные вы мои.

— Хатун, — подошла я к «колдунье». — Как успехи? Ты вылечишь моего супруга?

— На нем о-очень, о-о-о-очень сильное заклятие, его кровь отравлена, султанша-а! — начала завывать припадочная баба. Но при виде моей довольно скептической рожи быстро перешла на относительно нормальный язык. — Я пытаюсь вызвать дух Повелителя из астрала, чтобы узнать имя его врагов!

— Зачем? — давясь хохотом, проявила я участие к такому нелегкому делу. Валидэ стояла тихая и скромная, рядом с кроватью Сулеймана, нежно глядя его по волосам. — Что тебе даст знание имени его врагов?

— Я верну им проклятие, и султан очнется! — затряслась ведьма, закатывая глаза так, что стали видны белки. — Помогите мне, султанша, вы самый близкий ему человек! На ваш зов Падишах откликнется быстрее!

Мое лицо выражало крайнюю степень охренения, видимо. Вот что-что, а духа еще живого султана из астрала в компании припадочной дуры в перьях мне еще вызывать не доводилось!

Что ж, все в жизни когда-то бывает в первый раз...

Валидэ от кровати смотрела на меня взглядом, исполненным безумной надежды.

— И что я должна делать? — смирившись со своей участью, спросила я у колдуньи.

Глава 14.

Великий визирь Османской империи, Ибрагим-паша Хазрет Лери, в задумчивости смотрел на спящую супругу. Мысли, роившиеся в его голове, были очень далеки от размышлений о тихом семейном счастье и будущем рождении наследника. В данный момент Визирь — и-Азам вынашивал коварный план по поднятию восстания корпусом янычар. Момент для этого был самый что ни на есть подходящий.

Вы спросите, а какова была цель Ибрагима, бывшего сына рыбака из Парги, ныне ставшим третьим в государстве Османов по влиятельности человеком? Ответ банален и прост до безобразия. Месть и жажда еще большей власти. Ему было мало того, что он уже имел.

Нужна была серьезная власть и полная свобода действий. После трех ночей бессонных размышлений, Ибрагим пришел к выводу, что ему необходимо добиться восшествия на престол не шехзаде Мустафы, а маленького Мехмеда, сына русской рабыни Хюррем и его бывшей любовницы. А самому добиться статуса регента при малолетнем султানে.

Идея снова сделать Роксолану не бывшей, а настоящей любовницей, Ибрагима тоже в покое не оставляла. Он скучал по этой проклятой ведьме, решившей вновь хранить верность своему султану. Он чувствовал себя так, будто им просто попользовались и пошли дальше. Ненависть к жене и ее постоянные разнузданные желания еще больше усугубляли ситуацию. Ибрагима уже тошнило от Хатидже и ее постоянных капризов.

Логика подсказывала визирю, что возвести на престол сына Махидевран было бы и проще, и легче. Управлять страной при маленьком Мустафе будет несложно — черкешенка более податлива, чем русская султанша.

Но вот беда — Махидевран в своей постели визирь видеть совершенно не желал. Он просто бредил рыжими волосами законной супруги падишаха, ее тугой полной грудью, которую так берег Сулейман, и страстностью в постели. Несмотря на то, что собственная жена была еще более горячей, чем фаворитка Падишаха, Ибрагим больше никого, кроме зеленоглазой заразы, не хотел.

Околдовала, заморозила? Может быть. Ему было плевать. Он хотел править этой страной вместе с Хюррем, жить с ней, как с женой, и растить ИХ детей.

То, что Сулейман пока еще не умер, а просто был в коме, Ибрагима уже мало волновало. Он строил планы на будущее и уже начал их воплощать.

Недавно взятая на роль новой няньки Мустафы наложница последнюю неделю исправно подливала ему в пищу купленный Ибрагимом у проверенного человека яд. Вскоре маленький шехзаде должен будет отправиться следом за своим отцом в райские сады Аллаха. А пока же необходимо было создать прецедент, поднять восстание среди янычар и самому же его подавить, дабы показать, что без его мудрого руководства страна не выживет.

Затем останется только довести Хатидже до идеи о разводе. Для этих целей Ибрагим припас давно раздражавшую его Нигяр-калфу, с которой начал демонстративно заигрывать. Дальше флирта дело пока не заходило, но влюбленная женщина уже готова была на все. Ее нимало не смущало то, что у «любимого» есть законная супруга-султанша.

Ибрагим усмехнулся. Совсем скоро он возьмет Нигяр в свой рай, чтобы затем свергнуть ее в самые пучины ада. А кто виноват? Нужно уметь уважать узы чужого брака, а не класть глаз на женатого мужчину. Тогда и проблем не будет.

Ибрагим утомленно улыбнулся и закрыл глаза. Рядом сонно сопела ненавистная жена, перед глазами стояла прекрасная рыжая султанша. Царственности в ней было поболее, чем в султанше крови. Представив Роксолану рядом с собой на золотом троне османов, Ибрагим мечтательно улыбнулся. Вместе они перевернут мир!

Цирковое представление началось. Меня со всем почетом усадили рядом с султаном, баба в перьях, чьего имени я так и не узнала, выдернула у меня из косы два волоска и бросила их на воняющие чем-то угли. Благовоний-то, благовоний намешала... Ох, мать моя, что за цирк уродов...

Валидэ чинно сидела на другом краешке постели и с надеждой наблюдала за «колдовскими» манипуляциями.

— Возьмите господина за руку, султанша! — приказала мне тетка, настраивая любимый бубен. Я послушно взяла вялую холодную ладонь Сулеймана в свою. — Мне нужен его волос!

— Из бороды подойдет? — коварно поинтересовалась я. Обещала же бороду выдрать!

Посмотрев на меня с укоризной, тетка выдрала у Сулика волос с виска. Я понуро вздохнула. Не удалось А так хотелось!

— Закройте глаза, султанша!! — волоски полетели в жаровню, откуда завоняло еще гаже. — Повторяйте за мной!

— Повторяю, — послушно согласилась я, закрыв глаза.

— Приди, Кассиэль!!!

— Не буду я это повторять.

— Почему?!!

— Это из религии иудеев. И потом, мы же там Сулеймана зовем, или нет?!

Тетка заскрипела зубами, валидэ сидела молча, как каменный истукан, и ни во что не вмешивалась.

— Приди, Анаэль!!!

— Еще один... — пробормотала я себе под нос еле слышно. Тетка начинала меня доставать не по-детски. — Зачем тут эта толпа?!

— Это имена ангелов, султанша!!

— Ты еще Мункара и Накира позови! — выплюнула я. Тетка подавилась возмущенным бульканьем. — А можем и просто взяться за ручки и вместе запеть «Шма, Исраэль, адонай элохейну, адонай эхад!»

Колдунья оторопела, валидэ наконец-то подала признаки жизни:

— Что это значит, Хюррем? Ты читала какое-то заклинание?

Я устало вздохнула:

— Это просто молитва на древнееврейском. «Слушай меня, народ Израиля, Господь наш — един, Бог наш — един!»... не суть важно.

— Ясно, — нахмурилась валидэ, явно не поверив мне не на йоту. И меня прорвало:

— Слушайте! Мне надоел этот балаган!

Хватит фарс разводить! Не знаю, зачем сюда позвали колдунью, но одно могу сказать

точно... Сулейман скоро придет в себя! День, максимум два — и наш Повелитель снова будет с нами... А колдовство...

Договорить я не успела. Ладонь Сулеймана дернулась в моей руке и крепко сжала пальцы.

— Он приходит в себя! — еле дыша от счастья, прошептала валидэ.

— Работает мое колдовство!! — не к месту влезла Зейнеб-хатун. Я посмотрела на нее очень злыми глазами, но бабе было плевать.

— Хюррем? — донесся слабый голос с постели.

Глава 15.

Пока с Сулейманом возились лекари, я отправилась в сад, подышать свежим воздухом. Мутные глазки супруга и его блаженная улыбка идиота, которая возникла на лице сразу, как он осмотрелся, выбесили меня до крайности. Тяжело, однако, делать вид, что ты безумно рада видеть очнувшегося султана, когда саму трясет от ярости и желания придушить его своей же косой!

Дойти до сада я не успела. В коридоре у меня неожиданно и резко закружилась голова, и я с коротким вскриком рухнула на руки своим верным служанкам, всюду следующим за мной по пятам.

— Госпожа, очнитесь, — меня настырно кто-то тряс. — Очнитесь, госпожа! Откройте глаза!

Но я никак не могла вынырнуть из вязкой темноты, в который было так уютно и спокойно.

— Что с ней, Ясмин Хатун? — раздался рядом обеспокоенный голос валидэ султан.

— Госпожа беременна!

— Ин ша Аллах! — в голосе валидэ послышалась неподдельная радость. — Хасеки подарит еще одного шехзаде моему сыну! Благодарю тебя за благую весть, Ясмин Хатун!

Я беременна?! Но как?! Я же принимала отвар, у меня начались месячные! Откуда?! Как этот ребенок смог удержаться?!

Кажется, мысль о сроках наконец-то дошла и до моей царственной свекрови. Видимо, посчитала, когда я в последний раз ходила на хальвет к Повелителю, и теперь задумалась. Ой, что будет... Может, мне пока не приходиться в себя? Страшно что-то.

— А когда родится новый наследник? — этак окольню решила уточнить интересующие ее цифры Валидэ-Мама.

— Спустя полгода или чуть меньше, госпожа! — ответ лекари удивил нас обеих. — Хасеки носит ребенка уже больше трех лун!

Она мне зад прикрывает сейчас так хитро, или...?

Я пришла в легкий ужас. Если я правда на третьем-четвертом месяце, забеременела сразу после того, как отняла сына от груди, то получается... Я чуть было не вытравила свою дочь из-за ошибки тупой лекари, отправленной в Диярбакыр, и толком не сумевшей установить срок?! Да лучше бы я ее отправила на корм рыбам, в Босфор!!! И это было бы вполне заслуженно!!

Лучше бы я себя отправила на корм рыбам, все-таки. Потому что не фиг было в кровать к Ибрагиму лезть! И поводов бы для такой «ошибки» бы не появилось! Бедная моя доченька...

Я мысленно поприветствовала будущую султаншу, уютно и прочно обосновавшуюся у меня в животе. Упорная девочка будет, живучая. Вся в маму.

Меня начала потихоньку наполнять любовь к нерожденной еще дочери. Еще один ребенок, зачатый не в любви, а по расчету, но такой желанный. Вторая из шести, вторая из пяти выживших. Михр-И-Мах Султан, Госпожа Солнца и Луны! Настоящая принцесса крови! И это все мой ребенок?! К любви примешалась и гордость за свое царственно потомство. На этой оптимистичной ноте я решила, что пора открывать глаза.

— Хасеки, султанша, вы очнулись! — лекарша оказалась молодой девушкой с ярким румянцем и добрыми глазами. — Как Вы себя чувствуете, госпожа?

— Голова кружится и во рту пересохло, — честно попыталась я улыбнуться. — Валидэ?

— Тебе стало плохо, Хюррем, — сияла теплой улыбкой Айше Хафса. — И благодаря этому мы узнали благую весть!

— Какую? — решила я разыграть неведение.

— Ты беременна, Хюррем! Ты вскоре подаришь Повелителю еще одного шехзаде!

— Или луноликую султаншу, — лукаво усмехнулась я. Против султанши валидэ точно ничего не имела, так как внучек у нее еще не было. — Повелителю сообщили?

— Пока нет, пусть он придет в себя, и затем ты сама его обрадуешь, — а вот этот вариант мне не очень нравится. Почему-то.

Я утомленно прикрыла глаза и сама не заметила, как вскоре уснула.

С Сулейманом мне позволили увидаться только через пару дней, когда он пришел в себя. Повелитель сам приказал мне явиться в его покои, чего я ждала с затаенным трепетом. Боялась, что весть о моей беременности уже дошла до его ушей, боялась, что будут лишние вопросы. Но того, что он мне сказал, я точно не ожидала и не могла себе представить даже в самых смелых мечтах...

Войдя в покои, я увидела, как Сулейман дал знак удалиться всем, кроме меня. Слуги спешно покинули спальню Повелителя, оставив нас наедине.

Повисло неловкое молчание.

— Подойди, Хюррем.

Я покорно подошла.

— Сядь рядом.

Он меня задушить хочет? Почему мне так страшно?!

— Почему ты это сделала?

И думай теперь, в чем мне каяться, какую оплошность он раскопал.

— О чем ты, Сулейман? — решила я изобразить непонимание.

— Почему ты бросила меня там? Одного? Почему ушла раньше?

— О, Аллах! — я едва удержалась от того, чтобы облегченно не рассмеяться. — Я просто не нашла тебя, долго искала, ездила в мечеть.

— Да? — голос султана наконец-то потеплел. — И ты решила, что я уже вернулся?

— Именно так, мой Повелитель. Ну и заставил же ты меня поволноваться!

— Не удивлюсь, что ты отправилась сюда, пылая желанием мести, — слабо хихикнул Сулик, окончательно оттаяв. — Можешь приступать. Что ты хотела со мной сделать, о коварная ведьма?

— Бороду вырвать, — созналась я. Сулейман побурел.

— Бороду не дам!

— Уже не надо, — с этими словами я нагнулась и легко поцеловала его в губы. — Где

же ты был, милый?

— Думал, Хюррем, принимал важные решения... И хочу, чтобы ты о них узнала.

Я слегка вздрогнула. А если он решил выслать меня из дворца? Или утопить? Чтобы в политику не лезла? Кто его знает, чего от него ждать....

Но ТАКОГО...

— Я хочу, чтобы ты стала моим визирем, Саша, — тихо сказал султан. — Присутствовала на Совете Дивана. Помогала управлять империей. Я хочу, чтобы ты реализовала себя, свой ум и свои амбиции, направив их на пользу государству.

Моя челюсть тихо отвалилась.

— Ты шутишь, Сулейман?!

— Нет. Если ты переоденешься, я смогу выдать тебя за мужчину, и ты войдешь в Совет как Ахмед-паша, второй визирь. После, получив опыт, ты попадешь на место Ибрагима. Тебе я верю больше, чем ему.

— Если я сплю.... Знаешь, я не хочу просыпаться! — не веря своим ушам, прошептала я. — Только Ахмедом я не буду!

— Тогда выбери себе имя сама, моя Роза.

Так на свет появилось мое альтер-эго — Явуз-паша, вошедший в Совет Дивана, доверенный визирь самого Падишаха. Через три дня он (то есть я!) присутствовал на своем первом в жизни заседании.

КОНЕЦ III ЧАСТИ.

Часть 4. Моя бесценная султанша.

Глава 1.

Утро началось для меня с токсикоза. С Мехмедом об этом ужасном состоянии мне узнать не довелось, зато теперь я хлебнула восхитительных ощущений полной поварешкой. Тошнило меня в золотой тазик, но плохо было так же, как было бы и обычной крестьянке. От запаха щербета воротило, есть хотелось от силы минут пять в день, зато чего-нибудь эдакого!

Вчера я поймала себя на том, что стою у входа в кухню и жадно принимаю запах сырой потрошенной птички. Повар сжалился и выдал мне одну перепелку, которую я унесла в буквальном смысле в зубах, сладострастно вгрызаясь в нежное мясо. За спиной у меня тихонечко посмеивались над причудами беременной Хасеки.

Заодно меня стало воротить от запаха чужого тела. Причем выборочно. Стоило мне унюхать в коридорах Топкапы Ибрагима — накрывала тошнота. На валидэ реагировала не так бурно, Махидевран мой нос вообще не идентифицировал, зато Сулейман...

Уж не знаю, как султан всего мира реагировал на то, что я блаженно нюхаю его подмышку и больше мне ничего от жизни не надо, но пока что замечаний не делал и разрешил просто сидеть рядом, пока он работает с бумагами. За что ему большое спасибо.

Сегодняшний день отличался тем, что я должна буду присутствовать в своей новой роли визиря Явуза-паши на первом в моей жизни заседании Дивана. Сулейман, как мог, морально подготовил меня к этому испытанию, теперь оставалось подготовиться физически. Именно поэтому с утра пораньше я отправилась в хамам, встав с первыми петухами. Дел до момента начала заседания было достаточно.

В первую очередь, в дело пошла басма — на этот раз я держала ее на волосах больше

часа, и в итоге потемнела до неузнаваемости. Через пару дней смоется, а пока — то, что надо. Для всех я скажусь больной, и буду в это время сидеть в покоях. Пока заказанный в Венеции парик не привезут.

Вторым этапом пошло обмазывание лица смесью масел и хны для придания коже смуглого оттенка. Потом Гюль-ага под прикрытием халата и простыни на голове провел меня в покои, разогнал всех служанок и мы принялись колдовать дальше.

— Чем-то я стала похожа на армянку... — внимательно осмотрев себя в зеркале, констатировала я. Темный цвет волос мне вроде бы и шел, но в сочетании со смуглой кожей и внушительным носиком, доставшимся мне от физического тела Лисовской, смотрелось все очень сурово. Хотелось запеть что-то из репертуара Варданяна, типа «Джана моя, Джана-а...»

— Госпожа, вы прекрасны, как лунный цвет, — тут же польстил мне верный евнух. — Главное, вас никто не узнает.

— Истину глаголешь, — подтвердила я, берясь за сурьму. Через пять минут выразительные брежневские брови до неузнаваемости изменили мой лик. Глумливо хихикнув, я представила, как в таком виде пойду на хальвет к Сулейману. Ведь поседеет же с испугу! Не думаю, что ему доводилось видеть женщин с такими бровями...

Повернувшись к Гюль-аге, я подвигала бровями, вызвав у евнуха приступ смеха.

— Похожа на пашу? — сдвинув брови к носу, поинтересовалась я.

— Одно лицо! — сквозь смех выдавил из себя Гюль-ага.

— Ну и отлично.

Последним, завершающим штрихом, стали накладные усы, кое-как прилаженные при помощи странной смеси, по консистенции напоминавшей клей «Момент». Усы держались в буквальном смысле слова на соплях, так, что я почти решилась было от них отказаться. Но потом мы приладили их вместе с бородкой на невидимых ниточках, одели сверху чалму — и вуаля! Перед зеркалом стояла мужская голова на женском теле.

— Теперь нужно убрать грудь и одеться. До заседания осталось чуть больше получаса.

— Сперва вы пойдете на молитву в мечеть, госпожа, все визири и Падишах делают именно так.

— И когда она начнется?! — встрепелась я.

— Да... кажется, уже началась... — побледнел евнух.

— Халат, быстро!!

Хорошо, что стражу мы отпустили заранее, иначе долго бы пришлось объяснять, что это за странный визирь вылетел из покоев любимой жены падишаха. Казнили бы, как пить дать...

Доскакав до тайного хода, я нажала на подсвечник и нырнула в образовавшийся в стене проем. Во дворе я оказалась спустя пару минут, зато вся перемазалась в пыли и паутине — в тайном коридоре никому и в голову не приходило убираться. Отогнав видение себя с ведерком и тряпкой, весело отмывающей здесь полы и стены, я слегка содрогнулась.

У конюшни я остановилась и задумалась. Понятия не имею, как добраться отсюда до Айя-Софьи, а лошадь мне, скорее всего, и не дадут. Конюх же не дурак. Ну сами посудите — является к нему какой-то левый паша и требует лошадку, подаренную султаном самой Хасеки? Надо было заранее письмо составить, что, мол, разрешаю дать лошадь такому-то паше. Так ведь не подумала!

Остановившись, я перевела дыхание и неспешным шагом направилась обратно в

потайной ход. И так уже опоздала на молитву, пойду тогда ждать всех перед Залом Дивана. Поклонюсь Сулейману, прокурлыкаю, что стража на въезде в город задержала, а я так спешил, так спешил... Не убьет он меня за это, в самом деле. О том, что надо идти на намаз, мог бы и предупредить.

На половине пути мне неожиданно послышался чей-то шепот. Остановившись и перейдя на мягкий крадущийся шаг (благо, подошва сапог была мягкой и тонкой), я потихоньку пошла на звук. С каждым шагом он делался все отчетливее, и вскоре мне стало ясно, что в потайном ходе я не одна.

Остановившись у поворота, я вся превратилась в слух.

...- Моя звезда, Нигяр... — слегка задышающимся шепотом говорил мужчина. — Я томлюсь без тебя одинокими ночами....

— Паша... — ответный женский шепот, тоже страстный и задышающийся. Хм? Тут кто-то трахается? Интересно-о... — Вы не одиноки, госпожа любит вас и ждет...

— Она считает меня игрушкой... — и голос такой томный-томный. Ибрагим! Вот кто тут с Нигяркой шашни крутит. Ну-ка, ну-ка, послушаем...

Я застыла, как статуя, слившись со стеной. Послышались влажные чмокающие звуки — или любовники целовались, или Нигяр освоила технику минета... Меня слегка передернуло. Как же выйти, мимо них? Хотя... Ибрагим тоже должен быть на заседании. Так что не опоздаем, ин ша Аллах.

Почему-то на намаз грек вообще не пошел... И Сулейман ему это так легко спускает? М- да...

Звуки вскоре прекратились (видимо, парочка все-таки страстно лобзалась, минет только после свадьбы...) и снова заговорил Ибрагим. После первых же его слов мне резко поплохело...

Глава 2.

Визирь собрался перед залом, где обычно проходил Совет Дивана. Не хватало только Повелителя. На полпути из мечети его перехватил гаремный евнух, и тот, переменившись в лице, отправился следом за ним, не сказав ни слова. Не хватало и Визирь-и-Азама, который в очередной раз пропустил пятничный намаз.

— Кара-паша, — обратился седой усатый турок к своему соседу. — Вам не кажется, что Повелитель задерживается?

— Искандер-паша, Повелитель вправе задержаться хоть бы и на год, мы же все равно будем ждать, не так ли?

Неспешную беседу двух визирей прервало появление незнакомца в богатых одеждах.

— Паши, визирь... — быстро раскланялся молодой бей со всеми. — Повелитель просил передать, что он прибудет через полчаса. Пока же вам принесут шербета и фруктов, если вы утомились. Мы можем пройти в Зал. Забыл представиться — мое имя Явуз.

— У вас хорошее имя, молодой человек, но странные манеры... — отозвался самый смелый визирь, Искандер. Остальные пока еще не пришли в себя от такой наглости прищельца. — Позвольте узнать, почему вы тоже собираетесь присутствовать на заседании и с нами в зале?

— Потому что это решение Повелителя, которое он сам вам озвучит, — пожал плечами незнакомец, незаметно почесывая бороду. — Так мы пройдем в зал, или так и будем тут

стоять?

Наглость молодого бея поразила всех. Когда же из-за поворота показался взбешенный Ибрагим-паша, толпа визирей и вовсе заворчала, осмелев.

— Ты... кто? — слегка задыхаясь, остановился перед незнакомцем грек. — Где Повелитель?

Явуз-бей усмехнулся и посоветовал Великому Визирю пойти и самому поискать Повелителя, он-де, его не контролирует.

Ибрагим побурел. Визирь притихли в ожидании драки.

— Я не знаю, откуда ты такой явился, бей. — прошипел Ибрагим, подойдя вплотную к ухмыляющемуся незнакомцу. — Но лучше бы тебе вернуться туда сейчас же...

— Не тебе принимать такие решения, паша, — ответно оскалился молодой нахал. — Только Повелитель вправе решать, куда и когда мне отправляться. Ты — не он. Так что захлопнись. Или сейчас весь гарем и весь дворец узнают множество неприятных подробностей из твоей жизни. О том, как ты обманываешь жену с гаремными калфами, например... А если она узнает, Ибрагим-паша?!

Грек побледнел и отшатнулся от парня, сжав кулаки. Визирь вокруг заинтересованно притихли, ожидая все той же драки, инициатором которой точно должен выступить Ибрагим.

Новенький же продолжил наступление на опешившего визиря:

— А может быть, ты сам расскажешь Повелителю о том, как дал яд своей любовнице для того, чтобы она помогла тебе отравить ненавистную жену?!

Вот тут уже ахнули все.

Грек посерел, замахнулся, но его руку перехватила стальная ладонь.

— Что такое, Ибрагим? — послышался холодный голос падишаха. — Что так вывело тебя из себя?

— Повелитель! — вырвавшись, Ибрагим моляще уставился на своего господина. — Этот ненормальный только что обвинил меня в...

— Я все слышал. И, да, Ибрагим... — султан на секунду будто задумался о чем-то. — Калфу поймали.

Грек дернулся, но из-за спины Повелителя показались немые стражники-дильсизы. Наглый молодой бей нежно ему улыбнулся и прошипел:

— Все тайное когда-нибудь становится явным, паша...

Визирь пребывали в полной прострации, не успев осознать происходящее. Вот грека схватили, он пытался яростно отбиться, но ему не удалось. Вот темнокожие палачи схватили его и по приказу Падишаха потащили куда-то. Султан улыбнулся молодому бею и ...

— Назначаю тебя новым Великим Визирем, Явуз-паша, — положил он руку на плечо новенькому. — Служи мне и династии хорошо.

— Я не подведу вас, мой Повелитель, — зеленые глаза опасно засверкали.

Остальные визирь от таких кадровых перестановок были не во восторге. Но что они могли сделать?...

Я стояла рядом с тронном Сулеймана и пыталась прийти в себя. Когда при мне Ибрагим передал Нигяр яд, чтобы отравить Хатидже Султан (беременную Хатидже Султан!!), меня уже перемкнуло, но когда он предложил ей подлить тот же яд в пищу повелителю... Вот тут меня снесло с катушек окончательно.

Эту тварь Сулейман на груди, можно сказать, пригрел, денег дал, в общество вывел, на

высочайший пост поставил — а ему все мало?! Ненавижу такую категорию людей, «и ртом, и жопой!»

, называется!

Стоило милой парочке распасться, а греку — выскользнуть из потайного хода, как я ломанулась вслед за Нигяр, отчаянно призывая стражу. Схватить ее успели, объяснять, почему — пришлось бы очень долго. Если бы не появился Гюль-ага мой верный, долго бы объяснялась. Отправив его с вестью к Сулейману, я отдышалась, получила указания, как действовать дальше, и отправилась к залу Дивана.

О том, что произошло позже, вы уже знаете. Теперь же я с трудом сосредоточилась на докладах пашей, и через пару минут поняла, что казначей определенно что-то привирает. Поймав вопросительный взгляд Сулика, еле заметно покачала головой. Сперва я их всех послушаю, а потом уже наедине тебе выскажу свои подозрения. Слишком много полетевших голов за один день тоже до добра не доведут. Сперва просто навещу особо подозрительных, и демонстративно погрожу пальчиком. А там уже посмотрим по обстоятельствам.

Заседание совета закончилось, и всех отпустили. Я порывалась было ломануться следом, но меня остановил Сулейман.

— Явуз, останься. Пройдем в мой кабинет.

Пришлось подчиниться. В кабинете Сулейман устроил мне настоящий допрос с пристрастием, я честно пересказала ему все события, диалоги, сдала пароли и явки. Милый мой впал в глубокую задумчивость. Особенно меня поразило то, что он не удивился идее Ибрагима отравить его!

— Можешь идти, Хюррем, покушай и отдохни, потом жду тебя в спальне, — спокойно приказал муж. Я вздохнула, поклонилась и направилась к выходу. Вдогонку мне была брошена следующая фраза: — Кстати, наряд очень удачный. Так что.... Можешь не переодеваться.

Из кабинета Сулеймана я вылетела с красными ушами.

Глава 3.

Стоило мне оказаться в своих покоях, как туда же влетел обеспокоенный Гюль-ага. Он единственный знал о моем адюльтере с Ибрагимом, и идея того, что бывший Великий Визирь может начать рассказывать пикантные подробности султану, была озвучена им сразу после того, как за нами закрылась дверь.

— Госпожа, вы очень поторопились... очень... — нервно заламывая руки, бегал по покоям евнух. Я сняла чалму и устало положила поверх нее отвалившуюся бороду. Не подумала, каюсь. С этой беременностью я стала ужасно рассеянной. — Палачи выбьют из паши это признание... да если уже не выбили...

— Не думаю, что Сулейман так сразу пошлет к Ибрагиму палачей, — содрогнувшись, ответила я. — Сперва сам побеседует.

— Госпожа, нам надо идти туда. Как новый «Великий Визирь», вы имеете право принять участие в расследовании! — кипятился евнух.

Я согласилась. В некоторых вещах к Гюль-аге точно следует прислушиваться. Пока что он еще не давал мне повода в себе усомниться. Вот только как мне Сулейману свое присутствие потом объяснять прикажете? Но думать об этом было уже некогда.

По тайному коридору мы с евнухом достаточно быстро добрались до темницы, благо, он

знал ее расположение точно, а я смутно помнила с момента своей там ночевки в самом начале трудного «Золотого пути» в гареме.

Охраняли темницу, слава Аллаху, не дильсизы. Просто дворцовые стражники. Я сделала суровое лицо и с молчаливого одобрения Гюль-аги пробасила:

— В какой камере бывший визирь Ибрагим? Я Явуз-паша, султан послал меня для допроса предателя.

Колечко с печатью династии на моем пальце загадочно сверкнуло в свете факелов.

Стражники ничего не заподозрили, вежливо поклонились и указали путь к камере грека.

Мы вошли в темное помещение и я ощутила легкий озноб. В самой дальней камере кто-то тоскливо пел на итальянском песню о матери, которая более никогда не увидит своего родного сына. Ибрагим...

— Что я наделала... — еле слышно, забывшись, прошептала я. Сзади меня чуть толкнул в спину Гюль-ага, бдительный, как свора овчарок.

Подойдя к камере, я увидела в тусклом свете факелов поникшего грека. При виде меня он взбешенно вскочил на ноги, сверкая глазами, руки потянулись сквозь решетку, желая вцепиться мне в шею.

— Змея.... Мерзкий предатель!!! Кому ты служишь?! Кто заставил тебя за мной шпионить?! Валидэ Султан?! Сам Сулейман?!!! — рычал грек, брызгая слюной. — Кто из них?!! Или русская рабыня решила избавиться от своего временного увлечения, чтобы прикрыть грех, и Сулейман не узнал о моем ребенке, которого она носит?!!

Мы с евнухом переглянулись. Да его даже пытаться не придется, сам все расскажет, в лицах и с красками. Хотя... я ведь тоже не молчала. Хороши мы оба, в общем.

— Госпожа послала нас, чтобы помочь вам, Ибрагим-паша Хазретлери, — тихо прошептал Гюль-ага, вплотную приблизившись к решетке.

— Да как мне поможет эта ведьма?!! — горько рассмеялся бывший визирь. — Ей дела до меня нет! Ни до кого, кроме себя самой и власти, чертова бездушная кукла!!

Я содрогнулась от боли и обиды, сквозившей в его словах. И сказать было нечего. Ведь прав же... если не во всем, то во многом уж точно. Власть оказалась важнее. Но это не я подговаривала его травить Сулеймана!

Эта мысль придала мне решимости, и я сделала незаметный знак Гюль-аге.

— Подойдите ближе, паша, я передам вам ключ от госпожи... Ночью откройте камеру, мы будем ждать вас на выходе, усыпив стражников... — заворковал евнух. Я продолжала хранить молчание, глядя на Ибрагима с разрывающей душу тоской. Не наклоняйся... Или все-таки наклонись...

Или...

Перед глазами потемнело, и я уже не почувствовала, как оседаю на пол, и уже не увидела, как падает визирь, уколотый в шею отравленной иглой, спрятанной в рукаве моего верного евнуха...

Открыв глаза, я обнаружила над собой Сулеймана с откровенно недовольным лицом.

— Зачем ты пошла туда, Хюррем? — сдвинув брови, спросил он. — Я же ясно сказал тебе, отдыхать и беречь будущего шехзаде. Или мне передумать, и передать должность Великого визиря Искандеру, или любому другому паше? Ты когда-нибудь научишься меня слушать?!

— Прости... Я хотела просто с ним поговорить, может быть, еще что-то узнать... —

пролепетала я, принимая вид святой невинности.

— Вот очнется — и поговоришь, — отрезал Сулейман, а у меня внутри просто все оборвалось.

— Очнется!?

— Пытался отравиться, да не вышло, стража слышала шум и прислала лекаря. Я думал о том, что он захочет так поступить, и приказал предупредить их. Так что отдыхай. Когда Ибрагим придет в себя, я вызову его на допрос.

Мне что-то очень не нравится предусмотрительность муженька. Ну просто очень. Выходит, мы все зря?... Ох, прав был Гюль-ага, лучше бы я держала язык засунутым в задницу и не Трещала, как сорока!

Сулейман погладил меня по волосам, нежно поцеловал в лоб и ушел по своим делам. Мы остались наедине с бледным и павшим духом Гюль-агой.

— Что же нам делать, госпожа? — виновато прошептал он. Я пожала плечами и попросила принести мне чашку кофе. Сперва будем думать. И уже только после этого куда-то бежать, что-то делать, и что-то решать.

Пора мне начинать учиться на своих ошибках.

Глава 4.

Дверь в мои покои резко распахнулась и на пороге появилась зареванная Хатидже Султан с огромным животом. То ли многоводие у моей золовки, то ли крупный ребенок, то ли останется она в скором времени вдовой с двойняшками... Додумать я не успела.

— Он не мог этого сделать, Хюррем! Не мог!! Его оклеветали!! — слезы вперемишку с словами исторглись из Хатидже, бессильно упавшей на небольшую оттоманку рядом с моей кроватью. Я еще не успела толком привести себя в порядок, но султанской сестре было не до моих резко потемневших волос.

— Не плачьте, султанша, это вредно для ребенка, — на автомате отозвалась я, понимая, что совершенно не хочу сейчас разговаривать с почти вдовой Ибрагима. Знала бы она, кто причастен к его аресту и будущей казни!

Ох, лучше бы ей и не знать.

— Мне нужно поговорить с братом! — почему-то Повелителем она Сулеймана в этот раз не назвала. — Он не посмеет оставить меня вдовой, особенно сейчас!

По-моему, Сулику вообще насрать на то, что Ибрагим муж его сестры. Одним больше, одним меньше... Снова за старого пашу выйдет. Главное, чтобы только на «Явуза» глаз не положила, а то ведь проблем не оберемся.

— Госпожа, Ибрагима-пашу должны будут вскоре допросить, и только после этого Повелитель будет принимать решение о его судьбе, — спокойно сказала я, заматывая волосы шелковым полотенцем, чтобы не возникало вопросов по поводу их резкого почернения. — Возможно, все еще образуется самым лучшим образом.

— Не верю!! — истерично взвизгнула Хати. — Ничего не образуется, Хюррем, понимаешь?! Он ведь просто так его казнит, чтобы в будущем проблем не возникло! Сулейман стал таким же, как наш отец!!

Я начинаю искренне радоваться, что не застала их отца в живых. Судя по полученным мной отрывочным сведениям, Селим Явуз был той еще скотиной. А с другой стороны... как иначе, если ты стал правителем Османской империи? Либо топчешь всех ты, либо топчут

тебя. Выживает в итоге сильнейший и подлейший. Закон Зверя во всей красе.

— Возможно, нам следует поговорить с валидэ султан? — дипломатично предложила я. Что угодно, только бы мне сейчас мозги не грузила. Пока ты, милая Хатидже, думаешь, как спасти своего мужа, я размышляю, как лучше и быстрее его убить, не дожидаясь допроса!

В ответ Хати еще более пронзительно заревела.

В дверь деликатно постучались, и после моего раздраженного «Войдите!», в покои просочилась бледная и тоже слегка заплаканная Махидевран. А ей-то что понадобилось?

— Хасеки Султан, — церемонно поклонилась мне Махи. Я не менее церемонно поприветствовала баш-кадину и учтиво осведомилась, что ее привело ко мне. — Мы хотели просить вас... поговорить с Повелителем.

— О чем? — внутри меня все очень неприятно сжалось в комок.

— О судьбе Ибрагима-паши. Напомните ему, что в Манисе Ибрагим спасал его и защищал... Он не мог... — Махидевран сбилась и по ее щеке скатилась малозаметная слезинка. — Он его преданнейший друг и вернейший союзник, госпожа!

Хатидже чуть не придушила ее на радостях, как единственную единомышленницу.

Вот же ж! Свалились два нытика на мою голову!

Честно говоря, мне и самой жаль Ибрагима, но.... Если я признаюсь в произошедшем между нами, последствия будут плачевными! Только казнят нас тогда на пару, а я пока что еще жить хочу. И пусть Сулейман стал милым и довольно толерантным, измену (да еще со своим лучшим другом) он мне не простит! И что делать?

Я сдавленно застонала и сжала руками виски. Голова просто трещала на части, ловить умоляющие взгляды султанш не хотелось.

— Хорошо! — наконец, сдалась я. — Я поговорю с Повелителем, но ничего не обещаю!

— Благодарю вас, госпожа! — лицо Махидевран просветлело от облегчения. Хатидже снова возрыдала, на этот раз — от радости.

— Мне нужно собраться, — неделикатно намекнула я на то, что пора бы оставить меня одну. Минут пять раскланиваясь, девицы наконец-то отбыли в покои Махидевран, где беременную Хати планировалось лечить от невроза сладостями. Что ж, отлично. Мне главное, чтобы они сейчас под ногами не путались.

— Гюль-ага! — позвала я верного евнуха, прикорнувшего в своей каморке. — Подойди.

— Да, госпожа? — через минуту передо мной стоял заспанный, но бодрый слуга. — Что-то случилось?

— Нам нужно что-то срочно делать. Ибрагим не должен дожить до допроса.

Только произнеся эти слова, я сама поразилась их откровенной кровожадности и циничности. Да что со мной?! Почему я стала такой стервой?! Окружение действует, не иначе.

— Я не знаю, как это можно осуществить, госпожа. Сейчас султан приказал усилить охрану камеры паши, незаметно пройти туда уже не получится.

— Меня послали поговорить с Сулейманом, и просить оставить Ибрагиму жизнь, — вздохнув, я села и спрятала руки между колен. — Это может нам как-то помочь?

— Я думаю, если паша останется в живых, он не расскажет ничего... ненужного. Особенно, если узнает, что обязан этим вам.

— Или наоборот...

Мне все больше хотелось выпить, заснуть, а проснуться уже после того, как Ибрагим будет казнен или помилован. Слишком уж отнимает силы и новая беременность, и все эти

интриги, и нервотрепки. Как другие ухитряются свои адюльтеры покрывать?!

Впрочем, сейчас важно не это. У меня очень мало времени для действий, и нужно срочно решать — что получится осуществить быстрее. Отравить Ибрагима, удушить, или же просить Сулеймана сохранить ему жизнь...

Неожиданно в глазах потемнело, и в голове раздался властный голос — незнакомый и мужской.

— *Тело паши было найдено утром в покаях, и задушен он был палачами. Ночью его верный враг Искандер-челеби подписал указ, заверив личной печатью падишаха, о том, чтобы Ибрагим был казнен, и огласил его. Утром, когда султан проснулся, было уже поздно — тело его друга и соратника бросили перед дверью его покоев...*

Я в ужасе застыла, хватая ртом воздух и не понимая, что происходит.

— Госпожа, с вами все хорошо?? — дернулся ко мне евнух, но я остановила его поднятой рукой.

«— *Кто ты? ... — чувствуя себя невероятно глупо, мысленно спросила я. — Ты можешь ответить?*

— *Меня зовут Шахин, — после небольшой паузы пришел ответ. — А тебя?*

— *Я Хюррем! Хасеки Хюррем Султан!*

— *Заработался... — донеслось до меня тихое и печальное. Голос как будто отдалился — ощущение, которое сложно описать словами. — Вы мне уже и снится, а теперь еще и диалоги вот... Ай, Аллах, надо срочно брать отпуск...*

— *Я настоящая Хюррем! — возмутилась я в ответ. — Но... неважно. Что это была за идея с казнью?*

— *Мне надо убить Ибрагима-пашу в серии так, чтобы султан не нарушил свое обещание не отнимать у него жизни! — услышала я в ответ.*

— *А мне надо убить его в реальности!*

— *Понимаю, сочувствую.... В реальности убить — это вам не сценарии писать!»*

На этом связь резко прервалась, а я упала на пол и потеряла сознание.

Глава 5.

В чувство меня привел Гюль-ага, который был синим, словно хорошо полежавший трупик.

— Султан приказал привести пашу к нему на допрос, моя госпожа.

Данная новость вывела меня из обморочного состояния эффективнее, чем ведро ледяной воды, вылитой на голову. Времени нет, и я катастрофически, просто КАТАСТРОФИЧЕСКИ не успеваю предотвратить общение Сулеймана с Ибрагимом. Верить в то, что грек не расскажет про наши с ним шашни из любви или еще каких благих побуждений, очень хотелось. Но вот почему-то не верилось.

— Что мы можем успеть сделать, Гюль-ага? — держась за ноющее сердце, прошептала я. В глазах опять потемнело, мне не хватало воздуха. Чуть продышавшись, я увидела, как за верным слугой захлопнулась дверь.

И что он задумал?

Спустя пять минут в мои покои ворвалась лекарша, а следом за ней — бледный Сулейман. За их спинами маячил мигающий мне во все глаза евнух. Я сообразительно застонала и снова упала на пол, почти даже не симулируя.

— Хюррем! — кинулся к моей обморочной персоне Сулейман. — Что с тобой, моя Роза? Разие-хатун, осмотри госпожу немедленно! Да что вы все стоите?!!!

«Это его любимая фраза, я смотрю, особенно при общении с персоналом», — отстраненно подумала я, утомленно прикрыв глаза и слегка расслабившись. У меня было всего несколько минут, чтобы обдумать план, зародившийся в голове евнуха, и подыграть ему. Рассказать мне о нем он не мог, оставалось самой догадываться. Но суть я ухватила довольно быстро — задержать Сулеймана рядом с собой любыми способами, лучше всего — на ночь. А ночью Ибрагима-то и тогой... Устранить, в общем.

— Сулейман... — еле слышно, будто через силу выдохнула я, чуть приоткрыв глаза. — Мой Падишах...

— Да, моя Роза?! — на султана было страшно смотреть.

— Не уходи, Сулейман... — «слепо» зашарив рукой в поисках его ладони, прохрипела я, внутренне давясь от смеха.

— Побудь со мной немного...

— Я никуда не уйду, Хюррем! — пылко пообещал Сулик. А мне только того и надо!

— Обещай мне... (здесь был страдальческий надрывный кашель)... Обещай, что позаботишься о нашем сыне-э... — мне бы еще для достоверности скупую слезу пустить, да по заказу что-то не получается. Гадство. Вместо этого я опять «утомленно» зажмурилась, чтобы по ехидному блеску глаз меня раньше времени не вычислили.

— Да что ты такое говоришь, Хюррем?! Ты не умираешь! Ты завтра уже будешь на ногах, и возьмешь на руки нашего Мехмеда! — а сам на лекаршу вытаращенным глазом косит, я подсмотрела. Та развела руками и с белым лицом грустно покачала головой.

Гюль-ага мигнул мне еще пару раз, почему-то только левым глазом. Все ясно. Лекарше в кармашек перекочевал нехилый бакшиш, и теперь она будет петь ровно то, что от нее требуется.

А нам большего и не надо!

— Я сейчас, Хюррем, — осторожно положив мою потную ладонь на мое же пузо, султан отошел с лекаршей в угол и наклонил к ней ухо. Видимо, чтобы не пугать «бедную султаншу» раньше времени. Но у меня же слух упыриный...

— Госпожа очень плоха, Повелитель... Как бы ей сегодня-завтра не отправиться в райские сады Аллаха...

«Не дождетесь! — мысленно показала я язык и султану, и всему гарему, да и османской династии в целом. — Я еще вас переживу!»

— Из-за чего это?! — а сам чуть в халат ей не вцепился, чтобы потрясти, как грушу. И шипит этак заговорщически.

— У госпожи слабое сердце, Повелитель... Ей нельзя рожать так часто, нельзя волноваться... Недавние роды и новая беременность истощили ее организм...

И он поверит в этот бред?! Чтобы шестнадцатилетняя девица «истощилась» от каких-то родов?! Да я здорова, как стадо коров разом, тело-то нормальной деревенской девушки досталось, на парном молочке да домашних яичках выросшей!

Но султан скушал, будто так и надо. Аж глаза от слез заблестели. Отослав Разие взмахом руки, поднял меня с пола, заботливо уложил на кровать и руки на животе сложил. Еще бы глаза прикрыл ладонью — и было бы просто идеально. Готовый вам труп султанши, нате, пожалуйста — только простыночкой сверху еще задернуть надо, чтобы простые люди на такую ужась тухлую не смотрели.

Я старательно соответствовала своей роли «труп», внутренне угорая.

— Моя милая султанша, госпожа моего сердца... — а сам чуть в край своего же халата не сморкается. Еще бы в голос бы заревел для полноты картины и достоверности образа.

Гюль-ага неслышно подкрался и спрятался за балдахин, наблюдая за нами.

— Сулейма-ан... — прохрипела я, цепляясь за его ладонь, как только что восставший вампир за пойманную девственницу. — Что со мной?

— Ты всего лишь устала, — врет и не краснеет, а врать нехорошо! Аллах покарает, сурово и беспощадно. Впрочем, сама хороша. — Уже завтра тебе станет лучше.

Еще и «завтраками» кормит.

— Обещай мне, что ты не казнишь Ибрагима, — неожиданно ляпнула я. — Хотя бы пока Хатидже Султан не родит. Не оставляй детей без отца, мой Падишах...

— Хюррем, не думай об этом, — отмахнулся вредный Сулик. — Мы найдем Хатидже нового мужа.

— Она и этого любит... — я чуть не вышла из образа, и не начала упоенно спорить с султаном. — Они ведь так недолго были счастливы вместе...

— Он собирался отравить меня, Хюррем!!

— Это не доказано...

— Хюррем!!! — раненым бизоном взревел выведенный из себя Сулейман. — Хватит рассуждать об Ибрагиме! Его участь уже решена!!

Ну, решена — так решена. А вот за эти вопли раненого вепря я сейчас тебя самого задолбаю!

Застонав, я снова схватилась за сердце и закатила глазки. Гюль-ага немедленно выпрыгнул из своего укрытия и, охая и причитая, заметался вокруг меня, пока падишах мой недалекий хлопал глазами и ужасался тому, что натворил своей неконтролируемой вспышкой ярости. А вот ибо не...уй!

— Хюррем! — не выдержав, сдался Сулейман. — Если ты так из-за этого переживаешь, я не буду его казнить. Пусть Хатидже сама решает, как поступить с Ибрагимом, он ей изменил с обычной калфой! Но обратно в Диван он не войдет!

И не надо. Я моментально открыла глаза и улыбнулась мужу нежной и приветливой улыбкой. Оттяжку по времени я получила, теперь бы еще придумать — выгодно ли мне прощение грека влюбленной султаншей, или все-таки убрать его... От греха подальше, как говорится.

Мои размышления прервало появление калфы, искавшей Сулеймана.

— Повелитель... шах Тахмасп прислал Вам подарок... — бледнея и краснея, прошептала она. — Куда нам ее разместить?!

Ее разместить?!!!

Глава 6.

Скорость, с которой Сулейман вымелся из моих покоев, оставила какой-то неприятный осадок в душе. Нет, я понимаю, что ему очень интересно: какой подарок ему мог прислать заклятый враг Тахмасп, но все-таки... Бедную больную беременную султаншу бросил, гад. Османы, варвары средневековые...

— Гюль-ага, — слабым голосом позвала я верного евнуха. — Разузнай там все... Потом мне расскажешь. И отдай приказ на кухню, пусть приготовят мне шаурму. Рецепт я им

давала, должны помнить...

— Как прикажете, моя госпожа!

Евнух послушно испарился, я же поднялась с постели и на цыпочках подкралась к дверям, прислушиваясь. Шума и воплей из гарема пока не доносилось, но все еще впереди. И что там за подарочек, я же изведусь вся!

Присев обратно на постель, я попыталась включить логику. Судя по всему, подарочком является или наложница, или уже предлагавшаяся ранее сестра шаха. Насколько я помню, Сулейман был категорически против женитьбы на какой бы то ни было навязанной ему тетке, так что с этой стороны угрозы ждать не следует.

На данный момент моей проблемой был и остается грек из Парги, которого Хатидже, насколько я знаю эту влюбленную овцу, уж точно помилует. Истерики позакатывает, Нигяркину башку отрубленную в лицо бросит, поревет в три ручья —, но не разведется. Уж больно она на его «большом и толстом» помещана, уж простите мне мой цинизм.

А теперь вопрос на миллион — нужен ли он мне живым, или продолжить тему с отравлением? Первая попытка провалилась, но, как говорят в России: «Третий раз — алмаз!»

Так что не все еще потеряно.

Пока я предавалась размышлениям о судьбах своей Родины, успел вернуться взмыленный евнух. Выражение его лица мне почему-то не понравилось.

— Рассказывай, — дружески похлопав по кровати и предложив ему сесть рядом, сказала я.

— Госпожа... Это катастрофа! — обреченно застонал Гюль-ага, прикрыв лицо ладонями. Я пожала плечами. То, что сегодня выглядит как катастрофа, завтра может оказаться несущественным. — Шах Тахмасп прислал нашему Повелителю наложницу!

— Ну, что-то такое я и предполагала, — деланно спокойно сказала я. Тахмасп начинал меня понемногу раздражать. Присылать мужу наложниц, не спросив позволения жены — далеко на самая лучшая идея... И ему следовало бы об этом задуматься! — Какая она?

— Ей... ей лет десять, султанша! — вот тут мои глаза слегка полезли на лоб. И что с ней Сулейман делать должен?! Что может знать эта малолетка?!

— Я хочу сама на нее посмотреть, — неожиданно пришла в голову светлая мысль. — Позови ее ко мне, Гюль-ага. Сделаем вид, что я собираюсь объяснить ей правила жизни в гареме.

Евнух, почему-то молча, поплелся выполнять мой приказ.

Если бы я обладала даром предвидения и могла хотя бы предположить, какие неприятности мне устроит эта «малолетка»... Но чего нет — того нет. И мозгов у меня тоже нет, как оказалось.

В мои покои в сопровождении верного евнуха новая «наложница» заявила часа полтора спустя. За это время я успела от нечего делать проверить всю необходимую дипломатическую почту султана, и даже нацарапать пару ответов особо важным персонам. Потом со скуки вышла проветриться на балкон, но почти сразу засекала на соседнем Хати с Махидевран и поспешно слиняла обратно, не желая перекрикиваться с тетками и вообще делая вид, что я ужасно больна. А то донесут еще Сулейману, и оправдывайся потом, чего это я так бодро вскочила сразу после его ухода.

Девчонка была, мягко говоря, страшненькая. Волосы непонятного мышасто-коричневого цвета, выпученные глаза, словно у обладательницы была базедова болезнь в

запущенной форме, и ужасающе длинный кривой нос. Странные, однако, у шаха представления о наложницах...

Когда «красавица» подошла поближе, я рассмотрела еще и кучу веснушек, окончательно расстроившись. Смотреть тут было не на что.

— Поклонись, Фирузе, перед тобой Хасеки Хюррем Султан! — слегка подтолкнул ко мне девчонку Гюль-ага. В ответ малолетнее страшилище скорчило спесивую рожу и заявило (громко, чтобы я наверняка услышала):

— Кто она такая, чтобы я кланялась перед русской рабыней?!

Евнух опешил и не нашел, что сказать. Я усмехнулась и подошла поближе к девчонке.

— А кто ты такая, девочка, присланная в качестве постельной рабыни? — мягко улыбнулась я. Гюль-ага, уже очень хорошо знавший, что обозначает эта мягкость в моем голосе, вздрогнул. — Я законная супруга Повелителя мира, ты же — рабыня, и ничем не отличаешься от той, которую купили на Бедестане. Если хочешь когда-нибудь попасть на хальвет к нашему Падишаху, я искренне советую тебе попридержаться язык... А то его ненароком можно и вовсе потерять.

С этими словами я отвернулась от готовящегося зареветь чудища и взмахнула рукой. Гюль-ага понятливо утащил «неземной красоты» видение прочь, попутно шепотом объясняя ей, в чем она была права. Мне же было как-то удивительно мутно и грустно.

Следующий день я провела в праздном ничегонеделании, и только вечером меня ждал откровенно шокирующий сюрприз. В дверь поскреблись и, когда стража услышала приказ впустить визитера, в мои покои вошел Ибрагим-паша. Со слегка поцарапанной физиономией, но в целом живой и даже довольный жизнью.

— Паша? — удивленно приподняла я бровь при виде неожиданного гостя. — Чем обязана?

— Я уезжаю в Паргу, Хюррем. Хотел попросить тебя беречь себя и ходить по коридорам гарема осторожнее. Я боюсь того, что может с тобой случиться, — глумливо улыбнулся грек. Я напряглась, но постаралась не подавать виду, что испугана. — Теперь у тебя появилась соперница, Хасеки, и ей может не понравится, что ты носишь ребенка султана, который добавит тебе власти и силы.

— Это ОНА-соперница? — оглушительно расхохоталась я. — Ибрагим, ты сам-то видел эту соперницу?! От горшка — два вершка, а туда же, в султанши метит!

— Так-то оно так, моя луноликая госпожа, — усмехнулся грек, подходя к двери и явно желая показать, что разговор окончен. — Вот только сегодня «это» отправилось на хальвет к нашему Повелителю, который уже очень давно не принимал никаких наложниц, кроме тебя. Постучав в дверь, Ибрагим дождался, пока его выпустят — я же осталась стоять в полной прострации, не в силах осознать только что услышанное.

Глава 7.

Истеричная современная женщина или среднестатистическая гаремная тетка, узнав, что ее любимый (султан, муж, любовник) принимает в своих покоях одиннадцатилетнюю девицу с неустановившимся менструальным циклом, устроила бы истерику и побила гору посуды. Нормальная женщина пришла бы к нему и молча показала кодекс, в котором четко говорится о растлении несовершеннолетних. Хитрополая интриганка, боящаяся за свою власть — траванула бы мелкую крыску, пока та не успела вырасти и превратиться в злобного пасюка.

А вот мне почему — то резко стало всеравно. Словно все чувства к султану просто взяли и перегорели. Проплакала я всю ночь, утром полюбовалась опухшей рожей в зеркале, и решительно послала Гюль — агу к султану. У меня было только одно решение, которое пришло в голову под влиянием логики, а не сиюминутных эмоций.

И решение это я приняла, борясь с искренним желанием не просто травануть, а собственной косой удавить эту Фирузе, уже метящую на роль главной Хасеки гарема. Ну что ж, посмотрим, справишься ли ты с этой почетной ролью, которую я тебе уступаю. Временно.

Сулейман по случаю рождения у нас Мехмеда от щедрот своих отсыпал мне с десятков различных поместий, и, подумав над этим вопросом, я решила, что наилучший выход — отправиться в одно из них до момента родов. А с государственными делами, своим гаремом и вообще всем, этот озабоченный верблюд... то есть Падишах моего сердца, чтоб ему икалось, — пускай разбирается сам. Как сможет. Я же буду спокойно вынашивать свою дочь, и решать более важные и насущные вопросы.

Евнух меня не подвел — спустя буквально десять минут, после того, как я его отправила известить Сулеймана о моем отъезде, примчался с вытаращенными глазами.

— Моя госпожа... — и задыхается, бедный, аж сипит весь. Одышка — это плохо, нужно чаще спортом заниматься. А то как прихватит разок — и лишусь я своего самого верного слуги.... Будто оно мне надо.

— Садись, Гюль — ага, отдохни и выпей шербет, — заботливо предложила я. Евнух засветился от плохо скрываемой благодарности и с удовольствием осушил чашу с моим любимым дынным шербетом. — Ну, что там Падишах?

— Он очень разгневался на вас, госпожа, и приказал мне передать вам, чтобы вечером вы пришли в его покои. Я должен буду вас подготовить. Об отъезде Повелитель не сказал ни слова.

— Я должна прийти на хальвет? — с легким отвращением поинтересовалась я.

— Да, госпожа. Сегодня священная ночь четверга, Повелитель будет с вами.

Краем уха я и раньше слышала что — то об этой священной ночи, но, каюсь, пропускала мимо ушей. У меня и без того постоянно голова была забита всякими делами, больно надо еще на мелочах клиниться.

Но хальвет? ...

Решение пришло неожиданно. Я отослала евнуха отдохнуть в комнатку за ширмой, а сама села за стол и принялась сочинять вдохновенное письмо.

«Падишах моего сердца и моего мира! Припадает к твоим благословенным стопам любящая рабыня Хюррем! Прости мою дерзновенную просьбу, о мой господин! Но только ты в силах разрешить мою печаль.

Тоска и ревность сжигают мое сердце, Повелитель! Весть о том, что юная красавица (на последнем слове я вспомнила „ангельский“ лик Фирузе и слегка вздрогнула... Чур меня, чур!) прошла нынче ночью по Золотому Пути, ввергла меня в пучину горя, и разум мой помутился от страдания (Господи, шо за чушь я несу — то, а...).

От того и испросила я разрешения своего Владыки удалиться в дарованное мне поместье в Эдикуле, где я смогу найти применение своим силам и умениям, помогая своему господину в делах, им для меня назначенных.

Пребывание в одном дворце с тобой, видя, как ты расточаешь свое внимание и ласку иной женщине, заставляет меня невыносимо страдать, что плохо влияет на здоровье будущего нашего шехзаде, которого я ношу в данный момент в своем чреве.

(На последней фразе я выдохлась и решила больше не заморачиваться с выспренным восточным слогом.)

Посему прошу дать мне шанс отдохнуть, привести свои эмоции в равновесие и вернуться во дворец, сохранив нашего будущего ребенка и не борясь с желанием сбросить твою новую пессию с балкона в Босфор.

P.S. Пойми меня правильно, Сулейман — я от тебя завишу, но и свое мнение у меня тоже есть. И, если надо будет, поступлю я все равно по — своему. Но последствия будут более значительными.

Твоя Хасеки»

Запечатав письмо, я вручила его Гюльнихаль, приказав передать стражникам покоев Повелителя. Надеюсь, ей не придет в голову совать туда любопытный нос, в противном случае нос будет плавать отдельно от тела, а сама Мария в мешке в Босфоре — отдельно.

Вздыхнув, я отложила перо и взяла со столика у кровати любимое мятное масло. В очередной раз нещадно разболелась голова, а „Нурофена“ и его аналогов в XVI веке еще не придумали. Впрочем, масло тоже неплохо подходит.

Спустя двадцать минут девушка вернулась и передала мне, что Повелитель письмо получил лично в руки, а так же попросил ее через час подойти за ответом. Я кивнула и отпустила Гюльнихаль в ташлык, отдохнуть и пообщаться с другими девушками. Сама же решила навеститься в гости к Махидевран.

От неспешного облачения в новый темно — синий кафтан, только сегодня переданный мне портнихой, отвлек дикий крик из гарема, после которого послышались причитания и бессвязные вопли, умоляющие Аллаха сохранить ее дитя. Чуть прислушавшись, я похолодела — кричала баш — кадина. Плонув на наряды, лохматая как веник, я бросилась из покоев в ташлык рабынь.

— Махидевран! — меня откровенно испугала открывшаяся глазам сцена: баш — кадина прижимает к груди почти синего шехзаде и воет, словно раненная волчица над своим погибшим детенышем. — Что случилось?! Что с Мустафой?!

— Отойди, Хюррем, не лезь не в свои дела, — вынырнула откуда — то из — за угла сердитая Хатидже с высокомерной рожей. Во мне колыхнулась ярость.

— Все, что происходит в гареме Повелителя — это МОИ дела, потому что я — его главная жена, Хасеки! Не забывайте об этом, султанша!

От моего тона сестрица Сулеймана вздрогнула, как от пощечины. Махидевран же продолжала раскачиваться, прижав ребенка к груди и завывая. Я кинулась к ней...и с ужасом поняла, что ребенок не дышит.

Единственное, на что меняхватило — это без церемоний упасть рядом с Махи, и обнять ее за плечи. Боль от потери ребенка — это не та боль, которую бы я пожелала бы пережить хоть кому — то. Даже если этим „кем — то“ будет мой злейший враг.

— Оповестите Сулеймана, — с трудом найдя в себе силы, отдала я приказ. Хатидже со странной смесью эмоций наблюдала за нами. — Пусть Повелитель придет сюда.

— Хюррем... Почему он не дышит?! — глаза баш — кадины были похожи на две узенькие щелочки из — за опухших век. Она ничего сейчас не видела, просто продолжала сжимать сына в объятиях, словно надеялась, что это вернет его к жизни. — Он утром покушал, занимался с учителем, а потом хатун, которая водила его гулять, примчалась с криками, что шехзаде стало плохо... Я плохая мать, Хюррем?! Почему я не могу разбудить своего сына?!!

Я молча обняла ревущую в голос баш — кадину и прижала к себе. Слова здесь были не нужны, да и не при любопытных девках из гарема утешать мою вроде как соперницу. Сперва надо разогнать толпу, дожидаться Сулеймана, а затем — разобраться по порядку во всем произошедшем.

Мой взгляд упал на лицо мальчика, и в душе неожиданно зашевелились смутные сомнения.

Глава 8.

В небольшом заведении, уютно укрывшемся на одной из многочисленных улочек Стамбула, нынче вечером было весело. Янычарам раздали бакшиш в честь какого-то праздника, и их аги в данный момент накачивались вином и наслаждались обществом прекрасных женщин в этом почтенном заведении, которое держал многим известный Давуд-эфенди.

Сидевший за низким столиком в углу человек в темной, но дорогой одежде, внимательно наблюдал за веселящимися из-под капюшона своего плаща. Спрашивать незнакомца, почему он не снял плащ в помещении, где сухо и тепло, никто не стал — здесь это было в порядке вещей. Возможно, незнакомец ждал кого-то для важных переговоров и не хотел быть узнанным.

Когда в заведение вошла молодая девушка с замотанным в плащ спящим мальчиком на руках, незнакомец заметно оживился. Махнув девушке рукой, он встал со своего места и направился на второй этаж заведения, где располагались комнаты для отдыха. Девушка поспешила следом за ним.

Вскоре в неосвещенной комнате состоялся примечательный диалог.

— Айлин... — тяжелый вздох мужчины выдавал накопившуюся в нем усталость. — Ты молодец, девочка. Все сделала правильно. Смогла. Я горжусь тобой!

— Паша...

— Молчи, — палец мужчины коснулся нежных губ, призывая к тишине. — Он будет в безопасности там, уж это-то я обещаю.

— Господин... — девушка чуть не рыдала.

— Ты все сделала правильно. А теперь иди. И забудь обо всем произошедшем.

Но дойти до двери девушка просто не успела. Сильная рука схватила ее за горло, и острый кинжал вспорол его так же легко, как шелковую нежную ткань. Зажав рот девушки рукой, мужчина медленно, стараясь не производить лишнего шума, положил ее тело на пол и дождался, пока сердце несчастной не перестанет биться. Затем вытер окровавленный кинжал о свой плащ и поспешно спрятал его за пояс.

Мальчик все так же мирно спал, и, казалось, вовсе не думал просыпаться. Взяв его на руки и нежно укрыв плащом, мужчина быстро и бесшумно вышел из комнаты, а через минуту покинул заведение.

Больные и воспаленные глаза Махидевран теперь будут сниться мне в кошмарах. После того, как прибежал Сулейман и начал причитать над телом своего сына, говорить с этой парой горюющих родителей не было возможности. Мне пришлось, скрипя зубами, покинуть их и направиться в покои к валидэ. Она единственная, с кем я сейчас могу поговорить —

несмотря на ее заносчивость и любовь к пустяковым капризам, Айше Хафса мудрая женщина.

Кому еще мне рассказать о своих подозрениях насчет Мустафы в этом гареме, как ни ей?

Но невезение сегодня решительно меня преследовало.

Валидэ спала. Служанки посовещались и предложили мне прийти попозже, когда их госпожа встанет. С каждым днем состояние здоровья Хафсы все ухудшалось — у нее уже почти не оставалось сил на то, чтобы разгуливать по гарему и навещать наложниц Сулеймана. Она все чаще ложилась отдыхать среди дня, и недалек был тот день, когда Царственная колыбель окончательно отправится в сады Аллаха к своему возлюбленному супругу и господину.

Стыдно признаваться, но я буду по ней скучать.

С этими мыслями я направилась в свои покои и неожиданно наткнулась на маленького самодовольного крысенка, копошившегося на этаже фавориток с сундуком, полным завалявшихся без дела тканей. При виде меня ЭТО выпрямилось, гордо подбоченилось и заявило:

— Что, госпожа?! Вы говорили, что не видать мне Повелителя и хальвета!

Это когда я такое говорила?!

— И вот! — с гордой рожей Фирузе обвела рукой три сундука и какой-то тюк. — Наш милостивый падишах подарил мне это после вчерашней ночи!

Ох ты ж, Господи. Ну и радуйся этому теперь.

Я молча пожала плечами и попыталась пройти в свои покои.

— Вашей власти пришел конец!

Из моей груди вырвался нервный смешок. Ее Тахмасп прислал специально, чтобы меня доводить? Надо будет сказать спасибо, написав ответное письмо, а то мне как-то скучно жить стало в тихом гареме.

Вокруг нас начали собираться фаворитки Сулеймана. Айше Хатун, который давным-давно разок посчастливилось побывать в «райских садах» молодого и голодного до тела Сулика, с искренним интересом прислушивалась к словам писклявой швабры.

Швабра одернула на подобии груди кривенький лиф платья, и пошла в атаку.

— Вы и так нарушили все правила и устои гарема!

— Прекрасно, но это я и без тебя знаю, — нежно улыбнулась я, наконец-то соизволив развернуться к сопернице лицом. — И что дальше?

— Наш Повелитель женился на безродной рабыне с Красной Руси! Его теперь за это позорят! — обличающе ткнула пальцем мне в грудь маленькая хамка. Я молниеносно перехватила ее руку и сильно сдавила ее, выкручивая запястье. Дождавшись, пока Фирузе заревет от боли, склонила ее как нашкодившего щенка и, нагнувшись к ее лицу, тихо прошипела:

— Запомни, Фирузе. Если ты еще раз, еще ХОТЬ РАЗ скажешь что-то не то и не тем тоном обо мне, или о нашем Повелителе, да еще и в присутствии других рабынь — я задушу тебя вот этими самыми руками, а затем сброшу в Босфор. И знаешь, что? МНЕ ЗА ЭТО НИЧЕГО НЕ БУДЕТ.

С этими словами я оттолкнула от себя рыдающую девчонку и молча прошла в свои покои под испуганными взглядами наложниц.

В голове был полный и форменный бардак, избавиться от которого не представлялось

возможным. Перед глазами стояло злое и красное лицо Фирузе. Мне стало почему-то стыдно перед маленькой, но наглой девчонкой за свое поведение. Разговаривать злобным тоном и пугать людей я училась еще в современной Москве, и теперь мне было страшно за неподготовленные мозги средневековой племянницы шаха. С другой стороны, она хамила главной Хасеки гарема, а это плохо. За такое наказывают. А я ведь ее даже в темницу не отправила!

Успокоив себя этим соображением, я потянулась за лукумом и неожиданно заметила отсутствие Гюль-аги.

И где мой верный евнух, простите? Озаботившись этим вопросом, я позвала Марию, новую рабыню из Греции, недавно подаренную мне Валидэ Султан.

— Мария, найди Гюль-агу, и позови ко мне, — в изнеможении опускаясь на изящную оттоманку, попросила я. Девушка поклонилась и побежала исполнять приказ.

Только я вздохнула свободно, ожидая прихода верного слуги, как в мои покои вломился страдающий Сулейман.

— Хюррем! — вырвался из него крик души, и мне пришлось спешно бежать к нему с утешениями. — За что Аллах так покарал меня, скажи?! За что?!

А я как будто знаю. Я что, Аллах?!

Мило улыбнувшись, я обняла Сулеймана и начала нести убаюкивающую ересь о том, что Бог не посылает человеку испытаний выше его сил. Поддавшийся моим увещаниям Сулейман уютно разместился на кушетке и посадил меня на колени, спрятав лицо в вырезе декольте.

Ты еще поплачь, маленький большой мальчик. Я на тебя злая до сих пор, между прочим, а ты тут бегаешь как ни в чем не бывало.

— Моя Хюррем... — и руки еще целует.

— Сулейма-ан... — томно прошептала я. — А ты внимательно смотрел на лицо погибшего мальчика?

Султан вздрогнул, как от удара, и уставился на меня испуганными глазами.

— Почему ты не назвала его... Мустафой? ...

— Потому что это не Мустафа, — мило улыбнулась я, поднимаясь с колен мужа. — И я тебе это докажу.

А ведь хотела же сперва с Валидэ все обсудить, идиотка!

Глава 9.

Корабль готовился к отплытию, капитан и матросы сновали по берегу, будто толстые мыши, готовящие запасы на зиму. Темноволосый мужчина с маленьким мальчиком на руках невольно усмехнулся, заметив такое сходство.

Мыши, они и есть мыши — хоть и в человеческом облике. Трусливые, глупые и маленькие. Они не стремятся к власти и довольствуются самым малым — небольшим кошельком с золотом, выгодно сосватанной женой и дарованными Аллахом детьми.

«А я власти хочу, — сердито подумал про себя темноволосый мужчина. — И ее. Русскую нахалку. Вот угораздило же влюбиться на свою голову!»

Как вы уже, наверное, догадались — темноволосым мужчиной был бывший Великий визирь Сулейман-хана, сын греческого рыбака из Парги, Ибрагим-паша Хазретлери.

В данный момент он ждал отплытия судна, на котором его доверенный человек должен

будет увезти маленького шехзаде Мустафу, которого все во дворце на данный момент должны считать мертвым. Если только русская ведьма не заметила подмену... При этой мысли бывший Великий визирь содрогнулся. Впрочем, даже если и заметила — ее это уже никак не спасет.

Рустем-ага, правая рука Ибрагима и вернейший помощник в делах, показался на верфи спустя десять минут. В развевающемся плаще, с торопливой и немного нервной походкой, этот конюх из Боснии был похож на вора, который старается скрыться от правосудия, но нечистая совесть выдает его жестами и словами. Хотя Рустем никогда не был вором, а привычка так двигаться пришла из его бедняцкого детства, когда тощего и жалкого мальчишку часто колотили старшие товарищи.

— Я все сделал, как вы приказали, паша, — наклонившись к Ибрагиму, тихо сообщил Рустем. — Ее привезут сегодня ночью.

— Отлично! — лицо Ибрагима просияло. Это значит, что завтра утром они смогут отплыть на другом корабле. И прощай, мерзкий Стамбул, интриганы-визирь и стелящиеся перед Сулейманом янычары! Прощай, заносчивая и спесивая валидэ, отравленная медленно действующим ядом, невыносимо жарко глядящая на него каждый раз баш-кадина и опостылевшая, ненасытная жена! — Забирай мальчика, отплытие через полчаса. Деньги у тебя есть?

— Я взял с собой несколько тысяч акче, из тех, что вы мне давали, паша.

— Отдашь его моему отцу. Запомни — он рыбак, простой рыбак. Его зовут Георгис...

— Вы говорили, паша.

— Передай, что я приеду к ним при первой возможности. Пусть берегут мальчика и по возможности не выпускают гулять.

— Я все понял, господин.

Ибрагим молча стянул с руки дорогое кольцо, подаренное ему султаном на свадьбу. Положил в ладонь Рустема и передал ему сонно сопящего Мустафу, поплотнее укутав мальчика в плащ. Пусть пока шехзаде поживет вдали от этого грязного дворца, где сами стены пропитаны кровью, а царственная династия морально разлагается. Через год или два он заберет его в дом, где будут расти его дети от любимой женщины, и воспитает как своего собственного сына. Чтобы в один прекрасный момент, когда мальчик будет готов, а его отец отправится в райские сады Аллаха, занять трон династии Османов, приняв меч Аюба. А Ибрагим станет при нем не только Великим визирем, но и фактическим правителем.

— Ее доставят туда, куда мы договаривались? — перед тем, как уйти, поинтересовался Ибрагим. Рустем молча кивнул и приложил ладонь к губам, к сердцу и ко лбу, прощаясь на восточный манер со своим покровителем. — Удачного плавания тебе, ага!

— И вам, господин!

Мужчины разошлись. Рустем направился в оплаченную каюту, где его уже ждала служанка, нанятая Ибрагимом для ухода за Мустафой, а бывший Великий визирь направился в очередной дом увеселений, чтобы дожидаться посыльного с поистине драгоценной ношей, который должен будет появиться в полночь.

Последнее, что я помнила перед тем, как потерять сознание — это удар по голове тяжелым и тупым предметом. Дальше только блаженная темнота, которая принесла с собой покой и облегчение. Перед этим мы обсудили вопрос похищения Мустафы с Сулейманом, и

супруг мой помчался выяснять все, что только можно, к горюющей баш-кадине. А я начала бесцельно бродить по покоям, размышляя, где же пропал Гюль-ага с давно обещанной мне шаурмой.

Потом был стук в дверь, вошел потерянный евнух с лакомым блюдом, я потребовала отчета и, вгрызаясь во вкусно пахнущую трубочку с начинкой, повернулась к нему спиной... А дальше я уже говорила. Удар по затылку и темнота.

Очнулась я уже поздно ночью, обнаружив себя полностью раздетой в незнакомой комнате. Это что еще за...?

— Есть здесь кто-нибудь? — от долгого пребывания в обмороке горло пересохло, и теперь я хрипела, как испорченный патефон.

— Проснулась? — раздался знакомый и очень ехидный голос, а затем на свет, идущий от небольшой свечи, вышел... Ибрагим в халате. С довольной-предовольной рожей.

— Э? — моя челюсть плавно отвисла. Мстить будет за неудавшееся отравление? — Это как понимать?

— Мы уезжаем, — нахально укладываясь со мной рядом и жадно огладив мою грудь, пробормотал опальный паша. Я рефлекторно дернулась и слегка заехала локтем ему в лицо. — Утром сядем на корабль, и поплывем в Венецию.

— Зачем?! Ты sdурел... — я рывком села на постели, подтянув одеяло к груди. А то его жадно горящие глазки меня пугают. — Я Хасеки Султан! Сулейман казнит тебя, если узнает.

— Мне плевать.

И глаза такие безумные-безумные...

Я внимательно посмотрела на упрямое лицо грека, и до меня стало доходить. Он меня не травить или убивать придумал, он меня украсть решил! Не из-за ребенка ли?

Ох и чуда-ак...

Но где-то в глубине души было даже приятно. Нет, честно.

— Зачем? — это все, на что меня хватило. Ибрагим посмотрел мне в глаза и промолчал. Видимо, и сам толком не знает, зачем. А может, признавать не хочет. — Я ношу ребенка от султана.

— Мне плевать.

Ах, уже даже и на ребенка плевать?! Ну дела...

— Ты его не любишь, — помолчав и отвернувшись от меня, сказал грек спустя пару минут. Я сверлила его спину взглядом и молчала. — Тебе нужна любовь, Хюррем. Настоящая, страстная. Не только власть. Эта власть стала делать тебя такой же бездушной куклой, как и всех в этом дворце, но ты не такая.

Загнул так загнул.

— Я просто увезу тебя с собой, и мы будем жить в мире и покое. Ты была христианкой, как и я. Мы придем в церковь и обвенчаемся там, заново приняв христианство.

Моя челюсть тихо уехала вниз. Один раз меня уже увезли в ковре в Анапу, в бытность мою молодой взбалмошной девицей, а теперь не в ковре, но в Венецию! Расту потихонечку...

— Ты сошел с ума... — тихо и обреченно заметила я. А потом просто не заметила, как оказалась в объятиях этого безумца, растворяясь в жаркой патоке страсти. И было мне в этот момент ну никак не до Сулеймана и его украденного сына. И кто я после этого?

Султана Сулейман-хана ждал неприятный сюрприз, когда ранним утром к нему в покои ворвалась перепуганная Валидэ Султан, и объявила, что рыжая Хасеки куда-то пропала из своих покоев. Попыталась было обвинить Хюррем в отравлении шехзаде, но услышала, что мальчик, которого похоронят завтра, не ее внук, и пришла в еще больший ужас.

А Сулейман даже толком не осознал спросонья, что ему сказала сиятельная матушка. Лишь после второй чашки кофе (набрался дурных привычек от жены!) султан еще раз проанализировал услышанное... и пришел в ярость.

— ГЮЛЬ-АГАУ КО МНЕ, ЖИВО!!! — царственный львиный рык разнесся по все коридорам дворца Топ-Капы. Но вместо Гюль-аги какой-то леший принес сияющую, будто медный пятак, Фирузе.

— Что ты хотела, хатун? — гневный взгляд Сулеймана более умного человека мигом бы заставил предложить «зайти попозже», и бежать без оглядки, пока не казнили под горячую руку. Но не эту маленькую бестию.

— Мой Повелитель, — лукаво щурясь, притерлась к нему маленькая наложница, оказавшаяся не такой уж и маленькой, да к тому же весьма искушенной в искусстве наслаждения. Как выяснил Сулейман в ходе беседы, Фирузе было не 10 и даже не 12 лет, а все 17, просто она выглядела очень юной. — Повелитель, я беременна, и скоро рожу вам еще одного шехзаде!

Сулейман даже как-то растерялся.

— Не рано строить догадки, хатун? Ты была на хальвете только позавчера... — осторожно отодвинул он от себя бессовестную врушку. Но та мигом покраснела, залилась слезами, и сквозь всхлипы Сулейман в ужасе различил уверения, что именно позавчера у Фирузе были благоприятные дни, и сегодня повитуха, осмотрев ее, сообщила о беременности, так как утром девушке стало плохо. — Тогда возблагодарим Аллаха за этот подарок, и будем ждать, что ты родишь нам здорового сына. А теперь иди, можешь сообщить об этом Валидэ, чтобы она устроила положенный праздник в гареме и сообщила всем эту новость.

— Но я так хотела побыть с вами, Повелитель... — еще горше зарыдала наглая девица, косясь на Сулеймана хитрым глазом. Султан чуть не сорвался, но постарался держать свой гнев в руках и не пугать беременную наложницу.

— Я занят, Фирузе. Иди.

По грозным интонациям в голосе Падишаха девчонка наконец-то поняла, что ей не рады, и поспешила убраться. Султан вздохнул с облегчением. Ему почему-то все равно не верилось в беременность наложницы, и он решил лично допросить повитуху, которая ее «осматривала».

Знания о женском организме и процессе зачатия, полученные от Саше, ему здорово пригодились.

Когда я проснулась, стоял уже глубокий день, близившийся к вечеру. Ибрагима в покоях не было, зато на столике около кровати стоял поднос с едой, заботливо прикрытый льняной салфеточкой, и кувшин с соком. Оценив такую о себе заботу, я немедленно накинулась на сок, так как во рту после сна пересохло. Кофе бы сейчас... И сигарету.

И обдумать все, что произошло этой ночью.

Добравшись до лукума, и закутавшись в найденный у постели плащ, я заработала

челюстями, одновременно пытаюсь систематизировать имеющуюся у меня информацию.

Меня похитили — это раз.

Помог в этом мой «верный» евнух, уж и не знаю, чего ему там пообещали — это два.

Султан наверняка уже в курсе — это три.

Ибрагим хочет увезти меня ночью в Венецию, и там жениться. Это четыре.

А теперь главный вопрос. Чего хочу я?

Ответ пришел почти сразу, я даже монетку по привычке подбрасывать не стала. Я хочу власти. А власти мне бывший Великий визирь, а ныне опальный зять султана дать не в силах. Вывод? Мне нужно срочно бежать, пока есть еще такая возможность. Возвратиться во дворец и что-нибудь наплести султану о своих похитителях, не сдавая Ибрагима. Я все-таки не совсем сволочь, хотя, может, и следовало бы ею стать.

А теперь вопрос — сколько у меня есть времени, и как отсюда выбраться? Не думаю, что дверь из комнаты осталась заботливо открыта!

Подойдя к вышеупомянутой и хорошенько ее подергав, я утвердилась в своих догадках. Ай, Ибрагим, не доверяешь мне, догадался, что сбегу! Молодец. Умный мужик. Даже жаль, что я не увижу, какие у нас с ним могли бы быть дети. Не в этой жизни, как говорится.

Остается только окно. Комната на втором этаже, но этажи низкие, потолки в комнатах от силы метра два. Со второго этажа в Топ-Капы я бы прыгать поостереглась, а тут и простыни вполне хватит.

Значит, надо действовать быстро. Чтобы попасть во дворец, мне достаточно дойти до рынка и попасть в руки кого-то из янычар, они наверняка отведут меня к Повелителю, если я пообещаю награду. Сама я вряд ли найду дорогу, так как из дворца если и выбиралась, то в закрытой карете с занавешенными окнами, а вместе гулять по рынку в одежде простолюдинки султан меня с собой не звал. Для этого у него был любимый Ибрагим.

Подхватившись, я заметалась по комнате в поисках хоть какой-то одежонки, но кроме плаща, не нашла ничего. Он и мое платье унес, сука! Во мне вскипела дурная татарская кровь, и ужасно захотелось отходить Ибрагима подсвечником, или сдать султану. Но пока буду бежать до дворца, это желание пройдет.

Кое-как намотав простыню наподобие тоги и сколов вытащенными из прически шпильками, я почувствовала себя готовой к подвигам.

Хоть и босой.

Обувь он тоже унес. Гад.

Накинув сверху импровизированной тоги плащ и проверив наличие украшений, которые постоянно носила, я слегка успокоилась. При необходимости, кольца и серьги я тоже смогу превратить в валюту, если понадобится. А сейчас — простыню на оконную раму, и прыгаю! Срочно! Пока не явился блудный паша, может, он вообще в сортир по нужде бегал? И жди его с минуты на минуту!

Подскочив к окну, я закусил губу и отчаянно застонала. Дура! Да как я только не заметила, что на окнах стоят решетки! От горя вцепилась в одну из них, пошатала и неожиданно поняла, что она поддается. Добавим нажима!

Через пару минут одна из решеток была вырвана с мясом — видимо, строители ее на молитвы Аллаху и собственные сопли приколачивали. Подскочив с кровати и рывком сдернув с нее простыню, я быстро, постоянно оглядываясь, намотала ее одним концом на раму, вторым бросив на землю. Достать она, конечно, не достала, но упасть с высоты в полтора метра я смогу, сгруппировавшись. Падала уже так пару раз, и ничего, живая!

Помоги мне Аллах!

С этими мыслями я влезла на подоконник, и приготовилась к прыжку. Эх, где наша не пропадала! В случае чего, не поминайте лихом — а поминайте водкой!

Зажмурившись от страха (я не говорила, что УЖАСНО боюсь высоты?!), я сделала шаг вниз, ощутила под собой пустоту и в этот же момент услышала с порога недоуменный вопль: — Хюррем?!

Но было поздно, я уже летела на землю с тихим незлым матерным воплем. Попробуй меня теперь догнать, паша!

Глава 11.

Во дворце Топ-Капы царила самая настоящая паника. Наложниц, до этого преспокойно перемывавших кости султанским родственницам, Хасеки и новой фаворитке Повелителя Фирузе-хатун, озадачили с самого утра.

Сперва верный евнух Валидэ-султан, Финам-ага, приказал раздать всем золото и сладости, что означало на языке гарема только одно — у султана скоро появится еще один наследник, ин ша Аллах, это будет новый шехзаде! Но сразу после этого перед девушками встал вопрос — а кто же та счастливица, если о беременности Хасеки Султан и так уже всем давно было объявлено?!

Уже спустя полчаса после раздачи сладостей и монет девушек вновь огорошили. Суетливо бегающие по гарему евнухи, заглядывающие в каждый уголок, и начавшие по одной куда-то уводить притихших наложниц, дали понять, что в гареме творится нечто неладное. А там и вернувшиеся с допроса подлили масла в огонь — и по гарему быстро поползли слухи о том, что их рыжая Хасеки, отрада сердца и улада души самого Повелителя Мира, куда-то пропала. И есть все основания предполагать, что ее похитили.

— Гюльнихаль-хатун, — новенькая наложница, присланная в подарок Сулейману несколько месяцев назад, несмело обратилась к доверенной служанке Хюррем Султан. — Это правда, что похитили нашу Госпожу?

Гюльнихаль раздраженно передернула плечами — ей не очень-то и хотелось отвечать на вопрос, после которого они посыплются горохом. Но гаремные девушки таковы — не ответишь, сами запустят машину слухов, да такую, что и проблем потом не оберешься. Поэтому она отделалась общей фразой, мол, «Госпожу похитили, но Повелитель делает все, чтобы ее найти!» и убежала по своим делам. Ей нужно было отнести шехзаде Мехмеда к кормилице.

И она попросту не обратила внимания, как новенькая наложница, чьего имени просто никто не мог запомнить, нахмурилась после ее слов и начала сосредоточенно что-то обдумывать.

Султан буйствовал. Его раздражала необходимость одновременного поиска украденного сына (и то пока что это были ничем не подтвержденные догадки его рыжей султанши) и собственно султанши, которая была беременна и потому ценна вдвойне.

Глава бостанджи, особого отряда янычар, Ниман-ага, стоял перед гневающимся Повелителем навтыжку и докладывал о ходе «проведенного ими расследования». Как водится, ничего они пока и не нашли, только сменившиеся утром стражники сказали, что никто ночью из дворца не выходил, мешков подозрительных не носил, топить никого не топил, да и ходили вообще все свои.

От таких новостей легче на душе султану ну никак не становилось. И в этот знаменательный момент в двери покоев постучали.

— Войди! — раздраженно крикнул Сулейман, которому бороду на себе рвать хотелось от плохо скрываемого бешенства. Но бороду было как-то жаль — она росла плохо, медленно, и поэтому султан старался как мог ухаживать за ней, подстригать для придания ей вида пышного и аккуратного и питать всякими бесценными маслами. Да и вообще втайне ей любовался.

Дверь покоев отворилась и вошла маленькая хрупкая наложница с роскошными золотыми волосами ниже пояса, на которые сразу обратил внимание султан. Наложница была неуловимо похожа на исчезнувшую Хюррем, невинна и весьма привлекательна.

«И чего я так редко через гарем хожу... — невольно подумал Повелитель Мира. — Когда там такие цветы распускаются и цветут пышным цветом. Непорядок!»

Мягко улыбнувшись наложнице, Сулейман поинтересовался:

— Что ты хотела, Хатун? Как тебя зовут?

— Анастасия, Повелитель, — несмело улыбнулась ему златовласая прелестница. — Я пришла рассказать вам о том, что случайно увидела сегодня ночью. Это касается нашей Госпожи, Хюррем Султан, и ее поисков.

Мысли о вечернем хальвете с рыженькой наложницей моментально испарились из головы султана после этих слов.

Удар о землю получился внушительным. Не знаю, почему — то ли я слишком уж задумалась о том, кто сейчас торчал в окне с перекошенной физиономией, то ли еще что-то отвлекло... Но результат вышел печальным. Ударилась я сильно. Да так сильно, что в глазах потемнело, и на пару минут я от боли потеряла сознание. А вот когда открыла их...

Ох, лучше бы и не открывала.

— И куда ты собралась, Хюррем? — подозрительно ласково и очень тихо поинтересовался у меня грек, в чьих руках я сейчас и лежала. Я сочла за благо промолчать. Сказать было нечего — и так всем все понятно. — Ты когда-нибудь от кого-нибудь вообще слышала.... Что ты просто дура?!

Вот тут я оскорбилась не на шутку. И возмущение вылилось из меня раньше, чем я успела прикусить язык.

— А ТЕБЕ когда-нибудь кто-нибудь говорил, что ты просто полный недоумок, господин «бывший Великий Визирь»?! Ты хотя бы понимаешь, что Сулейман уже тысячу раз успел разослать янычар по городу на мои поиски?! Ты ПОНИМАЕШЬ, что будет, когда меня обнаружат — и тебя рядом?!

— Дура... — тихо и обреченно промолвил бывший паша. — Мы не в городе. Это раз. И второе — ты что, и правда считаешь, что я этого не предусмотрел?!

С этими словами он пнул дверь в комнату, ставшую для меня временной темницей, и сгрузил меня на кровать. Я слегка приподнялась на локтях и недоверчиво всмотрелась в его усталое, но все-таки безумно красивое лицо.

— Ибрагим, я жду объяснений.

Удивительное дело, но голос меня подвел — нельзя слишком внимательно рассматривать красивых мужиков, запомните это. Особенно если собираетесь с ними спорить. Предательское тело тут же начинает откликаться на какой-то глубинный и почти

животный призыв, который исходит от этого мужчины, и тело тебя подводит. Потому что что бы ты не говорила и не думала в этот момент, бессознательные сигналы тела буквально в голос орут «Возьми меня, животное!»

Нелегко быть женщиной в общем — вот что я вам скажу.

...А самое паршивое в данном случае то, что мужчина тоже прекрасно и безошибочно твои сигналы распознает. И минут через десять я обнаружила (с удивлением, переходящим в негодование), что с энтузиазмом целую эту усатую сволочь с манящими глазами, мои руки обвились вокруг его шеи, вцепившись в нее как утопающий цепляется за соломинку, а руки этого бесстыдного нахала уже давно гуляют под моей импровизированной тогой.

В ужасе осознав всю глубину своего падения, я отшатнулась от ухмыльнувшегося Ибрагима.

— Сволочь...

— И ты *мне* это говоришь?! — шутливо дернул он меня за косу. — Это ты лишила меня последнего разума, коварная женщина! Плыл бы я себе сейчас уже в Паргу, спокойно размышляя о вечном, так ведь нет — в тебя влюбиться угораздило...

А самое страшное заключалось в том, что влюбиться, кажется, угораздило нас обоих...

Спустя пару минут я сдалась на милость победителя, решив получить от последних часов своей жизни все, что только можно, и даже чуточку больше. Мне захотелось запомнить его именно таким — бережно и внимательно, со страстью, переходящей в исступление, изучающим мое тело. Целующим, гладящим, ласкающим и кусающим — его руки и губы, казалось, лучше меня знали, что именно нужно мне и моему телу в данный момент.

И я поддалась, растворяясь в этой томной неге, охватившей все тело.

Потому что еще пара часов — и нас найдут люди султана. Ибрагима казнят, меня, если не успею придумать правдоподобное вранье по поводу причины моего похищения — тоже. А мне уже и не хочется особо что-то придумывать.

Я просто...хочу жить... вот такими мгновениями... растворяться в руках и таять под губами действительно любящего мужчины...

И будь оно что будет. Мне уже все равно.

Потому что именно в эти короткие и безумно счастливые мгновения я не Хасеки Повелителя Мира. Не Хюррем Султан, баш-кадина человека, в чьих руках находится власть над половиной земного шара.

Я просто Александра... И именно он делает меня такой.

Глава 12.

Сулейман с перекошенным под шлемом лицом мчался во весь опор по дороге в Манису, и мысли его одолевали самые отрицательные. Рассказ наложницы о том, что его Хасеки по доброй воле сама ушла из гарема, бросив его, его семью и сына на произвол судьбы, довел султана до искреннего бешенства.

Сейчас у него было только одно желание — найти беглянку и бросить ее в темницу, чтобы подумала над своим поведением. А после того, как она родит нового шехзаде, он прикажет ее казнить.

Потому что прощать такой грех, да еще и известный наложнице, которая начнет

распускать в гареме слухи — непозволительно для его репутации!

Спустя пару часов бешеной скачки Сулейман начал понемногу остывать. И мысль о казни рыжей бестии уже казалась ему недопустимой. Обойдется и пожизненной ссылкой в самый дальний дворец.

А наложницу, рассказавшую ему о грехе, можно просто кому-нибудь из визирей или беев подарить. Либо вовсе — в мешок и в Босфор. Власть многое позволяет ее имущим, что уж тут говорить...

И поглощенный своими мыслями султан просто не заметил, как отстала от него его верная охрана из самых сильных янычар, а на дорогу, заступив ее коню, вышли несколько бородатых мужчин самой разбойной наружности.

— Деньги, — схватив коня за узду и мрачно глядя в яростные голубые глаза Повелителя мира, потребовал главарь небольшой банды. — И мы тебя не тронем.

— Махмуд, пусть коня тоже оставит! — зашипел ему на ухо подельник. — Конь дорогой, выгодно продать можем!

— Собаки, — процедил надменный Сулейман, незаметно кладя руку на оголовье ятагана. — Да как вы посмели, наглые свиньи, заступать дорогу своему Повелителю?!

Разбойники переглянулись и рассмеялись. Этого султан просто не мог стерпеть. Свистнула полоса остро отточенной стали, и голова ближайшего оборванца покатилась в придорожные кусты, приминая молодую траву. Оставшиеся трое отшатнулись от разъяренного всадника, оцетинились, достав кто откуда палки и копыя.

Султан насмешливо хмыкнул. Что ему эта троица со своей пародией на оружие, когда он с 6 лет обучался искусству фехтования, и не одну голову срубил собственными руками в кровопролитной битве?!

Но свиста прилетевшего откуда-то из кустов камня, ударившего его в висок, Сулейман попросту не услышал...

Подоспевшие на подмогу своему Повелителю янычары с яростными криками бросились на оборванцев, и спустя пару минут головы разбойников валялись вдоль дороги. Глава небольшого отряда, Яхмет-бей, соскочил с коня и бросился к лежащему навзничь Повелителю, у головы которого медленно растекалась кровавая лужица.

— Возвращаемся во дворец, срочно! Наш Повелитель тяжело ранен!

Янычары быстро и слаженно собрались, бережно подняв на седло самого выносливого коня своего бесчувственного падишаха. Небольшой конный отряд развернулся, и на всей скорости поспешил обратно в столицу, к лекарям, под защиту огромных сводов дворца Топ-Капы.

Про то, что ехали они возвращать беглую Хасеки султана, воины в свете последних событий попросту забыли.

Ибрагим отправился за едой вниз, на кухню трактира, а я лежала в постели и сосредоточенно смотрела в потолок. Меня мучило два противоречивых чувства.

Первым было желание немедленно вернуться во дворец любыми способами, пусть даже мне придется собственноручно прирезать для этого Ибрагима. Вторым было иррациональное желание плюнуть на власть и все ей сопутствующее, отплыть с греком как можно скорее в Венецию и жить своей жизнью. Рожать ему детей и вести жизнь праздной светской дамы и любящей жены.

Борьба этих двух желаний грозила затянуться надолго.

Как говорила в таких случаях моя мама, «Включай логику, Саша!». Что мне даст эта праздная жизнь с Ибрагимом, кроме счастья и покоя, а так же полноценной сексуальной жизни?

Ничего.

А что мне даст власть? И пусть пока что в моих руках как таковой власти еще нет, но какие были планы! И какие перспективы открываются! Отправься настоящая Александра с Ибрагимом в Венецию по истории, вошла бы она в эту самую историю, как самая известная из жен султанов?! Стала бы она легендой, эта рыжеволосая Хасеки?!

Вот только я — не она, а она — не я. Или все-таки?..

Застонав, я перевернулась и уткнулась лицом в подушку. Решай, Саша, решай. У тебя и так осталось очень мало времени.

Когда Ибрагим вернулся в комнату, нагруженный подносами со всевозможными лакомствами, я уже была готова. Встретив его приветливой улыбкой и искренне поблагодарив за еду, я быстро сервировала низенький столик и приступила к трапезе.

И вот где-то уже ближе к ее завершению я взялась за кусочек мяса и капризно поинтересовалась:

— А я его руками должна рвать?

— Кусай, — не понял, что я от него хочу, Ибрагим.

— Это некультурно, — я скривила нос и отложила мясо так, будто оно раньше принадлежало больному проказой. — Мне нужен нож. И порезать его на маленькие кусочки.

— Хюррем!

— У меня зубы болят, я не могу жевать крупные куски мяса, — «по секрету» призналась я. Ибрагим вздохнул и отцепил с пояса острый кинжал. Протянул его мне рукоятью вперед.

...Ты сам подписал себе смертный приговор, паша. Прости. Но я не поеду с тобой в Венецию. Обещаю, что буду за тебя молиться, обещаю, что буду вспоминать...

Эти мысли пронеслись в моей голове, пока я, как в замедленной съемке, сжимала пальцы вокруг приятно холодившей кожу рукояти дамасского кинжала. Потом — вспышка.

Ибрагим вскакивает с подушки и пытается прикрыть горло рукой.

Удар. На лицо брызгает теплая кровь, показавшаяся мне вишневым соком.

Еще удар. Хрип. Он скребет руками по полу рядом с собой, силясь достать до своей убийцы.

— У меня не было выбора, — в пустоту говорю я, словно бы пытаюсь оправдаться перед ним.

Присев на корточки рядом с умирающим греком, я внимательно смотрю ему в глаза. Мне не страшно. Я уже видела смерть. Это всего лишь миг, когда душа отделяется от тела и уходит. Вот только я не знаю, куда.

Тело еще теплое, но взгляд становится пустым и невидящим. Почему люди всегда умирают с открытыми глазами?

Я осторожно опускаю два пальца на яремную вену. Пульса уже почти нет. Сердце еще продолжает по инерции качать кровь, но мозг умер. Еще немного.

Подождав пару минут, я закрываю ему глаза. Хотя взгляд грека и пустой, и уже ничего не выражает, мне все равно не по себе. Мне кажется, что он смотрит на меня с укоризной.

Становится зябко, и я обхватываю себя руками, чтобы хоть как-то согреться. Я все еще в простыне, он не отдал мне мое платье. Но его одеждой я могу воспользоваться. И конем,

который с большой долей вероятности стоит на конюшне.

Отцепив с пояса Ибрагима кошелек, я высыпала монеты на ладонь и пересчитала их. На дорогу до столицы мне должно хватить. Возможно, я даже смогу нанять кого-то в сопровождающие.

Вздохнув, я возвращаюсь к столу и бездумно беру с него кусочек мяса, ставший причиной смерти невинного, в принципе, человека. Кладу в рот, вяло двигаю челюстями. Неожиданно мне кажется, что мясо все в крови Ибрагима. Не успев даже отбежать в угол, меня скручивает волна тошноты.

Извини меня. Но другого выхода просто не было. Ты бы не отпустил меня сам. А Сулейман казнил бы, не раздумывая. В этом даже есть какое-то благо, умереть от руки любимого человека, не так ли?

Хотя кого я обманываю? Я убийца. И убила я человека, которого вроде бы даже любила, только из-за одного. Из-за власти.

Хотя... ведь там, во дворце, остался еще и мой сын...

Придя в себя, я расстилаю найденный в шкафу коврик, становлюсь на колени и впервые за все время пребывания в Турции начинаю молиться Аллаху.

Глава 13.

Прежде чем отправиться обратно во дворец, мне предстояло решить еще одну задачу. Проще говоря, избавиться от тела. В данный момент тело лежало в углу комнаты, завернутое в покрывало, и действовало мне на нервы. Но здравый смысл подсказывал мне, что просто спуститься мимо хозяина этого гостиного дома и спокойно выйти наружу у меня не получится. Наверняка он решит проверить, в каком состоянии я оставляю номер после выселения.

Или я слишком забиваю себе голову современными традициями?

Вздохнув, я откусила кусочек от уже остывшей курицы и поднесла ко рту ложку плова. С телом все-таки нужно что-то придумать. Нельзя бросить его здесь ... вот так.

В голову пришла только одна мысль. Каким-то, простите, х*ром, его нужно вынести из номера и закопать на заднем дворе. Ночью, пока этого никто не видит. По идее, я буду проезжать какой-нибудь лесочек...

Но как это организовать, простите?

Дожевав курицу, я более-менее определилась с планом действий. Мне нужно было нанять повозку, в которую я попрошу перенести «спящего» друга, тяжело и сильно заболевшего. Нужно только убрать кровь с раны и Ибрагим вполне сойдет за спящего, пока еще не начал разлагаться. Чтобы вынести тело, понадобится помощь слуг. Но на оплату деньги у меня имеются. А дальше... попрошу указать направление до столицы, и в ближайшем леске тело будет предано земле до заката, как и положено у порядочных мусульман.

Хотя что меня, что почившего бывшего Визиря сложно назвать порядочными мусульманами. Да и просто порядочными.

Усмехнувшись своим мыслям, я намочила шелковый платок и подошла к телу, борясь с иррациональным страхом, что вот сейчас он вскочит и удушит меня собственными руками. Не вскочил. Кровь оттерла кое-как, платок запихала за пазуху, чтобы выбросить его подальше отсюда. На Ибрагиме оставалась только длинная нижняя рубашка, штаны и кафтан

я с него сняла. Надеюсь, что его внешний вид не вызовет лишних вопросов. Напоследок я замотала грека простыней с постели и на этом успокоилась.

Заперев дверь и молясь всем Богам, чтобы никто не сунулся в номер в мое отсутствие, я спустилась вниз, где почти сразу нашла хозяина этого «милого заведения» — грека по имени Анатолис. Суетливо раскланявшись, толстяк поинтересовался, что угодно «паше».

«Паше» было угодно нанять повозку для перевозки «заболевшего друга» в Стамбул. И пару слуг, чтобы несчастного, находящегося в «глубоком сне», бережно спустили из номера в ту самую повозку.

После того, как из рук в руки перекочевали пара десятков золотых монет, моя проблема была решена.

— Не желает ли паша пока откусать? — придвигая ко мне источавшую дивный аромат баранину, поинтересовался грек. — Пока не пригонят повозку.

«Паша» не отказался.

Процесс выноса тела прошел без сучка и задоринки. Лошадь Ибрагима я с небольшим трудом опознала на конюшне, но сумела-таки вывести ее и даже лично запрячь в повозку. Направление мне указали, так что теперь оставалось доехать до ближайшего леса и «скинуть груз». О том, что мне понадобится лопата, я вспомнила в самый последний момент.

Идти к доброму хозяину и просить продать лопату показалось мне не лучшей идеей, тем более в конюшне одна стояла прямо у входа — видимо, ей убирали навоз. Пожав плечами, я тихонечко ее притырила, и с деловым видом прошла к повозке, закинув ее внутрь, туда, где уже «отдыхал больной друг». Больше меня тут ничего не держало, а до Стамбула было 16 часов езды. Пора было выдвигаться.

Время уже было позднее, солнце клонилось к закату, а я неторопливо правила утомившейся за время нашего пути лошадкой. Еще бы, в повозки обычно от 4 до 6 лошадей впрягают, а тут ей одной такую тяжесть тащить! Ничего, недолго осталось.

Впереди замаячила опушка рощи. Для моих целей подойдет. Доехав до небольшой полянки, я осадилась на лошадь, спрыгнула с козел и, засучив рукава, направилась копать последнее пристанище для бывшего любовника.

Со стороны кажется, что я такая ужасная и хладнокровная, ничего-то меня не берет? Да, я такая. Жизнь научила, «добрые люди» добавили от себя.

Процесс рытья ямы грозил растянуться на всю ночь. Живот прихватывало каждый раз, когда я наклонялась, спина ныла уже через двадцать минут работы, но пришлось сцепить зубы и мучительно пыхтеть над медленно растущей могилой. Когда я, наконец, закончила, на небе уже показались первые звезды. Оставалось дотащить сюда тело.

— Я так точно ребенка потеряю... — ни к кому не обращаясь, бормотнула я, пытаясь за ноги вытащить тело Ибрагима из повозки. Поддавался труп плохо. Во-первых, он уже начал коченеть и от этого стал как будто раза в три тяжелее. А во-вторых, у беременных женщин физическая сила почему-то убавляется.

Но я же упрямая. Я же дотащу!!! Мать его... За ногу.

Спустя двадцать минут процесс транспортировки был окончен. Я с трудом спихнула тело в яму и позволила себе перевести дух. Осталось закрыть его простыней и закопать. А потом можно и в Стамбул.

Где-то в чаще гулко ухнула какая-то ночная птица, чуть не доведя меня до сердечного приступа. Было темно, а у меня ни айфона, ни фонарика. Практически все действия приходится совершать на ощупь. Хорошо еще, что ночь достаточно лунная, кое-что все-таки

видно. А иначе пришлось бы ждать до утра.

— Спи спокойно, Ибрагим, ты был хорошим визирем и умным врагом. Да и любовником неплохим. Мне тебя даже будет не хватать, — чистосердечно сказала я, прыгнув в яму и закрывая тело покойного простыней. С трудом удалось вылезти обратно, и то пришлось вставать на живот бывшего Визиря. Чувствовала я себя отвратительно.

С трудом я все-таки забросала яму землей и слегка ее разровняла. На большее моих сил просто не было. Подумав, что с выездом в Стамбул стоит подождать до утра, а пока поспать в повозке, я зевнула в горсть и, забросив на плечо верно послужившую мне лопату, отправилась к ней.

Два десятка небритых заросших мужиков, в этот момент отвязывающих лошадь, моему появлению не обрадовались.

— Благородный паша что-то потерял? — подбоченившись, поинтересовался у меня главарь этой шайки оборванцев. — Паша, верно, забыл дорогу до дома?

— Паша сейчас тебе башку снесет, — огрызнулась я, воинственно вскидывая на плечо лопату. — А ну, пшел вон от моей лошади, чмо небритое!

Мужики слегка опешили от такой «доброты», но быстро разбежаться с воплями ужаса и пристыженными лицами почему-то отказались.

— Паша слишком глуп, раз считает, что справится один против 25 бывших янычар, — недобро ухмыльнулся главарь. Этого мне еще не хватало!

— Перебежчиков, — уточнила я. — «Бывших» янычар не бывает.

Слова о перебежчиках моему собеседнику не понравились. Его подельники заворчали. Кто первым бросился в драку — я не запомнила, очутившись практически сразу на земле с завернутыми за спину руками. Волосы вырвались из-под чалмы и рассыпались по плечам.

— Да это женщина! — послышался удивленный возглас кого-то из бандитов. — Хатун, что ты делаешь одна в лесу, да еще в мужской одежде?! Где твой муж, или ты одна?

Мне бы язык прикусить, да помолчать, но я неожиданно разоткровенничалась:

— Меня похитили, но я сумела сбежать, и возвращалась домой. Я могу отдать вам те деньги, что у меня есть, и вернуться в Стамбул. Если же вы меня проводите — я обещаю вам большую награду и хорошие должности.

— Кто ты, хатун? — неожиданно послышался молодой голос. Более-менее вменяемый. — Как ты можешь обещать нам такие вещи? И почему мы должны тебе верить?

— Я Хасеки султана Сулеймана! — гордо задрала я подбородок. В следующую секунду передо мной разверзлась Тьма, и я потеряла сознание — в который раз за последние дни.

Глава 14.

Очнулась я связанная, как докторская колбаса, в какой-то вонючей телеге, лицом в сено. В довершение картины на меня накинута сверху грязную тряпку, видимо, чтобы не привлекала излишнего внимания в процессе перевозки. Еще и кляп в рот заботливо засунули, явно использовав на него кусок чьей-то грязной чалмы!

Бешенство вскипело во мне в ту же секунду, как я поняла, во что вляпалась. И все — из-за того, что я представилась?! Назвала себя Хасеки?! Меня похитили, и теперь везут неведомо куда против моей воли?!

ДА КТО ОНИ ТАКИЕ!???

Сулейман их на сотни тысяч кусочков порвет за меня и моего еще не рожденного

ребенка! Вот только где он со своей хваленой помощью, когда так нужен?! Почему мой Султан, Падишах, мать его, сердца и всего мира, не рвется спасти свою злостно похищенную уже второй шайкой придурков женщину?!

Перед моими глазами встала приторная рожа конопатой Фирузе. Может, поэтому и не рвется?! Ему эта маленькое чучело сумело меня заменить?! Я живу с педофилом?!!

Яростный рык, вырвавшийся из моей груди, услышали. Телега (или на чем меня там перевозили) остановилась. Через пару секунд тряпку сдернули с моей головы и я уставилась прямо в изумленные глаза какого-то чернявого парнишки. Он что, не знает, что он везет?!

— ММММЫЫЫЫЭЭЭЭУЙ!!! — злобно высказал я все, что думаю об этой растреклятой Османской империи и ее вонючих подданных.

— Вы.... Кто вы, хатун?! — глаза мальчишки были размером с акче. Злобно рыкнув во второй раз, я попыталась выплюнуть кляп. Грязная ручонка мигом метнулась к моему рту, и через секунду мерзкая тряпка была извлечена. — Что вы делаете... в телеге?

— Не знал, что везешь? — из меня просто сочился яд. — Откуда же ты такой наивный взялся?! Похитили меня!

— Ой...

— Что «ой»?! — разъярилась я. — руки мне развяжи, не стой столбом!

— Секунду, добрая госпожа! — видимо, госпожу во мне признали по крайне хамскому тону, отработанному на гаремных рабынях.

Через минуту я устало потирала затекшие руки и ноги, пытаюсь понять, что за бред вокруг меня творится. Ехали мы куда-то по дороге в Эдирне. Мальчишку звали Теодорис. Он был сыном недавно преставившегося греческого переселенца. Мама сидела дома одна с четырьмя голодными ртами. Сено мальчишка спер вместе с телегой на базаре, пока мои похитители обмывали удачно стыренную меня в ближайшей харчевне.

подавив желание истерически заржать, я предложила мальчику отвезти меня в Стамбул, где он будет щедро вознагражден за услуги. На этот раз вякать о своей принадлежности к гарему Повелителя я не стала.

— Госпожа, но мама с сестрами и братиком совсем умрут с голоду, если я сегодня ничего им не привезу... — у парня в глазах стояли искренние слезы. Я вздохнула, и согласилась на денек отложить поездку в Стамбул, при условии, что он не станет продавать вместе с сеном на базаре лошадь. Тео пообещал. Хороший мальчик.

Искренний и щедрый. Разделил со мной последнюю краюху хлеба, все так же уворованную у грабителей. Я посмотрела на него и мужественно отказалась от подарка, хотя желудок предательски посвистывал. Пусть хоть поест немного, и так сквозь него уже все просвечивает. Бедные дети...

На секунду мне стало стыдно перед этим ребенком и его матерью, которые жили в ужасающей нищете, пока такие, как я, от пуза обжирались гаремными лакомствами. Но жалость быстро прошла. Людей надо не жалеть и кормить «подачками», а давать им возможность построить свою жизнь. Не могу представить себе, что явлюсь наряженной в шелка и бриллианты к этим бедным людям и «щедрой рукой» налью им тарелку супчика, за который меня должны будут восхвалять перед Аллахом до скончания моих дней!

Все эти мысли вертелись в моей голове, пока мальчик понукал лошадь, чтобы она ехала быстрее. На сене в этот раз я развалилась с комфортом, и могла спокойно предаваться размышлениям и сочинять прочувствованные матерные опусы в адрес Сулеймана. Так он обо мне заботится, предатель?! Собака турецкая!! Стоило какой-то мокрошелке (пардон!)

конопатой перед ним хвостом потрясти, как законную жену мигом из головы вымело! Ну ничего, поплавает у меня эта ст...ерлядь! В Босфоре!! С мешком на голове и камнем на ногах!!

Мысли были столь прекрасны и упоительны, особенно та часть, в которой Фирузе захлебывалась рыданиями и умоляла меня ее не топить, что я аж задремала. Открыла глаза, только когда мы подъехали к дому Тео.

— Госпожа, мы прибыли, — доложился пацан. Да я это и так уже поняла! Кто еще может жить в таком доме, как не греческая семья?! Изумлению моему не было предела. Во дворе стояли статуи. Закиданные тухлыми яйцами, обляпанные помидорами — статуи Афины, Деметры и иных богинь.

— Откуда это у вас? — слабым голосом спросила я, не в силах спокойно смотреть на такое святотатство. Статуи!! Яйцами... Что за народ!

— Отец сам ваял...

— Да он был талантливым человеком, — присвистнула я. — А тебя научил?

— Научил...

Если мальчик хотя бы вполовину так талантлив, как его отец, то я забираю его во дворец. Будет дворцовым скульптором, как вырастет. В помощники к архитектору его определить, пока не подрастет. А матери и его братьям-сестрам, в принципе, в городе тоже домик подобрать можно и работу какую-то придумать, чтобы не голодали. Додумались тоже, на десятилетнего ребенка заботу о пропитании повесить!

Из дома доносилось тихое пение на греческом. Я прислонилась к косяку и прислушалась:

- *Ósa ástra eínai ston ouranó, margaritarénia mou, kai lámpoun éna éna, kai lámpoun éna éna, tóses forés ta mátia mou, margaritarénia mou, dakrýsane gia séna, dakrýsane gia séna. Áinte, kalé mána, agára me ki eména, koúnei, kalé mána, to paidí gia ména...*

На глаза неожиданно навернулись слезы. Слов я не понимала, но чем-то таким душевным, домашним и своим веяло от этих слов и этого мягкого голоса, что я на миг снова ощутила себя маленькой девочкой, спящей на коленях у баюкающей ее матери.

— О чем она поет? — смахнув предательские слезинки, чуть хрипловато поинтересовалась я у Тео.

— О том, что глаза матери не раз плачут о своем ребенке, и слезы матери — это жемчуг...

Я промолчала, проследовав за мальчиком внутрь дома. Пение моментально смолкло. Видимо, в этом доме не ждали гостей.

— Тео?! — молодая еще женщина с уставшим лицом изумленно воззрилась на меня. — Кого ты привел, сынок?

— Мама, я спас эту женщину от бандитов, — в подробности маму добрый сынок решил не посвящать. Я согласно кивнула. Она ахнула и принялась заваливать меня вопросами. Сынок под шумок улизнул к телеге, явно побежав распродавать сено, чтобы успеть купить что-то к ужину.

Я вкратце пересказала свою историю изумленной матери мальчика, которую звали Анастасия, и спросила, готова ли она с детьми переехать в Стамбул. Ее ответ поверг меня в шок:

— Добрая госпожа, я вижу, что вы хотите помочь, но тут похоронен мой муж. Я не могу оставить родную могилу.

У меня в мозгах сперва слегка замкнуло от такой преданности слегка подгнившему супругу. Но потом.... Потом я вспомнила *свои могилы*, и приняла ее решение без возражений. Помочь я им могу и тут. Придется еще раз съездить сюда, или послать кого-то из верных людей, но просто так оставлять людей гнить в нищете нельзя.

Приняв такое решение, я попросила стакан воды, чтобы слегка перебить сосущее чувство голода в желудке. Мальчику уже не нужна лошадь, он занят продажей сена. Пожалуй, мне пора выезжать. Отсюда дорогу я и сама найду.

Стянув с пальца дорогой перстень, я молча положила его в ладонь опешившей женщине и вышла во двор, не прощаясь. Я сюда еще вернусь. И пусть только кто-нибудь попробует сказать, что Хюррем Султан не помнит добра!

Глава 15, заключительная.

Заночевала я в ближайшем леске, предварительно зайдя поглубже. До темноты в Стамбул было никак не успеть, хотя есть хотелось страшно, а пить еще больше. Подрастающий детеныш явно намекал безалаберной мамашке, что на таком питании он долго не протянет. И винить в его неожиданной кончине мне нужно будет только себя.

Я лежала в охапке сухих листьев и травы, которую быстро насобираала для того, чтобы не студить спину на голой земле, и размышляла.

Я убила человека ради власти. Или? Ради Сулеймана? Чтобы никто не посмел забрать меня у него? Но чем мне так важен этот надменный османский варвар, что при одной мысли о конопатом рыле в его постели мои кулаки сами сжимаются, царапая отросшими ногтями кожу ладоней?

Почему мне резко стало не все равно? После того раза, когда я впервые испытала с ним оргазм? Не смешно. Несерьезно. Тут что-то большее.

Я думала, думала и все больше понимала, что дела мои плохи. Против своей воли я влюбилась в султана, и это сделало меня его рабыней. Потому что он стал для меня близким и родным — таким, каким не смог стать ныне покойный Ибрагим-паша.

И что это значит?

А значит это, что я буду бороться за свою любовь!! И никакие косоглазые недоношенные..... дальше много слов непечатных..... мне в этом не помешают!

С этой мыслью я успокоено перевернулась на правый бок и вскоре мирно уснула.

Проснувшись на рассвете, я быстро умылась и напилась воды из найденного неподалеку ручейка, взгромоздилась в седло и прищипорила лошадь. Пора было возвращаться на свое законное место, к своему законному мужу, и отвоеванной с таким трудом и жертвами власти.

Султан не приходил в себя вторые сутки подряд. Изредка вскрикивал что-то в полубреду, метался по кровати, но приходить в сознание отказывался. Лекари разводили руками и заявляли, что все в воле Аллаха. Валиде билась в истерике, но поделать ничего не могла.

Отряды янычар, посланных на розыск пропавшей султанши, вернулись ни с чем. Во дворце царило поистине траурное настроение. Наложницы боялись громко разговаривать, прячась по углам ташлыка и еле слышно перешептываясь. Только Фирузе победно глядела на

всех с балкона этажа фавориток, и время от времени заливалась на редкость неприятным смехом в ответ на шуточки своей толстой служанки.

Гюльнихаль-хатун с маленьким шехзаде Мехмедом сидела на диванчике, который любила занимать ее пропавшая госпожа, и мысленно представляла себя в одежде султанской одалиски. Она знала, что наступит ее день, и султан призовет ее к себе. Она молила об этом и Христа, и Аллаха, и даже Дьявола, который, как известно, охотнее откликнулся на просьбы грешных смертных.

Но в тот миг, когда служанка окончательно уверила саму себя, что ее время вот-вот настанет, дверь в гарем распахнулась, и ее взору, а так же взору находившихся на этаже рабынь, предстала пыльная, растрепанная и очень недовольная Хасеки.

— Дестуууур! Хасеки Хюррем Султан Хазрет-Лери!! — опешившие на секунду от вида законной супруги Падишаха стражники все-таки вспомнили о традициях и порядках.

Хасеки встряхнулась, одернула мешковато сидевший на ней мужской кафтан и гордо, задрав подбородок и сверкая зелеными глазами, как кошка в темной комнате, прошествовала через ташлык. Ее провожали пораженные и ненавидящие взгляды.

— Мария! — голос Хасеки был недовольным. — Почему ты *сидишь здесь* с моим сыном? Ему сейчас необходимо *спать*!

Каждое слово Хозяйки Гарема было для девушки, как пощечина. Гюльнихаль молча вскочила и рванулась в покои Хасеки, чтобы поскорее уложить драгоценного шехзаде.

— Фирузе-хатун! — негромко, но очень внятно позвала Хюррем свою опешившую соперницу. — Подойди.

Через пару минут пришедшая в себя наложница встала перед госпожой, презрительно скривив харю. Рыжая молча посмотрела на нее, неуловимо поменялась в лице, как следует размахнулась и от души влепила ей пощечину.

Последовала секундная немая сцена.

— Забываешь, перед кем стоишь, Троянский конь? — со злой усмешечкой поинтересовалась Хюррем. — Ничего, если во дворце Тахмасапа тебя манерам не обучили, *добро пожаловать в гарем*!

От последних слов Хасеки и того тона, которым они были произнесены, содрогнулись почти все присутствующие девушки. Фирузе было открыла рот, чтобы завопить, но моментально словила еще один болезненный шлепок по губам.

— И рта без моего приказа — не открывать!

С этими словами Хюррем Султан ехидно улыбнулась, оттолкнула с дороги конопатую и красную как кумач помеху, и вскоре скрылась в коридоре, ведущем в ее личные покои.

— Я тебе еще покажу-у-у-у! — постыдно разревевшись и утирая кулаком сопли, прохныкала ей вслед Фирузе.

Как же хорошо снова оказаться дома! Едва переступив порог, я отвела душу на конопатом таракане, оказавшись в своих покоях, поела, быстро переоделась и сразу направилась в хаммам. После этого мне предстоит навестить сиятельную валидэ, чтобы оповестить ее о своем возвращении. Надо только историю своего похищения поправдоподобнее сочинить. Хотя, что я теряю? Свалю все на Ибрагима, ему уже все равно...

Это я так думала. События развивались в неожиданном и не особо выгодном для меня

направлении.

Стоило мне переступить порог хаммама, как там моментально объявилась валидэ. Выражение ее лица не сулило мне приятных событий.

— Что все это значит, неверная?!! — грозно зарычала она. Я подняла бровь и смерила свекрову уничижительным взглядом. Не помогло. — Как ты осмелилась сбежать из гарема, а затем тебе еще и наглости вернуться хватило?!!

Рта раскрыть мне просто не дали.

— Мойся, собирай свои вещи и бери служанок. Ты отправляешься в Старый Дворец!

— Хрена лысого, — тихо и внятно сказала я, подходя к валидэ вплотную. — Никуда я отсюда не поеду, пока вы не остынете и не соизволите выслушать то, что произошло на самом деле. Ваши приходы меня уже, честно признать, задрали!!

Последнее слово я уже просто прорычала.

Дальше несколько событий произошло одновременно. Валиде посинела, начала хватать ртом воздух и мешком осела на пол, оставшись в совершенно нелепой позе. Я наклонилась над свекровью и неожиданно поняла, что она мертва.

Остекленевший взгляд, приоткрытый рот, из которого стекает ниточка слюны... моментально запавшие глаза... Где-то я это уже видела.

В этот миг у меня за спиной раздался торжествующий злобный вопль. Фирузе. Ну, ты меня достала!!

— Валидэ — султан!!.. — договорить она не успела. Отлетела в сторону от мощного пинка, и ударилась виском об стену. Тихо охнула и с посеревшим лицом сползла на пол, застыв в такой же нелепой позе.

— Как... неаккуратно, — неискренне заметила я. Рабыня за моей спиной вздрогнула, но ничего не сказала, а других свидетелей не было. Как удачно! — Позови евнухов. Фирузе — в Босфор, валиде — в ее покои.

Меня не посмели послушаться.

На следующее утро та самая рабыня, бывшая единственной свидетельницей этой сцены, была найдена повешенной в бельевой комнате. Я неискренне поохала и вечером отправилась к ювелиру, чтобы заказать себе корону.

Со смертью валиде я стала главой гарема — официальной, пока это право у меня не отберет Сулейман. А он не отберет... Уж я постараюсь!

Стоя на балконе и оглядывая испуганных рабынь, бегающих внизу, я едва подавляла дикое желание в голос рассмеяться.

Что мне гарем... я буду править миром!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net